УСКОЛЬЗАЮЩИЙ ГУМАНИЗМ В ТЕКУЧЕЙ МЕДИЙНОСТИ XXI ВЕКА

Коллективная монография

Под ред. В. А. Сидорова

Санкт-Петербург
2026

ББК 73
УДК 002-004
С 34

Рецензенты:
Балашова Ю. Б., д-р филолог. наук, профессор (СПбГУ)
Ефанов А. А., д-р философских наук, профессор (Высшая школа экономики)
Осипова Н. О., д-р филологических наук, профессор (Вятский гос. гуманитарный ун-т)
Попова О. В., д-р политических наук, профессор (СЗИУ РАНХиГС)

Редакционный совет: **В. А. Сидоров** (председатель), **А. Н. Фортунатов**, **А. Н. Линде** (уч. секретарь)

Ускользающий гуманизм в текучей медийности XXI века. Коллективная монография. — СПб.: Издательский дом «Петрополис», 2026. 300 с.

Актуальная проблематика современного прочтения гуманизма давно привлекает к себе внимание. Так, в формате панельных дискуссий апрельского научного Форума «Медиа в современном мире. Петербургские чтения» (СПбГУ) проходило ежегодное (2021–2024) обсуждение вопросов взаимодействия гуманизма и медиа в цифровом мире XXI века. Каждая новая дискуссия отражала свой аспект общей проблематики: Ценности гуманизма contra фобии медийной среды; Медийное лицо гуманизма цифровой эпохи; Гуманизм и постгуманизм в медиа XXI века; Гуманизм и медиа в условиях социальной турбулентности. Непривычен формат реализации научного проекта — участие в панельной дискуссии при отсутствии согласованного членства в исследовательской группе — вход и выход свободный. Формат проведения позволил расширить круг обсуждаемых вопросов. В то же время среди участников дискуссии образовалось ядро проекта. Не удивительно, что в монографии, во многом завершающей проект, главным образом представлены постоянные участники панельной дискуссии. В публикуемых статьях, с одной стороны, подведены итоги сказанного за эти годы, с другой, продолжена дискуссия на полях печатного издания. Монография адресована исследователям современных медиакоммуникаций, философам, филологам, социологам.

ISBN 978-5-9676-1525-2

© Коллектив авторов, 2026
© ИД «Петрополис», 2026

Гуманизм и медиа XXI века: от реального к иллюзорному?

Введение в проблематику книги

Издревле людьми ценились жизнь, созидание и творчество. Но особенно слово — межчеловеческое общение. Хотя так было не всегда: порой не спадала пелена предрассудков, заскорузлости мышления. В такие эпохи, как понимал их Й. Хёйзинга, не общение между людьми, а обращение к высшим силам составляло основу коммуникаций — не было потребности разбираться с себе подобными в тонкостях бытия [Хёйзинга 2002: 273]. И все же сложившийся порядок вещей и с ним установившийся ход времени был сломан. Сломан теми, кого позднее назовут гуманистами. Они возвысили представление о Человеке и его Слове, и поэтому, как пишут наши современники, «подлинное общение имеет экзистенциальный смысл, это переживание полноты бытия в другом и в себе благодаря другому» [Докучаев 2025: 129]. Гуманизм сложился как новая стратегия отношения человека к бытию и к самому себе, в котором ценность всего, что наполняет жизнь, становилась абсолютной.

В этом корпусе великих смыслов, сформулированных титанами Возрождения, потом разбирались веками — то целенаправленно — писатели, философы, политики, то стихийно — все, кому не безразличной была судьба человека. В протомедийных каналах Ренессанса, в медиасферах Нового времени и современности складывался общесоциальный нарратив гуманизма. Медийная среда явилась пространством, несущим в себе как идеологию гуманистической мысли, так и ее отрицание. Борьба за идеалы гуманизма всякий раз усиливала культурные и нравственные противоречия в обществе: одни и те же слова, выражающие одни и те же принципы, брали на вооружение разные народы и разные слои общества, оттого и звучали они по-разному.

Чуть более века назад Александр Блок заново обратился к всегда его тревожащей теме гуманизма. Поэта беспокоил особенно важный для него аспект в развитии гуманистической мысли: «Движение, исходной точкой и конечной целью которого была человеческая личность, могло расти и развиваться до тех пор, пока личность была главным двигателем европейской культуры. Мы знаем, что первые гуманисты, создатели независимой науки, светской философии, литературы, искусства и школы, относились с открытым презрением к грубой и невежественной толпе. ...Естественно, когда на арене европейской истории появилась новая движущая сила – не личность, а масса, – наступил кризис гуманизма» [Блок 1962: 94]. Для первой четверти XX века тема «личность и толпа» не была неожиданной, новой, напротив, для исследователей того времени она оказалась даже модной, главным образом в западной социологии и философии. В этом плане русская общественная мысль пошла дальше. Александр Блок в своем видении деградации гуманизма из-за выхода на авансцену истории в понимании поэта «грубой и невежественной толпы» не был одинок. Еще в начале того столетия (1906) Д. С. Мережковский выступил со статьей «Грядущий хам». Писатель использует слово «хам» не в бытовом смысле, а как метафору разрушительной силы, которая угрожает духовным ценностям. «Грядущий хам» – это собирательный образ человека, лишенного нравственных ориентиров, поклоняющегося материальному благополучию и отрицающего высшие идеалы. Статья длительное время и по объективным причинам оставалась на обочине научного дискурса. Настало время вернуться к ее пророческой сущности.

Мережковский и Блок, если не обращать внимания на объяснимую их эпохой резкость в определениях текущего времени и фигур той поры, сто лет назад прочувствовали сердцем результаты глобальной массовизации культуры, многократно усиленные сегодня новейшими технологиями цифрового мира. В связи с этим не удивительно, что лицо гуманизма постепенно искажалось. В цифровую эпоху деструкции подверглось прежде всего – основа основ, Слово. Началась дегуманизация общения, выразившаяся в явлениях троллинга, кибербуллинга, анонимных агрессиях, кризисах доверия,

эрозии объективной реальности. Это сопровождается заменой живого диалога алгоритмическими лентами социальных сетей, образованием «фильтрующих пузырей» с их информационной изоляцией человека. Таким образом, говоря словами Блока, в новой медийной среде «гуманизм утратил свой стиль».

Можно утверждать, что гуманизм медиа – это незавершенный проект и постоянное поле социального напряжения и динамики. Однако в главном гуманизм медиа – это совокупность ценностных установок служения человеку, возвышения его достоинства и права на самовыражение. Такое осуществимо в том случае, если медиа являются пространством диалога, где главенствуют принципы достоверности информации и осмысленной коммуникации. Диалог в современной цифровой эпохе привел к новому пониманию взаимодействия автора и его читателя, выраженному когда-то Роланом Бартом. Полвека назад (1971) философ отказался признавать авторитет автора и передал право на создание смысла читателю, заявив, что текст рождается заново в каждом акте чтения [Барт 1989: 421].

Наступившая цифровая эпоха привела к очередным фундаментальным изменениям во взаимодействии автора и аудитории. Если в эру аналоговых медиа взаимодействие носило преимущественно линейный, монологический характер, то в цифровой среде возникла новая онтология отношений – журналист и аудитория вовлечены в совместное конструирование «второй реальности», где стираются привычные роли, где аудитория получает возможность не только реагировать, но и непосредственно влиять на повестку. Информационные платформы, социальные сети, алгоритмы и нейросети, с одной стороны, создают беспрецедентные возможности для диалога. С другой, в цифровой среде обнаружились антропологические и этические дефициты, приведшие к опасному снижению доверия между участниками коммуникации: аудитория больше не знает, чему именно она доверяет – фактам или мнениям. Появляется асимметрия уязвимости, явно заметная в среде медиасоциума.

Журналист доверяет аудитории? – Не всегда: анонимные пользователи вызывают подозрение, тролли и боты дискредитируют обратную связь.

Аудитория доверяет журналисту? – Опять-таки не всегда: аудитории известно, что журналист может удалить любой комментарий, проигнорировать критику в свой адрес.

Так возникает «ловушка недоверия», неумолимо снижающая уровень гуманистических интенций журналистики. Совсем не случайно Г. С. Мельник* тревожится об утрате в медийном пространстве смысловых ориентиров, опасности антропологической катастрофы[1]. Последняя означает, что смыслы жизни человека, заключенные в общении, деятельности, могут быть утрачены, он прекратит преображать свой мир, значит откажется от своей сущности, потому что «преобразование есть отношение человека к миру как к объекту, а общение – как к субъекту. Преобразование... оказывается активным вмешательством в их существо» [Докучаев 2025: 40]. Но если в медиасреде гуманистические интенции снижаются, потому что авторство перестает быть исключительной монополией человека, а в той или иной степени передается искусственному интеллекту, то и преобразование мира не остается полностью за человеком. И это надо понимать – ни много, ни мало – как вызов гуманизму.

Новые условия бытия трансформируют способы коммуникации, причем прежние неумолимо отмирают (сначала азбука Морзе, потом письма, поздравительные открытки, телеграммы) и заменяются смс-сообщениями, строчками электронной почты, обменом мнениями и эмоциями в социальных сетях. Цифровые технологии, массовизация сетевого дискурса становятся триггером процессов, в результате которых значительная часть медиаконтента утрачивает былую сердечность, близость человека к человеку, лишается гуманистической интенции, а подчас становится инструментом манипуляции. Субъект и его самость в медиа растворяются в антропоцентричном поле сомнений, приводя к отрицанию традиций и, как следствие, деструктивным изменениям личности [Блохин 2014: 145].

---

[1] Исследователи, чьи фамилии в тексте помечены символом * («звездочкой»), – авторы настоящего издания.

Идеи гуманизма подвергаются атакам деструктивных социальных технологий в совокупности с цифровыми. И хотя за этим стоят вполне определенные социальные группировки, внешне это выглядит как проявление автономии современной техники. Не удивляет, что даже в научной литературе муссируется тезис о подмене человеческого разума искусственным. «Гуманитарная мысль еще не сталкивалась с такими вызовами, как в наши дни. ...Цифровизация всех сфер социальной практики выводит на первый план идею гомодицеи – оправдания необходимости существования человека» [Тульчинский 2018: 28]. Так что проблема человекоразмерности медийной среды налицо. На поставленную проблему есть разные ответы. И будем надеяться, что при соответствующем ее решении все же утвердится отрицание возможного порабощения человеческого разума искусственным, а принципы гуманизма в медиа возьмут верх над алгоритмами. Вера в позитивное начало медийности – в своем роде продолжение веры мыслителей Ренессанса в высокое достоинство человека. Гуманистические идеалы испытаны временем, доказали свою значимость, непреходящую ценность. «Стержень гуманизма – принцип преемственности поколений, ценностей духовной культуры» [Тишкина 2014: 36]. Надо верить, что и далее стержень гуманизма покажет свою несгибаемость на ветрах истории.

Конечно, не надо прятать голову в песок, учтем, что рождение нового цифрового мира ставит перед человечеством особые вопросы. Дегуманизация общества под воздействием перемен в техносфере – один из них. Безусловно, собственно перемены еще не означают революционного преображения мира, если не видны детерминанты новообразований. Один из них, как считается, «массовая культура», доминирование которой в XXI веке – состоявшееся явление, наступление которого предвидели русские мыслители начала прошлого века. Сегодня идет «диссеминация массовой культуры», в итоге остаются «профанация золотого фонда классики, подтягивание нравственного и философского подтекста глубоких содержанием, остроактуальных артефактов под убогие запросы, отвечающие примитивной природе так называемого одномерного, то есть более чем среднего и заурядного человека» [Соловьев 2022:

35]. По всей видимости, А. Н. Фортунатов оказался прав, когда заговорил о «„пустых алгоритмах“ – фантомах прежнего гуманизма» [Фортунатов 2023: 139], его медийных имитациях. Естественно, речь не о старении принципов гуманизма, речь об их опустошении в цифровом пространстве в результате медиатизации всей жизнедеятельности «массового человека». Так в мире «цифры» появляются новые сущности, далекие от смыслов гуманистической мысли, возникают ее симулякры.

Симптоматично то пристальное внимание, которое в наши дни уделяется взаимодействию человека с ИИ, происходящее в современном медиасоциуме. С. В. Курушкин* анализируя реальные факты уравнивания человека и non-humans, выделяет тенденции, ведущие к лишению субъекта субъектности. В этом процессе И. Ф. Кефели* обнаруживает темную сторону технологий ИИ. Более того, намечается обожествление медийного, капитуляция человека перед алгоритмами, – считает А. Н. Фортунатов* и ставит нас перед современностью бытия, в котором одновременны «Я – медийный и Я – реальный». По-своему это видит Е. В. Маринова*, для которой «виртуальная личность, и цифровая личность – результат „двойной“ жизни современного человека (в реальности и в Сети), но расхождение между самими понятиями значительное». И поэтому исследователь утверждает, что «человеку нужен человек». Так что аналитики не столько безысходны в выводах и настроениях, сколько неукоснительно следуют важнейшей гуманистической сущности публичного Слова – быть набатом, предупреждающим общество о возможных опасностях.

Гуманистические интенции медиа отражают исторически сложившиеся практики информационных полей, в которых утверждалось и утверждается достоинство человека, возвышаются диалог и взаимопонимание индивидов и групп общества. И сегодня в медийной среде по-прежнему решается задача, соответствующая идее о коммуникации Человека с себе подобным, некогда провозглашенная мыслителями Возрождения. В эпоху цифровой революции и медиатизации общества идея гуманизации медиакоммуникаций стала еще насущней – на наших глазах начались и происходят события, в результате которых медийная среда окончательно претерпела

качественные изменения. Она из всем понятного информационного сопровождения жизни человека трансформировалась в медиасоциум – «вторую реальность», которая кое в чем похожа на открытую еще К. Марксом «вторую природу», но и во многом расходится с ней. Если в XIX столетии «вторая природа» означала только все созданное умом и руками человека, то в XXI веке в ее содержание вливается вся информационная совокупность мира – его образы и символы, цифровые эквиваленты от денежных средств до музейных богатств, от бытовых повседневностей до военно-политических столкновений.

Мы рассматриваем гуманизм в медиа в качестве смысловых интенций противоречивой цифровой среды, утверждаем непременность присутствия гуманизма в медиа. Его показатели, конечно, меняются, а в условиях цифровой эпохи меняются особенно динамично, выражаются в дискурсах по актуальной и социально значимой проблематике. Медиаконтент гуманизма раскрывается по-разному в зависимости от своего содержания и субъектов взаимодействия в сетевом пространстве. В связи с чем мы ставим принципиальные вопросы о природе человеческого в медиа: что остается от субъектности журналиста в алгоритмически управляемом пространстве? Сохраняется ли возможность подлинного диалога «Я – Ты»? Ответы на поставленные вопросы далеко не однозначны, как не однозначно представление гуманизма в медийной среде.

В этом контексте следует обратить внимание на концепцию «текучей идентичности» З. Баумана, который противопоставил «твердую», стабильную идентичность эпохи индустриального капитализма «текучей», постоянно пересобираемой идентичности нашего современника [Бауман 2008: 32–45]. Журналист в цифровом медиасоциуме оказывается воплощением текучей идентичности. Мы определяем ее в качестве «текучей медийности», в которой зримо подвергается эрозии один из значимых смыслов функционирования журналистики, воплощающий в себе идею поддержания преемственности в общественном развитии: ослабевают нити, связующие прошлое и настоящее; в медийных текстах прошлое фрагментировано, нет его целостности, отсюда неверное истолкование событий и фигур минувшего, и уже не удивляют фактологические

небрежности и ошибки в текстах; смыслы гуманистических идей затрагиваются поверхностно и конъюнктурно.

В научных исследованиях отмечается деконструкция гуманистической составляющей публичной/медийной сферы под воздействием ряда процессов, достигших апогея в первой четверти нынешнего столетия, возможно, даже кризисного состояния. Его преодоление, как известно, может повлечь за собой два следствия – либо исчезновение объекта, либо его преображение, причем радикальное. Пока что преодоление только подразумевается, исследователи рассматривают сложившуюся реальность и задают себе больше вопросов, чем находят ответы на них. Е. И. Кузнецова*, показывая определенное влияние на действительность со стороны цифровых технологий, вопрошает, «останется ли мир миром, а человек – человеком?» И констатирует возникшую сегодня «множественную иллюзорность бытия», в принципе не позволяющую дать ответы на поставленные вопросы: иллюзорность препятствует реализму, а множественность его полностью обессмысливает. Это такой же парадокс, как и другой парадокс, уже отмеченный исследователем относительно субъекта цифрового мира, открытого множеству контактов, но испытывающего подлинное одиночество. Интересно, что 40 лет назад В. С. Степин, заявив о «проблеме отчуждения человеческой личности», констатировал «феномен возрастающей атомизации и одиночества человека при одновременной глобализации мира», поставив при этом во главу угла гуманистическую идею не только возвышения личности человека, но и ее сохранения [Степин 1992: 192–193].

Сложно рассуждать об этом, когда процесс атомизации социума налицо, когда иллюзии «второй реальности» застилают глаза. Тем не менее, реальная практика позволяет увидеть, насколько в жизни отстаивается гуманистическое достоинство человека, его способность словом и делом укреплять связи с себе подобными. Р. Г. Иванян* изучает феномен медиасолидарности, и результаты такого анализа позволяют утверждать, что медиатизация социальных практик не всегда ведет к дегуманизации медийной среды, напротив, позволяет в новых социальных обстоятельствах,

на основе новых медийных технологий укрепить интенции гуманизма в цифровом мире XXI века. И это движение жизни не от реального к иллюзорному, а явно противоположное ему, что придает всем нам оптимизма на пути обретения человеком самого себя в условиях меняющегося мира, в котором его, человека, пытаются подчинить технически-бездушным алгоритмам. Медиа в этом контексте неизбежно становятся обоюдоострым инструментом – он, с одной стороны, в состоянии помочь человеку обрести свою самость, с другой, во многих практиках способствует превращению гуманности в фикцию, набор слов. Обращает на себя внимание медийная практика современного Китая, где медиагуманизм, как пишет Лай Линчжи*, не линейное замещение человеческого фактора машинным, а синтез новых технологий и культурного наследия.

Таким образом, гуманизм и медиа – неразрывные полюса, качества, состояния единого процесса пробуждения человека, обретения им новых для себя оснований самоуважения, надежд, перспектив, в корне противостоящие эсхатологии и грустным констатациям нравственного и интеллектуального упадка, обозначающие тупики безысходности. В условиях преодоления всего негативного и наносного в медийном и научном поиске надо утверждать истину и правду, о чем размышляет В. А. Гуторов*. Именно сегодня особенно важно вести речь о надежде как неотъемлемом качестве гуманизма, способе человекосозидания.

Актуальная проблематика современного прочтения гуманизма давно привлекает к себе внимание. Отнюдь не удивительно, что инициатива начать ее коллективное обсуждение пришлась ко двору. Так в формате панельных дискуссий Форума «Медиа в современном мире. Петербургские чтения» (СПбГУ, Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций) было организовано ежегодное обсуждение проблем взаимодействия гуманизма и медиа в цифровом мире XXI века. Каждая новая дискуссия отражала свой аспект общей проблематики: *Ценности гуманизма contra фобии медийной среды; Медийное лицо гуманизма цифровой эпохи; Гуманизм и постгуманизм в медиа XXI века; Гуманизм и медиа в условиях социальной турбулентности*.

Непривычен формат реализации научного проекта – отсутствие согласованного членства в исследовательской группе – вход и выход свободный. Такое условие позволило всемерно расширить круг обсуждаемых вопросов, но в то же время образовать ядро исследовательского проекта. Не удивительно, что в книге, завершающей проект, в основном представлены постоянные участники нашей панельной дискуссии. При этом работа над статьями для монографии была обусловлена намерением концептуально как должным образом подвести итог уже сказанному в течение 2021–2024 гг., так и продолжить дискуссию на полях печатного издания.

Актуальные вопросы проекта связаны с медийной деструкцией – социальной угрозой традициям гуманизма. Активно обсуждались медийные деструкции как условие взаимосвязи агрессий и фобий с ценностной базой радикализма. Не меньшее внимание было уделено расширению ареала массового человека в общественной жизни за счет доступности социальных коммуникаций, где отсутствуют сдерживающие факторы и очищающие фильтры, вызывающие побочные явления в информационном взаимодействии. В массе людей, вовлекаемых «цифровым» миром в агрессивное противостояние, отмечались высокая готовность к переносу конфликтов из символического пространства в физическое, рост динамики ненависти, так как недоверие и ненависть подпитывают друг друга, а общество концентрирует свое внимание на образе врага. И чем сильнее страх перед воображаемым противником, тем выше градус агрессии в «цифровой среде». Медиатизация явлений повседневной жизни, политических и культурных событий привели к понижению социальной значимости гуманистических ценностей, возникновению эпидемий ксенофобии. Таким образом, в центре внимания участников проекта – фундаментальная проблема по определению агрессий и фобий медийной среды как ценностно-политического вызова гуманизму. В этом контексте обусловлен запрос на изучение человекоразмерности цифрового мира, повышение внимания к философским, историко-культурным основаниям и проблемам гуманизма цифровой эпохи: актуален императив увидеть медийность цифровой эпохи не как побочный эффект культуры, а как условие нового мира.

Говорить о гуманизме в целом, его истории в пределах одной книги нет никакой возможности и необходимости. На эту тему давно состоялись целые библиотеки, отчего каждый, стремясь сказать нечто новое, вполне вероятно рискует повторить сказанное. Однако, как видим, есть не теряющий новизны и очень широкий аспект анализа актуальных проблем гуманизма – медийный. И он охватывает как целенаправленный, так и стихийный дискурсы. Любой из них двойственен: с одной стороны, это публичный диалог/полилог о сущности гуманизма, с другой – о медийных формах и средствах его распространения и понимания.

Профессор *В. А. Сидоров*

Список литературы

1. *Барт Р.* От произведения к тексту // Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр. – М.: Прогресс, 1989. С. 413–423.
2. *Бауман З.* Текучая современность / пер. с англ. – СПб.: Питер, 2008.
3. *Блок А. А.* Крушение гуманизма // Александр Блок. Собрание сочинений в восьми томах / под общ. редакцией В. Н. Орлова, А. А. Суркова, К. И. Чуковского. – М.-Л.: Гос. изд-во худ. литературы, 1962. Т. 6. С. 93–115.
4. *Блохин И. Н.* «Новый реализм» как ответ покушениям на реальность // Журналистика XXI века: к правде жизни. Материалы семинара-форума «Дни философии *в Петербурге-2013». СПб., 2014. С. 144–153.*
5. *Докучаев И. И.* Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры: Монография. – М.: Академический проект, 2026.
6. *Соловьев В. М.* Мутация культуры и кризис гуманизма // Ростовский научный вестник. 2022. № 9. С. 32–38.
7. *Степин В. С.* Перспективы цивилизации: от культа силы к диалогу и согласию // Этическая мысль 1991. Научно-публицистические чтения. – М.: Республика, 1992. С. 182–199.
8. *Тишкина Е. И.* Элитарность и массовость: к проблеме бинарных сопряженных дифференциаций в культуре: монография. Курган, 2014.
9. *Тульчинский Г. Л.* Цифровизованный гуманизм // Философские науки. 2018. № 11. С. 28–43. URL: https://publications.hse.ru/articles/235524972

10. *Фортунатов А. Н.* Кибергуманизм: как коммуникативные технологии трансформируют наше общество. Монография. М.: Изд-во Флинта, 2023.
11. *Хёйзинга Й.* Осень Средневековья / пер. с нидерландского. — М.: Айрис-пресс, 2002.

Humanism and Russia in the 21st century: from real to illusive Introduction

Since ancient times, people have valued life, creation and creativity. But the word, human communication were special. Though it was not always the case. Sometimes the veil of prejudices and the rigidity of thinking did not fall away. J. Huizinga suggested that it was not communication between people, but rather an appeal to higher powers in such epochs that formed the basis of communication. There was no need to engage with peers to understand the intricacies of human being [Huizinga 2002: 273]. The established order of things and the established flow of time were broken. Broken by those who would later be called humanists. They raised the understanding of the Human and his Word, and therefore, as our contemporaries write, «authentic communication has an existential meaning, it is the experience of the fullness of being in another and in oneself thanks to the other» [Dokuchaev 2025: 129]. Humanism emerged as a new strategy for human relationship to existence and to himself, and the value of everything that fills life became absolute.

The titans of the Renaissance formulated the pool of great meanings, which was analyzed over the centuries, sometimes purposefully by writers, philosophers, politicians, sometimes spontaneously, by anyone who cared about the fate of man. General social narrative of humanism was formed in the early media channels of Renaissance and media spheres of New Times and modernity. Media environment became a space that carried both the ideology of humanist thought and its negation. The fight for the ideals of humanism has always strengthened cultural and moral contradictions in the society. Different people and different strata of society used the same words, expressing the same principles, therefore they sounded differently.

A little over a century ago, Alexander Blok turned to ever-troubling for him issue of humanism. The poet was troubled by a particularly important aspect of the development of humanistic thought. «A movement, whose starting point and ultimate goal was the human personality, could grow and develop as long as the personality remained the main driving force of European culture. We know that the first humanists, creators of independent science, secular philosophy, literature, art, and education, referred to the crude and ignorant crowd with clear contempt...Of course, when new driving force, not an individual, but the masses, appeared on the stages of European history, crisis of humanism advanced» [Blok 1962: 94].

For the first quarter of the 20th century, the issue «the personality and the crowd» was not something unexpected or new. On the contrary, for researchers of that time it became even trendy, mainly in Western sociology and philosophy. In this regard, Russian societal reflection went further. Alexander Blok was not alone who pictured the disgrace of humanism due to the rise of the «rough and ignorant crowd» on the stages of history. At the beginning of the century (in 1906), D. S. Merezhkovsky published the article «The Approaching Beast». The writer uses the word «ham» not in its routine meaning, but as a metaphor for a destructive energy which threatens holy values. The «approaching beast» is a collective figure with no moral and ethical foundations, who is in awe of material well-being and who denies higher ideals. The article remained on the sidelines of scientific discourse due to objective reasons. The time has come to return to its prophetic nature.

Merezhkovsky and Blok felt at heart the effects of the global massification of culture a century ago, though one should not pay attention to the sharpness of their statements of the those times and figures. It can be explained by their epoch. The global massification of culture is strongly reinforced by the latest technologies of the contemporary digital world. In this context, it is not surprising that the face of humanism distorted step by step. In the digital era, destruction touched the basics first of all, the Word. Dehumanization of communication has begun. It is articulated through trolling, cyberbullying, anonymous aggressions, crises of trust, and erosion of objective reality. It is followed with

the replacement of alive dialogue with algorithmic social media feeds, «filter bubbles» that isolate individuals informationally. Thus, in new media space, «humanism has lost its style», as Blok would have said.

One can state that humanism of media is an unfinished project and constant field of social tension and dynamics. However, thinking fundamentally, media humanism is a set of values and attitudes serving people, highlighting their dignity and their right of self-expression. This is achievable if the media act as a space for dialogue, with the prevalence of the principles of information reliability and meaningful communication.

Dialogue in the modern digital era has led to a new understanding of the interaction between the author and the reader, once expressed by Roland Barthes. Half a century ago (in 1971) the philosopher refused to recognize the supremacy of the author and transferred the right to create the sense to a reader. He stated that the text is being reborn during each act of reading [Barthes 1989: 421].

The new digital era has brought another wave of fundamental changes in the interaction between the author and the audience. If in the era of analog media the interaction was predominantly linear and monologic, the digital environment has given rise to a new ontology of relations. Journalists and audiences are involved in joint constructing of «second reality». Familiar roles dissolve while the audience gains the ability not only to react and respond but also to directly influence the agenda.

On one hand informational platforms, social networks, algorithms, artificial neural networks create unprecedented opportunities for dialogue. On the other hand, the digital environment has revealed anthropological and ethical deficits that have led to a dangerous trust decline among actors of communication. The audience no longer knows exactly what it trusts to — facts or opinions. This creates asymmetry of vulnerability, which is clearly visible in the media society.

Does a journalist trust the audience? Not always: anonymous users provoke suspicion, trolls and bots discredit feedback. Does the audience trust the journalist? Again, not always: the audience knows that a journalist can delete any comment, ignore personal criticism.

This is how the «trust gap» is being created. It, inevitably, lowers the level of humanistic intentions of journalism. It is no coincidence that

G. S. Melnik* is concerned about the loss of meaningful references in the media space and the danger of an anthropological catastrophe [1]. The last one means that the essence of any human life, contained in communication and action, can be lost. A human will cease to transform his or her world, which means abandoning own essence, because «transformation is an attitude to the world as an object, while communication – as to a subject. Transformation turns out to be an active intervention in their essence» [Dokuchaev 2025: 40]. In the media environment humanistic intentions diminish because authorship ceases to be an exclusive monopoly of humans and is transferred to artificial intelligence to some extent. So the transformation of the world is no longer entirely in human hands. And it must be understood neither more nor less as a challenge to humanism.

New circumstances of existence transform the communication methods. Old ones inexorably dye (first Morse code, then letters, greeting cards, telegrams) and are getting replaced by text messages, email lines, exchange of opinions and emotions on social media. Digital technologies and massification of online discourse trigger the processes. Significant portion of media content loses its former warmth, human-to-human intimacy. It gets deprived of humanistic purpose, and sometimes get transformed into a tool of manipulation.

The subject and his self in the media dissolve in an anthropocentric field of doubts, leading to the denial of traditions and, as a consequence, destructive changes of a personality [Blokhin 2014: 145].

The ideas of humanism are under the attacks of destructive social technologies, coupled with digital ones. It appears on the surface to be a prove of the autonomy of modern technology although it is driven by specific social groups. It's not surprising that even the scientific research papers dwell on the idea that artificial intelligence replaces human mind. «Humanitarian reflection has never faced such challenges as it does today. ... The digitalization of all spheres of social practice brings to the forefront the idea of homodicy – the justification of the necessity of human existence» [Tulchinskii 2018: 28]. The problem of

---

[1] Researchers whose names in the text are marked with the symbol * (asterisk) are the authors of this publication.

the human dimension of the media environment is obvious. There are various answers to this issue. Let's hope that, if addressed properly, the possibility of enslavement of the human mind by artificial intelligence will be rejected. The principles of humanism in the media will prevail over algorithms. Faith in the positive nature of media is, in a way, a continuation of the Renaissance thinkers' belief in the sublime dignity of the human being. Humanistic ideals are time-tested, the proved their significance and enduring value. «The core of humanism is the principle of the continuity of generations, the values of spiritual culture» [Tishkina 2014: 36]. We must believe that the kernel of humanism will continue to demonstrate its firmness on the winds of history.

Of course, we shouldn't bury our heads in the sand. Let's consider that the emergence of a new digital world poses specific challenges for humanity. The dehumanization of society influenced by the changes in the technosphere is one of them. Of course, changes don't necessarily mean a revolutionary transformation of the world if the determinants of this new development are not visible. It is believed that one of them is «mass culture». Its dominance in the 21st century is a phenomenon, foreseen by Russian intellectuals in the beginning of the last century.

The «dissemination of mass culture» takes place nowadays. It results in «the profanation of the golden fund of classics, the adaptation of the moral and philosophical subtext of deep, highly-timed artifacts to the wretched demands of the, so-called, one-dimensional individual, who is more than average and ordinary» [Soloviev 2022: 35]. Obviously, A. N. Fortunatov was right when he spoke about «empty algorithms» – phantoms of the former humanism» [Fortunatov 2023: 139], its media imitations. Naturally, this is not about the aging of humanist principles but rather about their devastation in the digital space as a result of the mediatization of all aspects of the life of the «mass-man». Thus, the new entities appear in the digital world. They are far from the essence of humanistic thought, its simulacra arise.

Human interaction with AI is under the intense attention in current media society, which is highly symptomatic. S. V. Kurushkin* analyzes real cases of humans and non-humans equitation, he identifies trends leading to the deprivation of subjectivity. I. F. Kefeli* uncovers the dark side of AI technologies in this process. Furthermore, A. N. Fortunatov*

believes that media is getting idolized, humans capitulate to algorithms, confronting us with a contemporary existence where the «media self» and the «real self» coexist simultaneously.

E. V. Marinova* has a unique perspective. «The virtual personality and the digital personality are the outcomes of the „double life“ of contemporary man (in reality and online). But the disparity between the concepts is significant» Therefore, the researcher asserts that «a human needs a human». Thus, the analysts are not so hopeless in their conclusions and sentiments, as they are steadfastly committed to the humanistic essence of the public Word – to be an alarm, warning society of potential dangers.

The humanistic intentions of media mirror the historically proved practices of information fields. It is reaffirmed that human dignity has always been a part of this agenda. The dialogue and mutual understanding of individuals and groups are picked up. The media continues to address the challenges of human communication, once proclaimed by Renaissance intellectuals.

In the era of the digital revolution and the mediatization of society, the idea of humanizing media communications has become even more pressing. We witness the beginning and ongoing changes that have ultimately changed the media environment. It has transformed from a commonly understood informational accompaniment to human life into a media society – a «second reality». In some ways, it resembles the «second nature» discovered by Karl Marx, but in many ways diverges from it as well.

In the 19th century, «second nature» meant everything created by the human mind and hands. In the 21st century the content is infused with the entire informational totality of the world – its images and symbols, digital equivalents from monetary funds to museum treasures, from everyday life to military and political clashes.

We look at humanism in media as a semantic intent of the contradictory digital environment and affirm the indispensability of humanism in media. Its indicators change, of course. They change particularly dynamically in the digital age, expressing themselves through the discourses on hot and socially significant issues. Content of humanism

manifests itself differently depending on its essence and the actors of interaction within the online space.

In this regard, we pose fundamental questions about the nature of humanity in the media. What remains from journalistic active role in a space controlled by algorithms? Is the opportunity for the authentic «I-You» dialogue still present? The answers to these questions are far from simple, just as the concept of humanism in the media environment.

In this context, attention should be paid to Z. Bauman's idea of «fluid identity». He contrasted the «solid», stable identity of the industrial capitalism era with the «fluid», constantly reassembling identity of a contemporary man [Bauman 2008: 32–45]. The journalist in the digital media society turns out to be the personification of the fluid identity. We see it as a «fluid media», where one of the most significant purposes of journalism, which embodies the idea of maintaining order in social development, gets visibly eroded.

The threads connecting the past and the present get weakened. The past in media texts is fragmentated, it lacks integrity, which leads to misinterpretation of the historical events and figures. The empirical inaccuracies and errors in the texts are no longer surprising. The substance of humanistic ideas are touched superficially and opportunistically.

Academic research notes the deconstruction of the humanistic component of the public/media sphere. It is influenced with a number of processes that reached their peak in the first quarter of this century. Perhaps, it can be even called a crisis. It is well known that overcoming the crisis can entail two consequences: either the disappearance of the object or its transformation, even radical one. For now, overcoming this crisis is only insinuated. Researchers examine the existing reality and ask questions rather than give answers. E. I. Kuznetsova* shows the influence of digital technologies on reality. She asks, whether «the world remains the world, and the human remains the human». She also notes that contemporary character of «multiple illusory nature of existence» fundamentally stops us while answering the question whether the illusory nature hinders reality, while its multiplicity makes it completely meaningless.

This paradox is similar to another one, already noted by the researchers regarding the main figure of the digital world. This person is open to a multitude of contacts but experiences real loneliness. It is interesting, that V. S. Stepin announced the «problem of alienation of the human» 40 years ago. He noted that «the phenomenon of increased human atomization and loneliness goes in line with the globalization of the world». He also put above all else the humanistic idea of not only elevating the human personality but even just safeguarding him [Stepin 1992: 192–193].

It's difficult to reflect when the process of social atomization is evident, and the illusion of a «second reality» clouds our vision. Nevertheless, real life experience allows us to see how human dignity is upheld, as well as to acknowledge the ability to strengthen ties with the peers through word and deed. R. G. Ivanian* researches the phenomenon of media solidarity. The outcomes of her analysis allow us to state that the mediatization of social practices does not always lead to the dehumanization of the media. On the contrary, mediatization allows us to strengthen the intentions of humanism in the digital world of the 21st century in new social circumstances, on the bases of new media technologies. This movement of life is not from the real to the illusive, but clearly opposite to it. It fills us with optimism on the path of human self-discovery in a changing world where attempts are made to suppress a man with the technological and insensitive algorithms.

In this context, media inevitably become a double-edged sword. On one hand, it can help people find their identity, on the other hand, it contributes to the transformation of humanity into a fiction, a collection of words in many practices. Contemporary China has noteworthy experience in this regard. As Lai Lingzhi* writes, media humanism is not a linear replacement of the human factor with the machine, but a synthesis of new technologies and cultural heritage.

Thus, humanism and media are inseparable poles, qualities, and states of a single process of human awakening, the acquisition of new foundations for self-respect, hope, and perspective. These qualities fundamentally oppose eschatology and the sad assertions of moral and intellectual decline, which mark the dead ends of despair. V. A. Gutorov* stresses that it is necessary to affirm truth and justice while overcoming

all negative and superficial in media and scientific research. It is especially important to discuss hope as an integral quality of humanism, mean of human creation Nowadays.

The current interpretations of humanism have attracted attention for long time. The initiative to start a group discussion was positively accepted which was not a surprise. An annual discussion of the links between humanism and the media in the digital world of the 21st century was organized during the panels at the «Media in the contemporary world: Saint-Petersburg readings» Forum (St. Petersburg State University, Graduate School of Journalism and Mass Communications). Each new discussion reflected specific aspect of the overall topic: *The values of humanism versus the phobias of the media; The media face of humanism in the digital age; Humanism and post-humanism in 21st-century media; Humanism and media in the context of social turbulence.*

The format of a research project is unusual. There is no membership in the research group, entry and exit are free. This precondition allowed to expand the range of discussed issues comprehensively, as well as to form the core group of the research project. It's not surprising that the main authors of the concluding book are the regular participants of our panel discussion. The work on the papers for the monograph was driven by the intention both to properly conceptually summarize what had already been said during 2021–2024 and to continue the discussion in the margins of a printed publication.

The project's current issues revolve around media destruction which is perceived as social threat for the traditions of humanism. Media destructions were actively discussed as a prerequisite of the interconnection of aggression and phobias with the values of radicalisation. Not less attention was paid to the expansion of the «mass-man» habitat in public life which took place due to the accessibility of social communications. The last ones lack the inhibiting factors and sanitizing filters that cause side effects in information interaction. Among the masses drawn into aggressive confrontation by the digital world. High level of readiness to transfer conflicts from the symbolic to the physical space was noted. Dynamics of hate got intensified, because mistrust and hatred feed each other, while society focuses its attention on the figure of an enemy. The stronger the fear of an imaginary enemy, the higher the

degree of aggression in the «digital environment». The mediatization of routine life, political and cultural events has led to the decline of social importance of humanistic values and the rise of epidemics of xenophobia. Thus, the project participants focus on the fundamental problem of defining media aggressions and phobias as a value-based and political challenge to humanism. There is a growing need to explore the human dimension of the digital world. This involves paying closer attention to the philosophical, historical, and cultural foundations and challenges of humanism in the digital era. It is crucial to understand the media dimension of the digital era not as a mere by-product of culture, but as a defining prerequisite of the new world.

It's neither possible nor necessary to discuss humanism and its history in a single book. Manuscripts collections have long been written on this topic, so anyone who strives to say something new, quite likely, risks repeating what has already been said. However, as we see, there is a never-failing and very broad aspect of analyzes of current issues of humanism – the media part. It encompasses both targeted and spontaneous discourses. Each is dual: on one hand, it is a public dialogue/polylogue about the essence of humanism; on the other hand, it is about the media forms and means of its dissemination and understanding.

Professor *V. A. Sidorov*

References

1. *Barthes R.* From work to text // Selected papers: Semiotics. Poetics / transl. from French. Moscow: Progress, 1989. P. 413–423.
2. *Bauman Z.* Liquid modernity / transl. from English/ St. Petersburg: Piter, 2008.
3. *Blok A. A.* The Collapse of Humanism // Alexander Blok. Collected Works in Eight Volumes / edited by V. N. Orlov, A. A. Surkov, K. I. Chukovsky. – M.-L.: State Publishing House of Literature, 1962. Vol. 6. P. 93–115.
4. *Blokhin I. N.* «New realism» as a response to assaults on reality // Journalism of the XXI century: towards the truth of life: articles of at the All-Russia forum with the international participation Days of philosophy in Petersburg-2013. St. Petersburg: St Petersburg State University; School of Journalism and Mass Communications, 2014. P. 144–153.
5. *Dokuchaev I. I.* Value and Existence. Foundations of Historical Axiology of Culture. Moscow, Academic project, 2026.

6. *Soloviev V. M.* Cultural mutation and crisis of humanism // Rostovskij naučnyj vestnik. 2022. № 9. P. 32–38.

7. Stepin V. S. Prospects of civilization: from the cult of power to dialogue and consent // Ethical thought: scientific-publicist. Readings-1991. **M**oscow.: Publishing house «Republic». P. 182–199.

8. *Tishkina, E. I.* Exclusiveness and Mass Character: the problem of binary conjugate differentiations in culture. Kurgan, 2014.

9. *Tulchinskii G. L.* Digitized humanism // Russian Journal of Philosophical Sciences. 2018, № 11, P. 28–43. URL: https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-11-28-43.

10. *Fortunatov A. N.* Cyberhumanism: How **c**ommunication technologies are transforming our society. Moscow: Flint Publ. House, 2023.

11. *Huizinga J.* The autumn of the Middle Ages / transl. from Dutch. Moscow: Iris-Press, 2002.

Часть первая

Гуманизм и его отрицание в медийной среде

Г. С. Мельник

СПбГУ
melnik.gs@gmail.com

Трансгуманизм: новый мировой порядок, власть над будущим или глобальная ловушка
(медийное измерение)

Введение

В научном дискурсе проблему переосмысления роли и статуса человека в современном мире связывают с кризисом антропологии, вызванным утратой смысловых ориентиров общества потребления. Выход из затянувшегося кризиса значительная часть философов видит в трансгуманизме. Некоторые американские ученые настаивают на том, что «ценности гуманизма и просвещения, которые легли в основу прав человека и демократических конституций» [Иванченко, 2021: 44], устарели. Сторонники антигуманизма под трансгуманизмом понимают *«синергию философии и практики международного движения за расширение когнитивной и биологической составляющих „человека разумного“, которые ставят своей целью процесс аугментации человека при помощи медицинских, биоинженерных, генетических, технологических и кибернетических технологий для борьбы со страданием в его глобальном понимании»* [Там же: 44–45].

К сегодняшнему дню написано большое количество книг и статей, в которых ученые продемонстрировали желание показать историко-культурное происхождение и деструктивный потенциал идеологии трансгуманизма на теоретическом и практическом уровнях

[Бостром, 2016; Четверикова, 2015; Проханов и др., 2021; Назаров, 2020]. С одной стороны, последователи движения утверждают: целью трансгуманизма является преобразование состояния человека с помощью разработки и создания широкодоступных сложных технологий для обеспечения счастливой жизни человека и ликвидации страданий, старения и смерти. В реализации цели – создание сверхчеловека – ученые полагаются на достижения крионики, генетической инженерии, а также на искусственный интеллект. В многочисленных исследованиях продвигается идея конвергенции биологических, информационных, познавательных и нанотехнологий, направленных на усовершенствование Человека [Jiang, Cheng, Ishiguro, 2022; Фесенкова, Дерябина, 2022; Hasse, 2022].

С другой стороны, исследователи оценивают мощный негативный потенциал трансгуманизма, который может привести к антропологической катастрофе и потому смертельно опасен. Трансгуманизм – это «*не побочное причудливое явление технического развития, это логический конец Нового времени, мы должны были подойти к этому – к эпохе киборгов, гибридов, мутантов и химер, и мы к этому подошли*» [Дугин, 2016]. Знаменательно, что это высказывание философа А. Дугина находим в его статье, озаглавленной «Трансгуманизм – дьявольская затея, смертный приговор человечеству».

Рассуждая о новой эволюционной утопии трансгуманизма, профессор В. Н. Катасонов указывает на связь этой идеологии с традицией постмодерна, пытается показать несостоятельность учения, полагая, что «*остановить вирус возможной здесь утопической идолатрии информационной машины можно только на почве трезвой религиозной антропологии*» [Катасонов, 2022].

Одни аналитики рассматривают трансгуманизм как движение интеллектуалов, возникшее в ответ на вызов технологического развития цивилизации с опорой на аксиологические нормы [Мелешко, 2021]. Другие видят в трансгуманизме идею утраты традиционных ценностей, а вместе с ними уничтожения самого человека [Дугин, 2016], они сомневаются в жизненности этической концепции трансгуманизма и подвергают критике комплекс идей

о допустимости неограниченного технологического вмешательства в природу человека.

Трудно не согласиться с основным выводом критиков трансгуманизма: «*Создание расы постлюдей – это не философия, а стратегия, новая мифология, игровая „ставка“ в борьбе за переформатирование истории и завоевание прочного технологического господства в мире*» [Аверьянов и др., 2020].

Один из самых известных в отечественной философии критиков трансгуманизма В. А. Кутырев связывает его расцвет с политическими технологиями, которые используются мировыми игроками ради замедления кризисных процессов. Такие игроки «готовы использовать серые схемы в виде нацизма, терроризма, фашизма, постмодернизма, идеологии бестиализма или „белокурого зверя“» [Кутырев, 2022: 127]. В связи с этим ученый ставит вопрос об ответственности философии за целевые ориентиры, предлагаемые человечеству, за оценки существующего мира, за сохранение достоинства человека.

Таким образом, трансгуманизм понимается как философская теория, обосновывающая фундаментальную трансформацию человека и человечества под воздействием инновационных технологий. Естественное желание физического совершенствования, в том числе с помощью имплантантов тела, поставило человека перед необходимостью решения вопроса о своем статусе в мире природы [Шмольц, 2020].

Термин трансгуманизм принадлежит основателю ЮНЕСКО Джулиано Хаксли (1957). Однако прародителем трансгуманизма считается Р. Курцвейл, прогнозировавший создание к 2030 г. суперкомпьютера, способного не только проектировать человеческий мозг, а значительно его превосходить [Kurzweil, 2013]. Идеи Рэя Курцвейла о симбиозе биологического и технологического в постчеловеке были сразу подхвачены западными изданиями *Washington Post, The New York Times* и *The New Yorker*, развернувшими дискуссии о способах изменения мира. В частности, *New York Magazine* подробно обсуждал идеи Джефри Эпштейна *об улучшении человеческой расы с помощью генной инженерии и искусственного интеллекта.*

В научном дискурсе обозначен проблемно-тематический диапазон для обсуждения феномена трансгуманизма: 1) осмысление бессмертия в парадигмах трансгуманизма и постгуманизма; 2) бессмертие как естественно-научный-технический процесс; 3) искусственный интеллект как основа бессмертия; 4) расширение когнитивных способностей, физическое совершенствование тела, свободное от биологических ограничений; 5) расширение спектра гендерных вариаций и идентичностей; 6) духовное состояние как тормоз на пути прогресса; 7) технологизм как новая религия; 8) отказ от традиционных религий; 9) загрузка новых ценностей.

Эта проблематика оказалась востребованной и в сетевых медиа, превратившихся в огромную дискуссионную площадку по обсуждению системы взглядов и концепций, «*логически обосновывающих методы и средства достижения трансгуманистической утопии*» [После человека, 2018; Аверьянов, 2020: 11].

В медиатекстах активно обсуждаются вопросы: куда исчезнет духовный фундамент человека? Нужен ли он вообще сверхчеловеку? Что делать, когда у человека наступит конфликт с базовыми ценностями?

В практическую плоскость переместились вопросы: нужно ли СМИ поддерживать прорывные проекты трансгуманизма, информировать широкую общественность о достижениях в реконструкции человека или акцентировать внимание исключительно на опасном социальном процессе – расчеловечивании социума.

На массовых традиционных каналах РБК, ОТР, РенТВ, канал «СПАС», ГТРК-«Санкт-Петербург», Радио «Маяк» стала трендом тема будущего Человека и Человечества, в передачах интерпретируются темы, обозначенные учеными: а) бесконечное самоопределение (полное изменение человеком первичных и вторичных половых признаков; б) свобода идентичности; в) отказ христианской идеи о нравственном несовершенстве человека; г) права однополых браков; д) рождение квазирелигий; е) уничтожение традиционных монотеистических религий; ж) контроль над жизнью, рождением и смертью и др.

На философских интернет-площадках Yandex в режиме круглых столов продолжается разговор о постчеловеке и трансгуманизме

(«*Данила Медведев — Трансгуманизм, социальные структуры, инновационная система*»; «*Беспредел совершенства: как трансгуманисты видят будущее*»; «*Православие, русский космизм, трансгуманизм в поисках будущего*»; «*Трансгуманизм в контексте современной философской культуры: pro et contra*»; «*Маск и Трансгуманизм Виктора Пелевина: Пророчества, которые становятся реальностью! #ии*»; «*Трансгуманизм & Постгуманизм — технокоммунизм, киборги, репликанты — Философия — Телос*»; «*Трансгуманизм_ Оккультные ловушки. Как чат GPT изменит нашу жизнь*» и др.). Проблемы бесконечного потенциала возможностей практически всегда сводятся к критериям духовности в оценке гуманизма и трансгуманизма.

Сегодня не иссякают дискуссии пользователей Сети о будущем Человека и на других информационных площадках. Так, поиск по хештегу #trnshumanism только в Googl выдает цифру более 100 тыс. публикаций.

На самом популярном портале «Российского Трансгуманистического Движения» (РТД) ежедневно идет обновление информации. В Манифесте стратегического общественного движения «Россия 2045» прямо выдвигается требование создания мирового стратегического центра, формирующего культуру, связанную с «*идеологией будущего, техническим прогрессом, искусственным интеллектом, мультителесностью, бессмертием, киборгизацией*» [Манифест, 2011]. На этом информационном ресурсе продвигается более 15 активных проектов, среди которых «Построение утопии», «Пересадка головы», «Киборгизация» и «НейроКодирование». Основные лозунги организации «Бессмертие и неограниченное развитие для каждого человека» и «Безопасность для цивилизации» представлены наряду с международной символикой трансгуманизма *h*+ (Humanity+) [Голдыш, 2021]. Заголовки свидетельствуют о сенсационной направленности материалов с шок-контентом («*Переселенцы: к вопросу о пересадке сознания*»; «*Электронной личности требуется инженер-энтузиаст — создание электронной копии человека*», «*Сеттлеретика — междисциплинарная наука о „переселении“ личности*»; «*Популярное введение в проблематику загрузки*», «*Перспективы бессмертия*» и др.).

В 2021 г. развернулась дискуссия, стимулом для которой послужил доклад писателя, эксперта в области искусственного интеллекта Игоря Шнуренко *«Фашизм под маской трансгуманизма»* на ресурсе информагентства «REGNUM» о границах между цифровизацией общества и полной его деградацией путем трансгуманизации [Шнуренко, 2021]. Дискуссия в медиа не стихает до сих пор.

На портале газеты «Завтра» (31.08.2021) Александр Лобанов заявляет «...в России, как и во всём мире, стремительно растёт добровольная „киборгизация“ граждан, начиная с протезирования суставов и сосудов» [Лобанов, 2021]. Внимание автора привлекает не столько повсеместная экспансия трансгуманизма, сколько пошаговая, едва заметная политика в этой области. Трансгуманизм в подобных публикациях проявляется как четкий катализатор потребления в современном обществе.

Наиболее сбалансированный контент и взвешенную позицию демонстрируют авторы публикаций о трансгуманизме на канале «РБК.Тренды». Типичные заголовки: «*За рамками биологической эволюции: что такое трансгуманизм»; «Беспредел совершенства: как трансгуманисты видят будущее человечества»; «Человек 2.0, или трансгуманизм. Каким будет человек будущего?»; «Возможен ли мир без болезней, ограничений человеческих возможностей и даже смерти?»; «Преодоление ограничений, созданных природой, должно стать возможным благодаря техническому прогрессу»; «Беспредел совершенства: как трансгуманисты видят будущее человечества*». Главный вектор направленности авторских рассуждений – возможность ускорения эволюции разумной жизни за пределами человеческой формы с помощью науки и техники, обязательно «руководствуясь принципами и ценностями, способствующими продлению активной жизни».

На сетевых ресурсах больше обсуждаются вопросы практического применения идей трансгуманизма. Превалируют тексты о бесконечных возможностях искусственного интеллекта, создании ИИ-ассистентов и их в внедрении в повседневную жизнь. Искусственный интеллект рассматривается в основном как маркетинговый термин или таргетинговая система индивидуального управления, оцениваются преимущества искусственного

интеллекта в настоящей и будущей жизни человека (быстрота, широта памяти, оперативность, производительность). Ставится вопрос, можно ли ИИ, нейросетям предоставить права учиться.

Социальные практики трансгуманизма

Теория трансгуманизма реализуется уже сегодня в социальных практиках, предлагающих разные формы биологического существования человека (чайлд фри, трансгендеры, метросексуалы, бисексуалы, лица, применяющие экстракорпоральное оплодотворение) [Проханов, 2022 и др.]. Из будущих проектов исчезает духовное как фундамент человека. Вопросы самоопределения, свободы выбора, счастья человека, возможности управлять самому своей жизнью привлекательны, прежде всего, для молодых людей. Это расширяет возможности медийных магнатов монетизировать производство медиатекстов, направленных на репрезентацию утопии трансгуманизма.

Модным трендом становятся многочисленные сюжеты, где комментируется проблема гендера, и где часто происходит подмена биологического понятия «пол» социальным понятием «гендер». Философ А. Дугин, характеризуя сторонников трансгуманизма, пишет: «*упразднили нормативное представление о полах и нормальной семье, легализовав самые различные формы гендерных мутаций и извращений*» [Дугин, 2016].

В ходе дискуссий используются так называемые постчеловеческие технологии, построенные на эксплуатации эмоций человека, провокативном дискурсе, сарказме и фальсификации. Эту реальность можно назвать «виртуальным реализмом», «синтетическим реализмом» [Кутырев, 2022: 134]. К сожалению, дискуссиям, как правильно В. А. Кутырев, нередко свойственны «абсурдизация, переворачивание смыслов, деонтологизация знаний, игра, манипуляция, хайп, бесконечная рекомбинация смыслов» [Там же: 143]. Нередко устроители дискурса для вовлечения потребителя в информационный обмен полагаются на интерактивность, которая воспринимается как априорная ценность коммуникации, при

этом технологическая подоплека размывания субъектной позиции, перенесение акцента не на нее, позицию, а на сами транзакции, на перетекание смыслов, на их рассредоточение есть, в общем, отражение трансгуманистической, отрицательной парадигмы.

Медийные факторы деструктивного влияния на аудиторию

Многообразие источников и акторов, бесчисленное количество информационных потоков, лидеров мнений, в конечном итоге способствуют взаимной отчуждённости мировоззрений как отдельных людей, так и крупных социальных групп, субкультур, а также утверждению релятивистского принципа по отношению к любому знанию, устранению критериев объективности. Забалтывание проблемы при обсуждении важной темы, создание информационного шума, излишняя детализация, фейковые новости создают информационное поле, в котором трудно выделить какие-то приоритеты. Коммерциализация информационных процессов, навязанная «модная» повестка дня может способствовать разрушению самоидентификации и расшатыванию базовых личностных свойств.

В медийном пространстве развернуты масштабные практические направления трансгуманизма, прежде всего связанные движением ЛГБТ (организация, запрещенная в РФ как экстремистская), в которое вкладываются огромные международные финансовые средства, которому оказывается мощная информационная поддержка. Ключевыми спонсорами проекта являются Еврокомиссия и Arcus Foundation (крупнейший частный фонд США). Идет легитимация гомосексуализма и транссексуализма, утрачивается значимость пола, который представляется как малозначимый атрибут личности. Пол становится «малосущественным атрибутом личной идентичности» [После человека, 2018: 72].

Медиа формулируют позитивное общественное мнение в отношении ЛГБТ, влияя даже на религиозные общины. В фундаментальном докладе Русской экспертной школы о трансгуманизма перечисляют протестантские организации (лютеранские и кальвинистские церкви) Дании, Исландии, Италии, Нидерландов,

Норвегии, Финляндии, ФРГ, Швеции, Шотландии, США и кельтская церковь в Германии, активно поддерживающие это движение [После человека, 2018: 76].

Организуются информационные атаки в отношении Русской православной церкви, которая обвиняется в «гомофобной» политике. Особым объектом продвижения становится так называемый «радужный» спорт. Западные медиа используют сюжеты, связанные с Олимпийскими играми и представленностью в них представителей сексуальных меньшинств.

В Интернете в свободном доступе находятся видеосюжеты о «Радужном флешмобе 2018». Участники мероприятия с энтузиазмом говорят о своей стране — России — как Средневековье, рассуждают в блиц-интервью о непросвещенных людях, до которых надо достучаться, чтобы они поняли, как прекрасен сексуально-разнообразный мир; они обуреваемы надеждой, что их допустят до подростков, которым обязательно нужно поведать об этом радужном многообразии, которое и есть счастье; участники мероприятия видят в этом свою «гражданскую позицию» и готовы не допускать дискриминации в отношении полов.

В городах России, где официально запрещена организация ЛГБТ как экстремистская, предпринимаются попытки создания сайтов, занимающиеся пропагандой «гендерного» разнообразия. С помощью медиа в молодежной среде культивируется страх быть «такими как все». Веб-ресурсы усердно пытаются заниматься «управлением разнообразия».

В октябре 2024 года прокатилась волна публикаций о новых явлениях, рассматриваемых в аспекте трансгуманизма, — квадробинге, которое увязывается в идеологическое целое с ЛГБТ (организация запрещена в РФ как экстремистская), неонацизмом, фашизмом и другим социальными эпидемия. Квадробинг — молодежная субкультура, представители которой имитируют животных и передвигаются на четвереньках. На российских улицах всё чаще можно встретить детей и подростков в масках самых разных зверей, повторяющих их движения и повадки. Нередко эти дети ходят на поводке, почти всегда собираются в группы, придумывают себе задания.

Аналитики указывают на опасность квадробинга как явления, которое информационно «прошивается» с ЛГБТ, создается кластер близких субкультур. Медийные площадки (агентства РИА-Новости, Аргументы и Факты, Общественная служба новостей, Газета.Ру) используются политиками и деятелями культуры, чтобы остановить поток симуляции, связанных с новым явлением, представляющим информационную угрозу обществу и личности человека.

Режиссер Никита Михалков в эфире своей программы «Бесогон», вышедшей на России 24, заявил, что «в отказе от человеческой жизни» квадробинг совпадает с ЛГБТ и зоофилией и сравнил субкультуру с фашизмом [Михалков заявил, 2024].

Председатель Патриаршей комиссии РПЦ по вопросам семьи, защиты материнства и детства иерей Федор Лукьянов заявил, что у квадробинга и ЛГБТ (Организация признана экстремистской и запрещена в России) есть общие черты [Смирнова, 2024].

«Квадробинг – не детская игра или спорт, а субкультура, предполагающая поиск в себе альтернативной идентичности, опасная социальная технология, психологически готовящая ребенка к принятию антиценностей», – отметил священник [Куракина, 2024].

Российские традиционные СМИ становятся на защиту детей от деструктивных веяний, пытаясь спасти от социальных эпидемий, патологии. Ведь подражание поведению животных может вызвать и агрессивные действия подростков. Указывая на скрытые угрозы и прямо связывая явление ЛГБТ (организация запрещена в РФ как экстремистская) с квадробингом и даже фашизмом, Федор Лукьянов, призывает принять меры по защите общества от этой и подобных субкультур, справедливо замечая, что «Одно дело, когда дети носят одежду с изображением животных, шапочку с „ушками“ ... и совершенно другое – когда остаются такими „зверьками“ в жизни», – сказал иерей [В РПЦ предупредили, 2024]. Особо он обращает внимание на Группы фурри (носители масок животных), которые «*стали привлекательны для педофилов, так как маска животного стирает не только половую идентичность, но и возраст*» [Священник РПЦ...2024].

В октябре 2024 г. сразу два десятка сюжетов появилось на YouTube под симптоматичными заголовками («*Почему хотят запретить*

квадробинг, Так ли он опасен»; «*Квадробинг. Расследование: Кто такие квадроберы. Как стать квадробером?»*; «*Про опасность квадробинга»*; *«Детская поликлиника 20 лет спустя. Квадробинг. Запрещать или нет», «Квадробинг – пугающие тенденции новой игры детей*»; «*Стоит ли бояться квадробинга. Жить здорово»; «Училка в начальке. Стала квадробером, но бабуленька против квадробинша»; «Детский психолог о квадробинге и о том, что пугает взрослых»* и др.). Здесь акценты значительно смещены в сторону защиты детей-квадроберов. В большинстве роликов квадробинг представлен как безобидное хобби. Так называемые эксперты называют это ролевыми играми, необходимыми для развития детей, всячески вышучивают законодателей, предлагающих ввести запрет на пропаганду деструктивной идеологии, в том числе квадробертства; персонажи видеороликов рисуют сценки, как полицейские «захватывают» милых зайчиков, скачущих под ёлками. Обсуждая сложные проблемы, ведущие сюжетов и гости (эксперты) отстаивают право детей на ролевые игры, считая, что это может отвлечь детей от «зловредных» гаджетов. Но, одно дело – играть в зверей, другое – считать, что ты и есть зверь. В противовес им звучат голоса тех, кто думает будущем и точно указывают на элементы расчерловечивания в новом явлении квадробинга.

Между тем, пока эфир заполнен бесконечными разговорами о полезности/вредности квадробинга, интернет интенсивно наполняется рекламными предложениями товаров для квадроберов, а маркетологи успешно монетизируют свой труд по продвижению специализированных детских товаров. С начала 2024 года продажи тематических аксессуаров подскочили почти в 50 раз на популярных маркетплейсах. И, по мнению экспертов, «за всем этим стоят вовсе не дети, а взрослые, которые зарабатывают на масках, хвостах и ушах» [Дети гуляют на поводке, 2024], Десятки тысяч карточек на маркетплейсах, миллионные продажи и очень странные предложения в виде настоящей кошачьей шерсти и корма для животных. В России в 50 раз выросла популярность товаров для квадроберов [Гвоздь, 2024].

Заключение

Вброс новых тем, раскрывающих разные аспекты трансгуманизма, вновь поднимает в медиа вопрос о вечных и универсальных ценностях. В западных медиатекстах подвергается сомнению гуманистическая идея о человеке как высшей ценности. Поскольку эта идея никогда не была реализована на практике (реформы, революции, смена режимов), остается возможность использования информационного поля для разного рода манипуляций и публичного обещания человеку Счастья в будущем. Медийной аудитории в очередной раз предлагается этический, нравственный выбор межу трансгуманизмом и традиционными ценностями.

Список литературы

1. *Аверьянов В., Баранов С., Комогорцев А., Черемных К.* Трансчеловек против человека. Доклад Изборского клуба. Октябрь 2020. URL: https://izborsk-club.ru/20212?ysclid=m2bshvg7eq721562157 (дата обращения: 14.10.2024).
2. *Батдалова К.* Михалков сравнил квадробинг с фашизмом // Газета.Ru | Новости (gazeta.ru)/ 2024. 13 окт. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2024/10/13/24142309.shtml (дата обращения: 21.08.2025).
3. *Бостром Н.* Искусственный интеллект: Этапы. Угрозы. Стратегии / пер. с англ. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.
4. В РПЦ предупредили о связи квадробинга с ЛГБТ (организация запрещена в РФ) идеологией // РИА новости 14.10.2024. URL: https://ria.ru/20241013/kvadrobing-1977799778.html?ysclid=m2cgpyekfu890367518 (дата обращения: 14.10.2024).
5. *Гвоздь И.* В России в 50 раз выросла популярность товаров для квадроберов. URL: https://hi-tech.mail.ru/news/115916-rastet-populyarnost-tovarov-dlya-kvadroberov/?ysclid=m2ccr7wqhi961446085 (дата обращения: 14.10.2024).
6. *Голдыш В.* Осмысление проблем трансгуманизма в современных медиа // Родная Кубань. Литературно-исторический журнал. 23.10.2021. URL: https://rkuban.ru/archive/rubric/publitsistika/publitsistika_13654.html?ysclid=m2cetbzuzx997443808 (дата обращения: 13.10.2024).
7. Дети гуляют на поводке, а интернет пестрит товарами для квадроберов. Откуда это всё пришло и когда прекратится? URL: https://dzen.ru/a/Zw1HTbrcy2FpxRWb?ysclid=m2ccoan18w151203085 (дата обращения: 14.10.2024).
8. *Дугин А.* Трансгуманизм — дьявольская затея, смертный приговор человечеству». 12 сентября 2016. URL: https://spb.tsargrad.tv/articles/aleksandr-dugin-

transgumanizm-djavolskaja-zateja-smertnyj-prigovor-chelovechestvu_25615?ysclid=m2cd923hxk186782185 (дата обращения: 14.10.2024)

9. *Иванченко М.* Философское осмысление феномена бессмертия в парадигмах трансгуманизма, постгуманизма и эссенциокогнитивизма. Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. No 1. Pp. 39–63.
10. *Катасонов В. Н.* Новая эволюционна утопия: трансгуманизм // Правомир. URL: https://www.pravmir.ru/novaya-evolyutsionnaya-utopiya-transgumanizm/?ysclid=m2cdak989v222753078 (дата обращения 14.10.2024).
11. *Куракина К.* В РПЦ нашли связь между ЛГБТ и квадробингом // Аргументы и Факты. URL: https://aif.ru/society/v- rpc-nashli-svyaz- mezhdu-lgbt-i-kvadrobingom?utm_source= yxnews&utm_ medium= desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews% 2Fstory%2F3316e0b0-bec4–5661–8181-f3f3af3f6850 (дата обращения: 14.10.2024).
12. К*утырев В. А.* Человек технологий. Цивилизация фальшизма. — СПб.: Алетейя, 2022.
13. *Лобанов А.* Трясина добровольной киборгизации засасывает православных // Завтра. 2021. 31 авг. URL: https://zavtra.ru/blogs/tryasina_dobrovol_noj_kiborgizatcii_zasasivaet_pravoslavnih (дата обращения: 13.10.2024)
14. Манифест стратегического общественного движения «Россия — 2045». Конвергентные технологии и трансгуманистическая эволюция // Россия 2045: интернет-сайт. URL: https://docs.google.com/viewer?url=http://2045.ru/pdf/globalfuture2045.pdf (дата обращения: 14.10.2024).
15. *Мелешко Е. Д.* Трансгуманизм и цифровая этика // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2021. № 2(38), июль. С. 5–16.
16. Михалков заявил, что квадробинг совпадает с ЛГБТ и зоофилией // Газета.Ru. URL: (дата обращения: 14.10.2024).
17. *Назаров В. Н.* Цифровой двойник как субъект информационной этики // Этическая мысль. 2020. Т. 20, № 1. С. 142–154.
18. После человека. Идеология и пропаганда трансгуманизма в современном мире. Доклад / ред.-сост. В. А. Щипков. — М.: Русская экспертная школа, 2018.
19. *Проханов А., Калашников М., Делягин М., Переслегин С., Аверьянов А.* Трансгуманизм, цифровой левиафан и голем-цивилизация. — М.: Книжный мир, 2021. URL: https://www.litres.ru/book/aleksandr-prohanov/transgumanizm-cifrovoy-leviafan-i-golem-civilizaciya-66594300/chitat-onlayn/?page=2&ysclid=m2bss7b63a501005517 (дата обращения: 21.08.2025).
20. Священник РПЦ: Квадробинг готовит детей к принятию ЛГБТ-идеологии // Life. URL: https://life.ru/p/1694586?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fstory%2F3316e0b0-bec4–5661–8181-f3f3af3f6850 (дата обращения: 14.10.2024).

21. *Смирнова К.* Священник РПЦ Лукьянов заявил о связи между ЛГБТ и квадробингом — ОСН // Общественная служба новостей. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2024/10/13/24142309.shtml?ysclid=m2cgbpbcir507964782 (дата обращения: 14.10.2024).
22. *Фесенкова Л. В., Дерябина Е. Д.* Идея преобразования человека в современной культуре. Проблема трансгуманизма сегодня // Культурное наследие России. 2015. № 4. С. 16–18.
23. *Четверикова О. Н.* Диктатура transhumanism «просвещенных: дух и цели трансгуманизма». — М.: Благословение Техинвест, 2015.
24. *Шмольц А.* «Условие человеческого существования» в эпоху цифровых технологий: к основам цифрового гуманизма и Венского манифеста // Медиапедагогика: журнал теории и практики медиаобразования. 2023. С. 208–234.
25. *Шнуренко И.* Трансгуманизм под маской фашизма. 2021. 23 июня. URL: https://regnum.ru/article/3303990?ysclid=m2cf4eypoh333211702
26. *Hasse C.* Language and Robots: from Relations to Processes of Relations // Technology and Language. 2022. 3(1). Pp. 127–135. URL: https://doi.org/10.48417/technolang.
27. *Kurzweil Ray.* How to create a mind. The secret of Human thought reveled. — N.Y.: Viking Pingving, 2013.
28. *Jiang H., Cheng L., Ishiguro H.* The Blurring of the Boundaries between Humans and Robots is a Good Thing and a New Species would be Born: An Interview with Hiroshi Ishiguro // Technology and Language. 2022. № 3(1). P. 40–46. URL: https://doi.org/10.48417/technolang.2022.01.05

И. Ф. Кефели

Северо-Западный институт управления РАНХиГС
geokefeli@mail.ru

Цифровой гуманизм: «что такое хорошо и что такое плохо»

Цифровой гуманизм — этика цифровой эпохи

Эпицентр глобальных рисков все более активно перемещается в медиапространство, ментальную, когнитивную сферу человеческого бытия, которые представляют собой предметное поле когнитологии и ее раздела – когнитивной безопасности.

Размышляя о цифровом гуманизме, мы должны четко себе представлять, что решение задач обеспечения национальной безопасности, включающей безопасность государства и личности, различных видов общественной безопасности (прежде всего, информационной) должно исходить из признания приоритета предупредительных мер и организации масштабной научной и образовательной деятельности в области обеспечения национальной безопасности современной России как глобальной проблемы. Вспомним интригующее заявление Генерального секретаря ООН А. Гутерриша в обращении к Генеральной Ассамблее в январе 2020 г.: «Я представляю „четырех всадников“ – четыре надвигающиеся угрозы, которые препятствуют прогрессу и подвергают риску возможности XXI в.». И далее он назвал этих «четырех всадников», прибегнув к библейскому образу «Четырех всадников Апокалипсиса» (воплощенному Альбрехтом Дюрером в серии гравюр в канун предсказанного церковными служителями конца света на 1500 г.): геополитическая напряженность, климатический кризис, глобальное недоверие и технологические

недостатки («темная сторона цифрового мира»), которые «могут поставить под угрозу наше общее будущее... Мы должны решить эти четыре проблемы XXI в.» [Guterres 2020]. В массовом сознании все более утверждается признание того, что мы живем в «эпоху отсутствия безопасности», олицетворяющую совокупность экологических, геополитических, экономических, социальных и технологических рисков. В свою очередь, в русле философского дискурса и социологического поиска риска-протея формируется устойчивый образ глобального «общества риска», которому присуще индустриальное самопорождение риска как некое социальное свойство, что делают, по заверению У. Бека, «обусловленные мегатехнологиями опасности политической проблемой». Правда, Бек ограничивался учетом атомных, химических, генетических и экологических мегаугроз, что было неудивительно даже в конце XX в.: «Общество, которое сверху донизу ориентировано на безопасность и здоровье, столкнулось, – отмечал он, – с их диаметральными противоположностями – такими разрушениями и угрозами, которые делают смешными любые предосторожности против них. В Европе конца XX в. сходятся две противоположные линии развития: уровень безопасности, опирающийся на совершенство техно-бюрократических норм и средств контроля, и распространение угрозы исторически новых опасностей, которые проскальзывают сквозь все заградительные сети закона, технологии и политики. Это противоречие – не технического, а социального и политического характера» [Бек 2024: 167].

Причем сам по себе глобальный риск определяется как некое «неопределенное событие или условие, которое, в случае его возникновения, может оказать значительное негативное воздействие на несколько стран или отраслей в течение последующих 10 лет» [WEF The Global Risks Report 2019: 96–97]. В «Докладе о глобальных рисках 2024» это «неопределенное событие» наконец-то обрело свое название – *дезинформация, созданная искусственным интеллектом*. Но самое печальное – согласно прогнозу, дезинформация в ближайшие два года ожидается как самый серьезный глобальный риск: «разрушительные возможности манипулируемой информации стремительно возрастают по мере распространения открытого

доступа ко все более совершенным технологиям и снижения доверия к информации и институтам. В ближайшие два года широкий круг участников будет извлекать выгоду из бума синтетического контента (текст, изображения, видео, аудио, созданные или обработанные с использованием цифровых технологий), усиливающего раскол в обществе, идеологическое насилие и политические репрессии — последствия, которые сохранятся далеко за пределами краткосрочной перспективы» [WEF The Global Risks Report 2024: 18]. Такая же резкая оценка дезинформации как угрозы информационному пространству была зафиксирована и в докладе 2025 г.: «распространение ложной информации усиливает социальную поляризацию, подрывает доверие к институтам и создает благоприятные условия для манипуляций общественным мнением, становится катализатором нестабильности, особенно в условиях усиления геополитических и экономических разногласий» [WEF The Global Risks. Report 2025: 9].

Авторы предисловия недавно вышедшего учебника по цифровому гуманизму однозначно признали, что «цифровые технологии продемонстрировали огромный потенциал для человеческого прогресса, примером которого являются научные и медицинские достижения, которые положительно влияют на здоровье и благополучие человека. Наша цель... — предоставить читателям как можно более широкую информацию о цифровых достижениях и их последствиях для человечества, а также предоставить множество конструктивных взглядов и подходов, которые направлены на то, чтобы наше коллективное цифровое будущее определялось посредством человеческой деятельности. Мы признаем и уважаем обеспокоенность и даже страхи по поводу неумолимого переплетения людей и технологий (или даже сингулярности, когда технология становится неконтролируемой и необратимой), но, говоря редакционным языком, мы склоняемся к отказу от технологического детерминизма. Жизнь и ее судьба должны находиться в наших руках, в руках людей, если мы хотим, чтобы демократия была устойчивой. В таком процессе нам нужно оставаться просвещенными гуманистами, т. е. сочетающими гуманизм и Просвещение. Мы выступаем за главенство разума, но признаем проблемы, возникающие, когда логика

приводит к сосредоточению внимания на краткосрочной оптимизации, которая ценит эффективность и деньги как высшие ценности. Мы утверждаем, что нам не следует следовать логике свободного и нерегулируемого рынка. Рыночные силы не предоставят необходимых средств правовой защиты от неблагоприятных последствий цифровых технологий» [Introduction to Digital Humanism 2024: V]. Что касается цифрового гуманизма самого по себе, то авторы раздела «Философские основы цифрового гуманизма» довольно четко определили свою позицию: «Цифровой гуманизм — это этика цифровой эпохи, которая интерпретирует и формирует процесс цифровой трансформации в соответствии с основными концепциями гуманистической философии и практики». А это означает не только категорический отказ от механистической (люди подобны машины) и от анимистической (машины похожи на людей) парадигмы, но и требует от нас не возлагать ответственность на ИИ и не допускать ИИ к принятию этических решений. Более того, еще одним весомым аргументом против физикализма в защиту цифрового гуманизма может служить «аргумент квалиа», исключающий идентичность цифровых и нейрофизиологических (физических по своей природе) и ментальных состояний [Introduction to Digital Humanism 2024: 17, 26], как это попытался сделать с помощью своей версии аргумента квалиа в эссе «Чего Мэри не знала» австралийский философ Фрэнк Камерон Джексон [Jackson 1986: 83, 191–295].

Со своей стороны, хотелось бы отметить, что в любом случае упомянутый «аргумент квалиа» должен анализироваться в соответствии с этическими нормами и политическими решениями, выходя уже за пределы сугубо когнитивных исследований.

Корреляция «современного гуманизма» и гуманизма цифрового

Однажды я обратился к документу, содержащему в себе анализ «современного гуманизма». Документ был анонсирован Генеральной ассамблеей Международного этического и гуманистического союза (МГЭС) в «Амстердамской декларации» (2002 г.), провозгласившей семь принципов современного гуманизма [Amsterdam Declaration 2002; Кефели 2015: 39–48]. Как следует из приведенного ниже

текста «Декларации», ее составители не выходили за пределы сугубо гуманитарного дискурса, тактично избегая упоминания об «обществе риска» и необходимости институционных гарантий политической безопасности, потребность в которых становится настоятельной необходимостью современного мироустройства.

1. Гуманизм этичен. Он утверждает ценность, достоинство и автономию отдельной личности, а также право каждого человеческого существа на максимально возможную свободу, совместимую с правами других людей. Гуманисты считают своим долгом заботиться обо всем человечестве, включая будущие поколения. Гуманисты исходят из того, что моральность является внутренне присущей чертой человеческой природы и основана на понимании других людей и учете их интересов. Мораль не нуждается во внешней санкции.
2. Гуманизм рационален. Он старается использовать науку для созидания, а не для разрушения. Гуманисты верят, что решение проблем этого мира лежит в сфере человеческой мысли и человеческого действия, а не в сфере божественного вмешательства. Гуманизм призывает к применению методов науки и свободного исследования для решения проблем человеческого благополучия. Но гуманисты также считают, что использование науки и технологий должно соотноситься с общечеловеческими ценностями. Наука предоставляет нам средства, а общечеловеческие ценности определяют цели.
3. Гуманизм поддерживает демократию и права человека. Гуманизм направлен на максимально возможное развитие каждого человека. Он рассматривает демократию и человеческое развитие как право. Принципы демократии и прав человека не ограничены сферой государственного управления и могут применяться в сфере различных человеческих отношений.
4. Гуманизм настаивает на том, что личная свобода должна сопровождаться социальной ответственностью. Гуманизм стремится строить мир на основе идей свободного человека, ответственного перед обществом. Гуманизм признает нашу зависимость от природы и нашу ответственность перед ней. Гуманизм не догматичен, он не навязывает своим последова-

телям никакого кредо. Гуманисты привержены образованию, свободному от индоктринации.

5. Гуманизм является откликом на широко распространенный запрос на альтернативу догматической религии. Крупные мировые религии утверждают, что они основаны на откровениях, верных на все времена, и пытаются навязать свою картину мира всему человечеству. Гуманизм признает, что надежное знание мира и самих себя рождается в длительном процессе наблюдения, оценивания и корректирования.
6. Гуманизм признает ценность художественного творчества и воображения. Он признает трансформирующую силу искусства. Гуманизм принимает важность литературы, музыки, визуальных и драматических искусств для личного развития и реализации.
7. Гуманизм – это жизненная позиция, направленная на максимально возможную реализацию посредством стремления к нравственной и творческой жизни. Гуманизм предлагает этические и рациональные средства, чтобы ответить на вызовы нашего времени. Гуманизм может быть образом жизни для любого человека в любой точке Земли [Amsterdam Declaration 2002].

В 2022 году на Генеральной Ассамблее, посвященной 70-летию организации в Глазго, члены и партнеры Международного гуманистического общества утвердили обновленную версию своего заявления – «Амстердамская декларация 2022 года», служащая руководящим принципом деятельности и идеологией организации. Ее также следует привести полностью для аналитических размышлений:

«Гуманистические убеждения и ценности так же стары, как цивилизация, и имеют свою историю в большинстве обществ по всему миру. Современный гуманизм является кульминацией этих давних традиций рассуждений о смысле и этике, источником вдохновения для многих великих мыслителей, художников и гуманитариев мира, и он переплетается с развитием современной науки. Как глобальное гуманистическое движение, мы стремимся донести до всех людей следующие основы гуманистического мировоззрения:

1. *Гуманисты стремятся быть этичными*
   - Мы признаем, что мораль присуща человеческому состоянию, основана на способности живых существ страдать и процветать, мотивирована преимуществами помощи, а не причинения вреда, поддерживается разумом и состраданием и не нуждается ни в каком источнике за пределами человечества.
   - Мы подтверждаем ценность и достоинство личности, и право каждого человека на максимально возможную свободу и максимально полное развитие, совместимое с правами других. В этих целях мы поддерживаем мир, демократию, верховенство закона и универсальные законные права человека.
   - Мы отвергаем все формы расизма и предрассудков, а также вытекающую из них несправедливость. Вместо этого мы стремимся способствовать процветанию и братству человечества во всем его разнообразии и индивидуальности.
   - Мы считаем, что личная свобода должна сочетаться с ответственностью перед обществом. У свободного человека есть обязанности по отношению к другим, и мы чувствуем обязанность заботиться обо всем человечестве, включая будущие поколения, и, помимо этого, обо всех живых существах.
   - Мы признаем, что являемся частью природы, и принимаем на себя ответственность за влияние, которое мы оказываем на остальной мир природы.

2. *Гуманисты стремятся быть рациональными*
   - Мы убеждены, что решения мировых проблем лежат в человеческом разуме и действиях. Мы выступаем за применение науки и свободное исследование этих проблем, помня, что, хотя наука предоставляет средства, человеческие ценности должны определять цели. Мы стремимся использовать науку и технологии для повышения благосостояния людей, а не бездушно или разрушительно.

3. *Гуманисты стремятся к самореализации в своей жизни*
   - Мы ценим все источники индивидуальной радости и удовлетворения, которые не причиняют вреда никому другому, и считаем, что личное развитие посредством развития творческого и этического образа жизни является делом всей жизни.
   - Поэтому мы ценим художественное творчество и воображение и признаем преобразующую силу литературы, музыки, изобразительного и исполнительского искусства. Мы ценим красоту мира природы и ее потенциал приносить чудо, трепет и спокойствие. Мы ценим индивидуальную и коллективную физическую активность и возможности, которые она открывает для товарищества и достижений. Мы ценим стремление к знаниям и смирение, мудрость и проницательность, которые они даруют.

4. *Гуманизм отвечает широко распространенному требованию, чтобы источник смысла и цели стал альтернативой догматической религии, авторитарному национализму, племенному сектантству и эгоистическому нигилизму*
   - Хотя мы считаем, что приверженность человеческому благополучию не имеет возраста, наши конкретные мнения не основаны на откровениях, зафиксированных на все времена. Гуманисты признают, что никто не является непогрешимым или всеведущим и что познание мира и человечества можно получить только посредством непрерывного процесса наблюдения, обучения и переосмысления.
   - По этим причинам мы не стремимся ни избежать пристального внимания, ни навязать свою точку зрения всему человечеству. Напротив, мы стремимся к беспрепятственному выражению и обмену идеями и стремимся сотрудничать с людьми разных убеждений, которые разделяют наши ценности, и все это ради построения лучшего мира.
   - Мы уверены, что у человечества есть потенциал для решения проблем, с которыми мы сталкиваемся, посредством свободного исследования, науки, сочувствия

и воображения во имя мира и процветания человечества. Мы призываем всех, кто разделяет эти убеждения, присоединиться к нам в этом вдохновляющем начинании» [The Amsterdam Declaration 2002]».

Наконец, для полноты картины, следует вспомнить еще одно важное для понимания настоящего и будущего цифрового гуманизма – состоявшуюся в январе 2017 года Асиломарскую конференцию (Beneficial AI 2017) по безопасности работы с искусственным интеллектом, на которой были разработаны и приняты т. н. «Принципы ИИ Asilomar», разработанные Институтом «Будущее жизни» (Future of Life Institute, FLI). По сути дела, эти «Принципы» явились наиболее влиятельным набором принципов управления и безопасности использования ИИ:

«Искусственный интеллект уже предоставил полезные инструменты, которые ежедневно используются людьми по всему миру. Его дальнейшее развитие, основанное на следующих положениях, откроет удивительные возможности для оказания помощи и расширения прав и возможностей людей в ближайшие десятилетия и столетия.

1) *Цель исследования*: целью исследований ИИ должно быть создание не ненаправленного интеллекта, а полезного интеллекта.
2) *Финансирование исследований*: инвестиции в искусственный интеллект должны сопровождаться финансированием исследований по обеспечению его полезного использования, включая сложные вопросы в области компьютерных наук, экономики, права, этики и социальных наук, такие как:
   - Как мы можем обеспечить высокую надежность будущих систем искусственного интеллекта, чтобы они выполняли то, что мы хотим, без сбоев в работе и взломов?
   - Как мы можем повысить наше благосостояние за счет автоматизации, сохранив при этом ресурсы и целеустремленность людей?
   - Как мы можем обновить наши правовые системы, чтобы они были более справедливыми и эффективными,

не отставали от ИИ и управляли рисками, связанными с ИИ?

Каким ценностям должен соответствовать ИИ и какой правовой и этический статус он должен иметь?

3) *Связь науки и политики*: между исследователями и разработчиками политики в области ИИ должен быть конструктивный и здоровый обмен мнениями.
4) *Культура научных исследований*: среди исследователей и разработчиков ИИ следует развивать культуру сотрудничества, доверия и прозрачности.
5) *Предотвращение конкуренции*: Команды, разрабатывающие системы ИИ, должны активно сотрудничать, чтобы не нарушать стандарты безопасности.

Этика и ценности

6) *Безопасность*: системы ИИ должны быть надежными на протяжении всего срока их эксплуатации и поддаваться проверке там, где это применимо и осуществимо.
7) *Прозрачность ошибок*: если система искусственного интеллекта причиняет вред, должна быть возможность установить причину.
8) *Прозрачность судебной системы*: любое участие автономной системы в принятии судебных решений должно включать в себя удовлетворительное объяснение, которое может быть проверено компетентным органом.
9) *Ответственность*: проектировщики и разработчики передовых систем искусственного интеллекта заинтересованы в моральных последствиях их использования, неправильного использования и действий, и несут ответственность и имеют возможность определять эти последствия.
10) *Согласование ценностей*: высокоавтономные системы ИИ должны быть спроектированы таким образом, чтобы их цели и поведение соответствовали общечеловеческим ценностям на протяжении всей их эксплуатации.
11) *Общечеловеческие ценности*: системы искусственного интеллекта должны разрабатываться и эксплуатироваться таким

образом, чтобы они соответствовали идеалам человеческого достоинства, прав, свобод и культурного разнообразия.

12) *Неприкосновенность частной жизни*: люди должны иметь право на доступ к генерируемым ими данным, управление ими и контроль над ними, учитывая возможности систем искусственного интеллекта анализировать и использовать эти данные.
13) *Свобода и неприкосновенность частной жизни*: применение искусственного интеллекта к персональным данным не должно необоснованно ограничивать реальную или предполагаемую свободу людей.
14) *Общая выгода*: технологии искусственного интеллекта должны приносить пользу как можно большему числу людей и расширять их возможности.
15) *Общее процветание*: экономическое процветание, создаваемое ИИ, должно распространяться повсеместно, на благо всего человечества.
16) *Человеческий контроль*: люди должны выбирать, как делегировать решения системам искусственного интеллекта для достижения поставленных человеком целей и следует ли это делать.
17) *Отсутствие подрывной деятельности*: власть, предоставляемая контролем над высокоразвитыми системами ИИ, должна уважать и улучшать, а не подрывать социальные и гражданские процессы, от которых зависит здоровье общества.
18) *Гонка вооружений с ИИ*: следует избегать гонки вооружений в области смертоносного автономного оружия.

Долгосрочные проблемы

19) *Внимание к возможностям*: поскольку консенсуса нет, нам следует избегать строгих предположений относительно верхних пределов будущих возможностей ИИ.
20) *Важность*: продвинутый искусственный интеллект может привести к глубоким изменениям в истории жизни на Земле, и его следует планировать и управлять им с соответствующей тщательностью и ресурсами.

21) *Риски*: риски, связанные с системами искусственного интеллекта, особенно катастрофические или экзистенциальные, должны быть предметом планирования и смягчения, соизмеримых с их ожидаемым воздействием.
22) *Рекурсивное самосовершенствование*: системы искусственного интеллекта, предназначенные для рекурсивного самосовершенствования или самовоспроизводства таким образом, чтобы это могло привести к быстрому повышению качества или количества, должны подвергаться строгим мерам безопасности и контроля.
23) *Общее благо*: сверхразум следует развивать только на службе широко распространенным этическим идеалам и на благо всего человечества, а не одного государства или организации» [Asilomar AI Principles 2025].

В своем недавнем интервью журналу *Observer* известный изобретатель и футуролог, технический директор *Google* Рэймонд Курцвейл заявил: «у нас есть мозг определённого размера, и мы не можем увеличить его, чтобы стать умнее. Но облако становится умнее и растет практически без ограничений. Сингулярность – это метафора, заимствованная из физики. Она наступит, когда мы объединим наш мозг с облаком. Мы станем сочетанием нашего естественного интеллекта и кибернетического интеллекта, и всё это будет объединено в одно целое. Это станет возможным благодаря интерфейсам „мозг – компьютер“, которые в конечном счёте будут представлять собой нанороботов – роботов размером с молекулу, – которые будут неинвазивно проникать в наш мозг через капилляры. К 2045 году мы увеличим интеллект в миллион раз, и это приведёт к углублению нашего понимания и сознания». В интервью Курцвейл заявил о решении создать свою копию [аватар ИИ для загробной жизни], что, быть может, станет возможным в конце 2020-х годов [The singularity is nearer 2024].

Цифровой гуманизм в контексте концепции когнитивной безопасности

В начале XXI века в актив политического и идеологического противостояния включились разработки в области ведения когнитивной войны. Военные специалисты НАТО стали публиковать заявления о целях, задачах и методах ее ведения, обозначив, тем самым, новый домен современной войны. Технология когнитивных операций, описываемая как способ нанесения вреда мозгу, спонсируемая и контролируемая НАТО, стала разрабатываться в 2013 г. в Инновационном центре НАТО (iHub, Норфолк, США). Разработчики назвали этот домен «когнитивной войной», целью которой является нанесение вреда не только военным, но и гражданскому населению. В роли потенциальной угрозы была обозначена возможность гражданских лиц быть «спящими ячейками», «пятыми колоннами», которые бросают вызов стабильности либеральных западных демократий. Франсуа дю Клюзель, возглавивший в том же году упомянутый выше Центр, уже в 2020 г. представил руководству НАТО доклад «Когнитивная война», содержащий концептуальные основы ведения когнитивных операций, выделяя их в шестой домен военных действий. В 2021 году Клюзель выступил одним из организаторов первой научной конференции НАТО под названием «Когнитивная война: будущее когнитивного доминирования». Очередной шаг в развитии когнитивной революции и научном обосновании ведения когнитивной войны был связан с опубликованием в марте 2023 г. отчета Исследовательской группы Научно-технической организации НАТО по человеческим факторам и медицине под названием «Смягчение последствий когнитивной войны и реагирование на нее». Стоит обратить внимание на саму цель данного аналитического документа – речь идет уже не об обосновании когнитивной войны самой по себе. О ней сказано и написано уже достаточно. Основное внимание теперь уделено анализу роли «науки и технологий, необходимых для смягчения последствий когнитивной войны и защиты от нее» для принятия решений руководством НАТО. Акцент делается уже на той части CogWar, которая охватывает широкий спектр передовых технологий (искусственный интеллект, машинное обучение, ИКТ), которые основаны на достижениях в области нейробиологии, биотехнологии

и физического совершенствования человека (аугментации). Эти технологии разрабатываются на основе достижений когнитивной нейронауки, социологии и культурологии и реализуются в так называемом оперативном цикле принятия решений «Наблюдай, ориентируйся, решай и действуй» с целью сдерживания «противников НАТО» в боевом пространстве XXI века. Объяснением такого шага служит то, что CogWar представляет якобы значительный риск для безопасности НАТО и «препятствует выполнению основных задач по защите союзных наций, обществ и общих ценностей», как далее следует по тексту, от России. По мнению авторов отчета, CogWar, основанная на конвергенции когно-, био- и нейротехнологий, искусственного интеллекта и обработки больших данных, стала мощным средством распространения дезинформации. CogWar представляет опасность для национальной и глобальной стабильности и безопасности на экономическом, геополитическом, социальном и культурном уровнях, поскольку нацелена на уязвимость людей как средство создания хаоса и замешательства в массовом сознании и внутри вооруженных сил. Более того, американская компания Veriphix разработала платформу, позволяющую осуществлять так называемые бессознательные психологические «„подталкивания“ в Интернете и соответствующие изменения». Платформа подобного рода была создана не на пустом месте. Так, Корнелис ван дер Клааув, командующий Королевским военно-морским флотом Нидерландов и эксперт по стратегическим коммуникациям и информационным операциям, объяснял важность использования научных достижений, мотивируя это тем, что когнитивные атаки остаются незамеченными, поскольку когнитивная деятельность, как утверждают специалисты в области нейробиологии, обходит сознание и напрямую нацелена на подсознание человека: «от 5 до 10% принимаемых нами решений являются рациональными решениями; в остальном мы полагаемся на наше подсознательное принятие решений, которое сильно зависит от повторения, автоматизмов, предубеждений и заблуждений». В более широком плане когнитивные операции опираются на достижения когнитологии, НБИКС-технологии. Одним из наиболее перспективных проектов является разработка встроенной синтетической ДНК, на которой

можно хранить $2{,}14 \times 10^6$ байт информации. Так когнитивный поворот, определивший с середины XX века глобальный тренд научных исследований проблем человека, его когнитивных возможностей и способностей, достиг «красной линии», за пределами которых поведение, действия какого-либо актора мировой политики, отдельно взятого человека или группы людей становится неприемлемым.

Проблема обеспечения когнитивной безопасности в современном мире становится ключевой в трансформации когнитивного поворота. Вся сложность в решении этой проблемы заключается, на наш взгляд, в том, что когнитивные технологии (будь то психологические, лингвистические, нейробиологические, информационные), как и другие в составе НБИКС-технологий, — это технологии двойного назначения. Пересечение «красной линии», в данном случае, означает признание в качестве мишени когнитивных операций мозга человека.

Все более актуальной становится проблема разработки системы когнитивных технологий как одного из ключевых звеньев НБИКС-технологий, определяющих ядро критических технологий и нового технологического уклада в целом [Васильев и др. 2019: 34–41]. Это вполне объяснимо, поскольку один из вариантов когнитивной биотехнологии, относящейся к нейробиологии, позволяет «заглядывать» в сознание человека. Совокупность больших данных, открытых источников, социальных сетей, массового наблюдения, технологий распознавания лиц, геолокации и искусственного интеллекта при использовании когнитивных технологий позволяет обеспечивать доступ к мозгу лиц, принимающих решения, что в 2019 г. в программе НАТО «Операция 2040» было определено как *the centre of gravity*. Более поздние исследования предоставили подробное и научное понимание того, почему когнитивная сфера находится под постоянной угрозой [NATO 2022: 3–4]. Основные западные разработчики когнитивной войны в своей деятельности вовлекают не только военный потенциал, но и призывают трансформировать гражданские научные знания в военные с активным участием крупных транснациональных корпораций. В условиях деструктивного когнитивного воздействия военно-политическому руководству Российской Федерации требуется выработать и реализовать

ряд превентивных мер по нейтрализации вредоносного влияния информационных и психоэмоциональных технологий когнитивной войны, создать базовые условия в государстве для осуществления кардинальных решений по ряду направлений, в частности:

— создание в образовательной сфере условий для становления и укрепления мировоззрения молодого поколения в русле рассмотренных выше «современного гуманизма» и цифрового гуманизма;
— организация планомерной разъяснительной работы о методах, целях и способах обеспечения когнитивной безопасности. Это позволит консолидировать и сплотить российское общество для противодействия враждебным замыслам и действиям коллективного Запада. Сплоченность является следствием и показателем укрепления доверия граждан к институтам власти, достижения долгосрочной стабильности и общественного согласия.

Список литературы

1. *Бек У.* От индустриального общества к обществу риска // THESIS, 1994, вып. 5. С. 161–168.
2. *Васильев Ю. С., Кефели И. Ф., Колбанев М. О.* Роль критических технологий в обеспечении глобальной безопасности // Известия Российской Академии Ракетных и Артиллерийских Наук. Вып. (107). 2019. С. 34–41.
3. *Кефели И. Ф.* Исторические судьбы глобального гуманизма // Труды С.-Петербургского гос. института культуры. Петербургская культурологическая школа С. Н. Иконниковой: история и современность. 2015. Т. 210. С. 39–48.
4. Amsterdam Declaration 2002. URL: https://humanists.international/what-is-humanism/the-amsterdam-declaration/ (дата обращения 10.02.2015).
5. Asilomar AI Principles. URL: https://futureoflife.org/open-letter/ai-principles/ (дата обращения 18.08.2025)
6. *Guterres A.* Remarks to the General Assembly on the Secretary-General's priorities for 2020 // Официальный сайт ООН. 22.01.2020. URL: https://www.un.org/sg/en/content/sg/speeches/2020-01-22/remarks-general assembly-priorities-for-2020 (дата обращения: 12.08.2025).
7. Introduction to Digital Humanism. A Textbook. Editors Hannes Werthner, Carlo Ghezzi, Jeff Kramer and other. Springer, 2024, 637 p., p. v.

8. *Jackson F. M.* What Mary didn't know. The Journal of Philosophy, 1986. 83, 191–295.
9. NATO 2022 Strategic Concept. Adopted by Heads of State and Government at the NATO Summit in Madrid 29 June 2022 P. 3–4. URL: https://www.nato.int/nato_static_ fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept (дата обращения 11.08.2025).
10. The Amsterdam Declaration. URL: https://humanists.international/ru/что-такое-гуманизм/Амстердамская-декларация/ (дата обращения 15.09.2025).
11. The Global Risks Report 2019, 14th Edition, is published by the World Economic Forum. — Geneva, 2019. — 108 p. P. 96–97.
12. The singularity is nearer: When We Merge With A. I., by Ray Kurzweil. URL: https://www.nytimes.com/2024/06/26/books/review/ray-kurzweil-the-singularity-is-nearer.html (дата обращения 18.08.2025).
13. WEF The Global Risks Report 2024 (Chapter 1.3: Misinformation). URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_The_Global_Risks_Report_2024.pdf).
14. WEF The Global Risks. Report 2025. 20th Edition. Insight Report, p. 9.

В. А. Гуторов

СПбГУ
gut-50@mail.ru

Постправда против гуманизма: к проблеме кризиса образования в современном мире[1]

Гуманизм и гуманистическая социальная философия, безусловно, являются творением интеллектуалов. В классической античности, в основном в стоической философии, было сформулировано большинство основных терминов гуманистического мышления, таких как человеческое достоинство (*dignitas hominis*) и естественный закон (*lex naturae*), применимый к каждому человеку. Гуманизм раннего модерна, зародившийся в XIV–XV вв. в Италии и распространившийся по всей Европе, проявлял себя также в форме специализированных дисциплин — *humaniora* (предшественников академических дисциплин гуманитарных наук), сосредоточенных вокруг филологии. Его адептами были интеллектуалы нового типа, сведущие в интерпретации культурного наследия античности. Современная концепция гуманизма возникла в конце XVIII — начале XIX вв. В эпоху позднего Просвещения складывается идея культурной природы человечества, новых способов исторического, политического и образовательного мышления, которые до сих пор, по крайней мере, частично все еще сохраняют свое значение и довольно широко представлены в гуманитарных науках и образовании.

Гуманистическая традиция присутствует в различных концепциях гражданского общества, составляя основу таких универсальных

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01601, https://rscf.ru/project/23-28-01601/

ценностей как свобода слова, верховенство права, равенство перед законом, религиозный плюрализм в рамках универсальной морали. В этом плане гуманизм имеет политическое измерение. Он изначально критиковал феодальные формы политического господства, отстаивал идею верховенства права, в том числе и рамках концепции прав человека и гражданина. Гуманизм явно противостоит любым авторитарным формам социальной жизни. И, наконец, в силу своей «ученой» или академической природы он неотделим от нормативных представлений, связанных с поиском истины, утверждением правды [Rüsen, 2014: 70–87].

В современном мире классический гуманизм резко контрастирует с политическими реалиями и идеями, превалирующими в социальных дискурсах, в том числе и в сфере социальных наук. В наши дни многие интеллектуалы, политики и ученые почти уверовали и считают непреложным факт, что мы все окончательно переместились в мир так называемой «постправды» и поэтому должны примириться с бесконечными потоками лжи, манипуляций, бессодержательной пропаганды, предельно примитивизирующей сложившиеся представления о рациональной политике, демократических нормах, и попытаться разработать новый понятийный аппарат и вокабулярий, отражающие новую реальность [Brown, 2019: 1–2].

Вот как, например, характеризует эти недавно возникшие дискурсивные реалии И. Калпокас, автор новейшего исследования «Политическая теория постправды»: «Идея постправды становится все более важной для описания сегодняшней политической жизни, в частности, и некоторых важных социальных изменений – в более широком смысле. Сама концепция предназначена для обозначения, в зависимости от интерпретации, верховенства непроверенных или полностью сфабрикованных заявлений в политических дебатах, отсутствие всеобщего уважения к истине в современных обществах, преобладание эмоций над знаниями и т. д. Фактически ... „пост-состояние“ заключается в более широких трансформациях, которые привели к тому, что дихотомия „истина – ложь“ в значительной степени вытеснена» [Kalpokas, 2019: 9–10; ср: Kalpokas, 2019b:].

Разумеется, ничего нового в этом нет. История сравнительно недавних десятилетий повторяется вновь и вновь, и для того, чтобы

это понять, не требуется особой эрудиции. Достаточно просто придерживаться фактов и здравого смысла и не гоняться за ложными призраками и новомодными медийными образами. В предисловии к содержательному международному сборнику статей и эссе «Постправда и медиатизация реальности» его редакторы Розмари Ауверелл и Бретт Николз, характеризуя специфику понятия «постправда», в частности, отмечают: «Наш современный момент зациклен на арбитраже и артикуляции „реальности“. В самом спектре таких звонких словечек, как „фальшивые новости“ и „постправда“, мы усматриваем судорожные попытки локализовать и зафиксировать некий тип универсального, неподвижного „реального“, лежащего в основе того, что позиционируется как „фальшивые“ артикуляции и дискурс. В этом контексте порой кажется, что рациональность эпохи модерна была довольно рискованно отброшена и заменена странной формой мощной иррациональности, в которой трудно отличить иллюзорное от реального. Часто третейский суд в отношении реальности передается в руки средств массовой информации, а также ученых. Образованность и здравый смысл означают способность отличать настоящее от подделки. И все же именно СМИ, и опять-таки некоторые академические круги (особенно после так называемого „постмодернистского поворота“) обвиняются в том, что они провоцируют очевидный кризис реальности» [Post-Truth, 2019: 1].

На наш взгляд, рассуждения Ауверелл и Николз лишь развивают идеи, возникшие на рубеже 1960–1970-х гг., когда контуры «постмодернистского поворота» лишь намечались в западном политическом дискурсе. Не прошло и пяти лет после знаменитых майско-июньских событий 1968 года, как Ж. Бодрийяр был вынужден констатировать: «Теории массмедиа не существует. „Революция массмедиа“ до сих пор остается эмпиричной и мистической как у Маклюэна, так и у его противников... Здесь — ключ к решению проблемы: пытаясь сохранить (даже „преодолевая их диалектически“) любую из обособленных инстанций структурной сетки коммуникации, мы запрещаем себе любые фундаментальные изменения и оказываемся обреченными оставаться в рамках хрупкой манипуляторной практики, которую весьма опасно принимать

за „революционную стратегию“. В этом смысле единственной стратегией будет только та, с помощью которой возможно радикально победить господствующую форму» [Baudrillard, 1977: 200, 228; ср.: Baudrillard, 1983: 126–134].

Вряд ли является случайным то обстоятельство, что и на Западе, и в посткоммунистических странах восприятие пост-политики и постправды имеет тенденцию перемещаться в другой, ставший сегодня довольно популярным, контекст споров о *пост-* и *транс-гуманизме*. Дебаты о содержании этих понятий, безусловно, усиливают концептуальную путаницу. Сторонники этих направлений часто декларативно стремятся «реконцептуализировать» традиционный для гуманистической этики вопрос: «Что значит — быть человеком?». Пытаясь дать на него ответ, оба направления, как правило, выходят за рамки классического гуманизма. По справедливому мнению ряда современных специалистов (Р. Раниш, С. Л. Соргнер и др.), в то время как транс-гуманизм представляет собой более или менее согласованный набор техно-оптимистических идей, отстаиваемых многочисленными «транс-гуманистическими» группами, пост-гуманизм — весьма неоднозначное понятие. Если транс-гуманизм обычно рассматривается как «гипер-гуманизм», т. е. попытка усилить и/или «довести до логического конца» традиционный гуманизм, то пост-гуманизм тяготеет к разрыву с последним. В последние годы пост-гуманизм служил общим термином для множества позиций, отвергающих основные гуманистические концепции и ценности под тем (явно надуманным) предлогом, что формирование «человеческих существ» якобы является «идеологически нагруженным», опасным или «патерналистским» [Post-and Transhumanism, 2014].

В современных политических науках нет практически ни одной заслуживающей внимания проблемы, в которой отсутствовал бы «дискурсивный срез». Напротив, иногда возникает впечатление, что сегодня тема дискурса претендует на роль своеобразного «гегемона», нередко диктующего участникам дискуссий характер и направленность аргументации. Обсуждение учеными различных аспектов политического господства, политических коммуникаций и образования не являются в этом плане исключением. В процессе распространения данной тенденции становилось очевидным,

что необходимой предпосылкой анализа языка политики является понимание специфики различных его уровней – от «высокой» политической теории до личностных, субъективных характеристик. Например, в предисловии к международному сборнику статей с труднопереводимым на русский язык названием – *The Power In/Of Language*, его редакторы Дейвид Коул и Линда Грехем следующим образом характеризуют некоторые субъективные моменты политической интерпретации в самом широком смысле этого понятия: «...Стратегии и тактики доминирования часто дискурсивны – они скрыты за слоями повседневного языка, способами говорить о других и, что интересно, также о „самих себе“. Поскольку мы думаем, что говорим только о себе – в расовых, националистических или культурных терминах – мы не способны признать или принять тот факт, что разговор о себе на самом деле является способом определения и субъективации других – тех, кого мы затем можем позиционировать как непохожих на „нас“. Таким образом, язык является мощным оружием, но, как и всякое другое оружие, язык может причинять боль и защищать. Нас интересуют не только дискурсивные тактики, используемые для позиционирования „другого“, но и подрывные эффекты творческих, целенаправленных и устойчивых ответов на эти тактики. Следовательно, ответы существуют, даже если их можно потенциально игнорировать, критиковать или преследовать. Таким образом, хотя, как утверждает Батлер, „имя имеет тенденцию фиксировать, блокировать, ограничивать“, сам акт разговора с кем-нибудь или о ком-нибудь также открывает пространство для языкового возврата, предоставляя тем, кого третируют, возможность для возражения и ниспровержения. Это право ответить на воздействие предоставляет маргинализованным группам радикальные возможности высказаться иным способом и тем самым оказать целенаправленное сопротивление» [Post- and Transhumanism..., 2012: 1].

Все обозначенные выше вопросы в равной степени затрагивают и «образовательный контекст». В структуре современных дискуссий основным объектом анализа в области теории и философии образования обычно выступают различные версии и модели, сформировавшиеся в историческом контексте западной культурной традиции.

Те ученые, которые пытаются (как правило, безуспешно) привлечь внимание своих коллег к изучению не-западных образовательных традиций и технологий, заканчивают свои призывы привычными упреками по поводу их культурного и эпистемологического этноцентризма, не приводя при этом достаточно весомых доводов относительно того, что изучение этих традиций может сколько-нибудь значительно изменить взгляды на формирование современных моделей образовательной политики [Reagan, 2018: 7–8]. Благодаря устойчивому иммунитету к не-западным влияниям, европейская традиция по-прежнему сохраняет монолитность, оказавшись чрезвычайно устойчивой по отношению к многообразным изменениям политических режимов и идеологий. Например, трудно усомниться в том, что большинству западных специалистов, включая и тех из них, которые крайне негативно или же скептически воспринимают исторический опыт СССР, вряд ли когда-либо приходило в голову считать, что советская и тем более постсоветская образовательные модели являются «не-европейскими» и «не-западными» по своему происхождению и характеру. Об этом, в частности, свидетельствуют и издаваемые на Западе международные сборники и аналитические обзоры. В опубликованном в 2010 г. сборнике статей «Глобализация, идеология и политические реформы в сфере образования», его главный редактор Джозеф Дзайда отмечает: в 1982 г. в самый разгар холодной войны между двумя супердержавами появились четыре критических издания, в которых анализировались основные направления образовательной политики на будущие два десятилетия. Среди главных ее приоритетов фигурировали следующие: «(I) новые внутриполитические стратегии (более всеобъемлющие, гибкие и инновационные способы обучения); (II) преодоление „неприемлемых“ социально-экономических диспропорций в сфере образования и различных видов неравенства; (III) улучшение качества образования; (IV) гармонизация *образования и культуры*. Данные направления образовательной политики и педагогические проблемы до сих пор остаются в силе. Совсем недавно (2005) президент Путин в своем сентябрьском обращении к парламенту провозгласил следующие четыре национальных приоритета в области образования, которые предусматривают создание

сверхмощных национальных университетов: (I) улучшение качества образования; (II) усиление ICT в образовании (*информатизация образования*); (III) создание национальных университетов; (IV) развитие профессиональной подготовки в вооруженных силах» [Zajda, 2010: 175].

Хорошо известно, что исходным моментом, предопределившим глубокий кризис образования — среднего и высшего — в посткоммунистических странах, было повсеместное заимствование основных элементов и принципов так называемого «болонского проекта», в основе которого лежал «бюрократический прагматизм» с ярко выраженным неолиберальным подтекстом [Nybom, 2012:176.]. В этом плане не кажется случайным, что одним из важных следствий, связанных с фактическим провалом неолиберальной «болонской модели», стало стремление политических теоретиков вернуться к истокам теоретической дискуссии, инициированной Мишелем Фуко, обозначившим принципиальные различия между традиционным либерализмом эпохи модерна и неолиберальным политическим проектом. Так, комментируя известный тезис Фуко — «Либерализм — это не мечта, которая сталкивается с реальностью и не может в нее встроиться. Он представляет собой — и в этом причина как его полиморфного характера, так и его повторяемости — инструмент для критики реальности» [The Foucault Effect, 1991: 18] — американский политолог Колин Гордон отмечал: «Теоретическая закрытость мира, представление о реальности как арене потенциально полного осуществления политической доктрины — это самая суть того, что либерализм, в отличие от политической науки и научного социализма, осуждает и отрицает» [Ibid].

Следует отметить, что многие авторы новейших исследований в области общей теории образования и дискурсивных проблем образовательной политики в целом поддерживают и развивают в концептуальном плане дихотомию «либерализм против неолиберализма», сформировавшуюся в обозначенных выше дискуссиях рубежа 1980–1990-х гг. [См.: Themelis, 2021; Themelis, 2021: 70, 74–75]. Учитывая саму тенденцию к постоянным трансформациям неолиберального дискурса, адепты которого стремятся усилить свои позиции с помощью давно апробированных манипулятивных

технологий, объединяя рыночную риторику с режимом постправды, вполне обоснованными и логичными кажутся довольно часто встречающиеся в современной научной литературе рассуждения о том, что в ближайшей перспективе такого рода устремления грозят окончательно разрушить не только традиционную европейскую образовательную систему, но и саму *традицию рациональной политики* [Agamben, 2000: 112–113]. Но не так уж редко мы сталкиваемся и с другим, на первый взгляд, «компромиссным» подходом. Смысл его заключается в том, чтобы, признав политику постправды «безальтернативной» (по крайней мере, на сегодняшний день), радикально пересмотреть традицию нормативной политики, избавившись, например, от концепции общественного договора и тому подобных фикций, которым современные либералы предпочитают, пусть несколько формально, но по-прежнему демонстрировать «дань уважения».

Сделав окончательную ставку на режим манипуляций и постправды, современные неолиберальные теоретики и политики одновременно, как уже отмечалось выше, предельно бюрократизируют образовательные структуры и процессы, пренебрегая при этом «макро-идеологической составляющей», поскольку они инстинктивно всегда осознавали несовместимость весьма традиционной рыночной идеологии и психологии с программой воспитания «нового человека», которую в свое время тщетно пытались реализовать в ходе многочисленных экспериментов большевики, а в дальнейшем идеологи и практики итальянского и немецкого фашизма [Gentile, 2014]. Даже если не принимать во внимание многочисленные версии «либерального фашизма», одним из родоначальников которой был Теодор Адорно [Adorno, 1997: 39], можно предположить, что в не столь отдаленном будущем неолиберальную модель «маркетизации образования» ожидает такой же бесславный конец и гуманистическая традиция вновь займет доминирующие позиции в школьных и университетских программах.

Список литературы

1. *Adorno Th. W.* Jargon der Eigentlicheit: Zur deutschen Ideologie. – Frankfurt am Main: Edition Suhrkamp, 1997. 141 s.

2. *Agamben G.* Means without End: Notes on Politics. — Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 2000. 153 p.
3. *Baudrillard J.* Pour une critique de l'économie politique du signe. — Paris: Gallimard, 1977. 159 p.
4. *Baudrillard J.* The Ecstasy of Communication // The Anti-Aesthetic. Essays on Postmodern Culture. Ed. by Hal Foster. — Port Townsend, Washington: Bay Press, 1983. P. 126–134.
5. *Brown W.* In the Ruins of Neoliberalism: The Rise of Antidemocratic Politics in the West. — New York: Columbia University Press, 2019. 248 p.
6. *Gentile E.* L'apocalisse della modernità. La Grande guerra per l'uomo nuovo. — Milano: Mondadori, 2014. 308 p.
7. *Kalpokas I. A.* Political Theory of Post-Truth. — Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019a. 135 p.
8. *Kalpokas I.* Algorithmic Governance: Politics and Law in the Post-Human Era. — Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019b. 120 p.
9. *Nybom Th.* The Disintegration of Higher Education in Europe, 1970–2010: A Post-Humboldtian Essay // Clark Kerr's World of Higher Education Reaches the 21st Century. Chapters in a Special History. Sheldon Rothblatt (ed.). — Dordrecht; Heidelberg; New York; London: Springer, 2012. P. 163–182.
10. *Peters M. A.* Neoliberalism as Political Discourse: The Political Arithmetic of Homo Oeconomicus // The Impacts of Neoliberal Discourse and Language in Education: Critical Perspectives on a Rhetoric of Equality, Well-Being, and Justice. Ed. by Mitja Sardoč. — New York; London: Routledge, 2021. P. 69–85.
11. Post-and Transhumanism: An Introduction. Ed. by Robert Ranish, Stefan Lorenz Sorgner. — Franfurkt am Main: Peter Lang, 2014. 313 p.
12. Post-Truth and the Mediation of Reality: New Conjunctures. Rosemary Overell, Brett Nicholls (eds.). — Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019. 215 p.
13. *Reagan T.* Non-Western Educational Traditions: Local Approaches to Thought and Practice. Fourth Edition. — New York; London: Routledge, 2018. 372 p.
14. *Rüsen J.* Intercultural Humanism: Idea and Reality // An Insatiable Dialectic: Essays on Critique, Modernity, and Humanism. Ed. by Roberto Cantú. — Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2014. P. 70–87.
15. The Foucault Effect: Studies in Governmentality. Ed. by Graham Burchell, Colin Gordon, Peter Miller. — Chicago: Chicago University of Chicago Press, 1991. 307 p.
16. *Themelis S.* Critical Reflections on the Language of Neoliberalism in Education: Dangerous Words and Discourses of Possibility. — New York; London: Routledge, 2021. 230 p.
17. The Power In/Of Language. Ed. by David R. Cole, Linda J. Graham. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. 152 p.

18. *Zajda J.* The Politics of Education Reforms and Policy Shifts in the Russian Federation // Globalisation, Ideology and Education Policy Reforms. Ed. by Joseph Zajda. Dordrecht; — Heidelberg; London; New York: Springer, 2010. P. 175–192.

А. Н. Линде

РЭУ им. Г. В. Плеханова
anlinde@mail.ru

Гуманистический подход к коммуникации и PR и его применение в работах Ю. Хабермаса, Дж. Грюнига

Вопрос гуманизма и понимания его истинной сущности с давних времен изучается в философии, гуманитарных и социальных науках, он ведет свое начало еще с античных философов. Вместе с тем, гуманизм часто разводят с какой-либо религией и представляют как сугубо секулярное, и даже вообще атеистическое движение. Но, мы полагаем, что это не совсем верно с точки зрения подлинных принципов гуманизма и неправильно с точки зрения утверждения его исторических истоков. Действительно, религия, в том числе христианство, прямо повлияла на гуманизм и взаимосвязана, с нашей точки зрения, с подлинным, действительно возвышающим человеческую личность гуманизмом.

Так, христианство провозгласило принцип сотворенности абсолютно каждого человека по образу и подобию Божьему, что заложило основы для гуманистического возвышения каждой человеческой личности. Не менее важен и принцип равенства всех людей перед Богом, что также в гуманизме привело к признания ценности каждой человеческой личности, и равенства всех личностей в своей основе между собой. Такую точку зрения на подлинное соотношение христианства и гуманизма разделяют и многие христианские философы, в том числе Н. А. Бердяев, в работе «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого» писавший, что «нужно всегда помнить, что отрицание Бога и богочеловечности в поверхностном сознании не означает отсутствия

в человеке действительной богочеловечности. В христианстве заложена высшая человечность, так как оно опирается на богочеловечность и на христианский персонализм, на признание высшей ценности всякой человеческой личности» [Бердяев, 2024: 61].

Напротив, как мы утверждаем и как указывал еще Бердяев, отказ от Божественной составляющей человеческой личности в современных направлениях гуманизма приводит к постепенному отказу от человеческой личности вообще и переходу к ницшеанскому «пост-человеку», к идее смерти человека в постструктурализме и постмодернизме. В итоге, это приводит к отказу от подлинного духовного гуманизма и, как прямое следствие – к переходу к пост-гуманизму. Такой переход приводит к обожествлению вне-человеческого, и, следовательно, вне-духовного, в том числе чисто материальной, нечеловеческой и бездушной техники, часто направленной на управление самими людьми. Это различение между подлинно-гуманистической человеческой личностью и пост-гуманистической техникой будет особенно важно для нашего анализа коммуникации.

Проблемы организации и развития гуманистической коммуникации в обществе, и, на ее основе, эволюции общества в целом в направлении гуманизма, является одной из обсуждаемых и значимых тем в социальных науках.

Подобная значимость гуманистической коммуникации и разные прочтения ее воплощения были обоснованы в философии, психологии, но намного в меньшей степени – в прикладных социологии и политической науке. Вместе с тем, обоснование диалогичности во взаимодействии людей особенно важно для самой практической жизни общества, и для осмысляющих ее политологии и социологии. Именно они могут способствовать гуманистическому развитию общества. Поэтому в данном исследовании мы постараемся предложить оригинальную модель гуманистической коммуникации и, как отдельный случай коммуникации, гуманистическую модель связей с общественностью.

В нашей публикации 2017 года «Проблема отношения гуманистического и технологического направлений в теории социально-политической коммуникации» мы развивали такое определение

гуманистического подхода к коммуникации и его принципов, которое противопоставлено технологическому подходу к коммуникации и его принципам [Линде, 2017]. Это разделение на гуманистический и технологический подходы к коммуникации в целом продолжает развиваться в коммуникативистике. Так, Д. П. Гавра разделяет и даже противопоставляет техническую коммуникацию как чисто формальный процесс информирования – как субъект-объектной трансляции информации, и человеческую коммуникацию – человеческое субъект-субъектное общение как качественный процесс сообщения смыслов между людьми [Гавра, 2011: 59]. Таким образом, коммуникация является широким явлением, и может включать в себя как техническое информирование, так и человеческое взаимное смысловое общение. Также И. А. Быков и С. В. Курушкин в своем исследовании 2022 года противопоставляют гуманистический и технократический подходы к коммуникации [Быков, Курушкин, 2022], применяя это противопоставление уже и на практическом уровне исследования.

Поэтому проанализируем сущность гуманистического подхода к коммуникации и его основные принципы подробнее.

Мы полагаем, что по-настоящему гуманистическая коммуникация между людьми включает в себя следующие принципы:

1. Личность как основной субъект коммуникации.
2. Диалогический, субъект-субъектный подход к коммуникации.
3. Сознание личности, как основной уровень переживания, сообщения и восприятия смыслов в коммуникации.
4. Качественные смыслы, сообщаемые в коммуникации.
5. Восприятие точки зрения собеседника, взаимопонимание, когда участники стараются посмотреть на ситуацию «глазами» Другого.

При этом гуманистическая коммуникация может исходить только от живого существа к живому существу – каждый из которых является полноценным субъектом общения. Чисто технические средства в такой гуманистической коммуникации являются только средством, используемым для коммуникации людей, но никогда не полноценным субъектом коммуникации. Следовательно, при

применении гуманистического подхода к коммуникации в социуме, общество не будет построено на одном взаимодействии с техникой – по своей сути не человеческой и искусственно созданной.

Поэтому, в противоположность тому, что в своей акторно-сетевой теории утверждал Б. Латур, коммуникация с неживой вещью, в том числе с компьютером, будет всегда только коммуникацией субъекта с объектом, исключительно субъект-объектная, не диалогическая коммуникация.

Напротив, как мы стремимся доказать в статье, техническая коммуникация последовательно отказывается от всех принципов гуманистической коммуникации, выстраивая прямо противоположную коммуникацию, предполагающую:

1. Отказ от личностей в коммуникации.
2. Обоснование линейной монологической, а не диалогической коммуникации.
3. Отказ от значимости индивидуального сознания.
4. Отказ от смыслового уровня коммуникации.
5. Отстаивание только своей точки зрения, отказ от восприятия и понимания Другого человека.

Подробнее это можно рассмотреть в нашей публикации [Линде, 2017].

Проблема заключается в том, что часто как раз техническую, субъект-объектную коммуникацию, властвующий человек пытается перевести на коммуникацию с другим человеком. Тем самым, такой властитель старается превратить его из живого человека в свою техническую вещь, им лично управляемую только в своих целях. В то время как абсолютно каждый человек как живая личность заслуживает только гуманистической коммуникации по отношению к себе, а ни в коем случае не технической. К сожалению, многие системы властного управления в современных обществах распоряжаются людьми именно при помощи технической коммуникации – что должно быть преодолено, а сами эти системы должны быть изменены и реформированы.

Не случайно ученый и гуманист М. С. Кудряшова писала о том, что одни технологии коммуникации не могут решить человеческие проблемы, проблемы общества – важно собственно смысловое,

ценностное содержание коммуникации людей как ее гуманистическая составляющая. Как пишет Кудряшова, особая потребность в ценностно-нормативном, гуманистическом уровне политической жизни определена «невозможностью разрешения... конфликтов и противоречий с помощью только науки и техники, информационных технологий» [Кудряшова, 2006: 64]. Напротив, влияние технологического развития, не связанного с другими сферами жизни общества (культурной, нормативно-ценностной и др.), давление постиндустриальной экономики и часто манипулирующих, отчужденных средств массовой коммуникации приводит к тому, что начинается «обесчеловечивание человеческих отношений» [Кудряшова, 2006: 62]. Такое влияние механистической логики на сферы повседневной человеческой жизни приводит к ее овеществлению, проявляющемуся как «патологическая деформация коммуникативной инфраструктуры жизненного мира» [Habermas, 1984: 375]. Поэтому, особо сильно требование развития нормативно-ценностных принципов коммуникации граждан, «улучшающих их нравы и повышающих качество жизни...» [Кудряшова, 2006: 62]. На это влияет «гуманизация... механизма, ведущего к согласованию интересов» [Кудряшова, 2006: 67], утверждающаяся в гуманистической, диалогической субъект-субъектной коммуникации.

Отдельным проявлением коммуникации являются и связи с общественностью. И, соответственно, они также, как проявление коммуникации, должны быть не техническими, а скорее гуманистическими, чтобы служить развитию общественных отношений – в данном случае, связям разных групп общественности друг с другом, частным компаниям и общественности, государству и общественности и т. д. Тогда, связи с общественностью действительно развиваются как «наука и искусство достижения гармонии» между организациями и самими людьми на основе взаимопонимания, достигаемого при помощи «двусторонних отношений» и «полной информированности» [Блэк, 1990], правды.

Особенно важно для определения того, чем являются связи с общественностью, то, что именно понимается под «общественностью». Так, она может пониматься просто как аморфная масса, управляемая сверху вниз субъектом коммуникации – а PR тогда

превращаются в просто умелую «пропаганду» пассивной аудитории. Такой подход развивал, например, Э. Бернейс [Бернейс, 2010]. Но, с нашей точки зрения, такое определение противоречит самому духу понятия «общественность».

Есть подход к определению общественности, прямо противоположный «пропагандистскому». Его как раз и развивал Ю. Хабермас, определивший общественность как полноценную демократическую «публику», социальный коллективный субъект, ориентированный на рациональное обсуждение общих проблем с участием всех граждан [Habermas, 1991]. В демократическом подходе Ю. Хабермаса публика является полноценным субъектом коммуникации, сама порождает определенные значимые смыслы, способна вступить в полноценный диалог с властью и влиять на принятие решений. И такие коммуникации общественности внутри себя и с корпорациями, с властью обеспечиваются благодаря особой, диалогической «идеальной речевой ситуации», которая включает в себя следующие основные требования к процессу коммуникации:

1. Все граждане имеют право открыть дискурс по проблемным общественным вопросам и продолжить обсуждение.
2. Они имеют равные возможности представить свои предложения, точки зрения, аргументировать их или критиковать другие.
3. Они честны перед своим «внутренним миром», в отношении «своих установок, чувств и намерений».
4. Их точки зрения и процедура дискурса не затронуты влиянием «внешних принуждений» реальности: социальное положение, влияние граждан, имеет силу только значение аргумента.

Ю. Хабермас не только разработал данную модель идеальной речевой ситуации в своей теории, но и рекомендовал применять ее на практике.

Творчески восприняв подход Ю. Хабермаса, специалист по связям с общественностью Дж. Грюниг разработал свою модель «двусторонних симметричных» связей с общественностью, применив ее и на практике в различных компаниях. Его практика показала, что эффективность компании возрастает при применении этической модели связей с общественностью.

Эта модель предполагает установление более справедливых отношений между компаниями и их потребителями в обществе, за счет получения равного блага одновременно и государственными, бизнес-корпорациями и людьми, потребляющими их товары и получающими услуги. Это достигается при установлении в корпорациях диалогических принципов связей с общественностью, когда учитываются общественные потребности, интересы и вкусы. Противоположными являются подходы, когда общественным мнением манипулируют, в целях навязать товар, когда дают ограниченную, хотя и правдивую информацию о своих товарах общественности и не учитывают ее мнения, и когда применяется только ограниченная «обратная связь», не равноценная открытому диалогу и служащая, на самом деле, сбору информации с граждан для более эффективного применения методов манипулятивного навязывания продукции.

Поэтому, Дж. Грюниг подчеркивает, что его модель предполагает полноценный открытый диалог, служащий равноправному обмену информацией между компаниями и публикой, основанный на неотъемлемых и институциализируемых принципах. Дж. Грюнигом предлагались и применялись на практике нормы:

1) открытый диалог;
2) обсуждение принимаемых решений;
3) социальная ответственность бизнес-корпораций;
4) честность, искренность в отношении сообщаемого в диалоге;
5) этическая оправданность принимаемых в корпорациях решений (например, по использованию производимых товаров и услуг, полезных для экологии окружающей среды);
6) стремление к взаимопониманию между организациями и общественностями;
7) государственное невмешательство в процесс переговоров между бизнес-корпорациями и публиками.

Благодаря этому, в государстве между корпорациями и гражданами сохраняется «баланс собственного интереса и заботы об интересах других» [Grunig, 2001: 28], а не только защищается интерес одних организаций. Более того, применение таких гуманистических, диалогических принципов коммуникации может быть полезно и компаниям, и публике на практике. Известно, что Дж. Грюниг

вместе со своими коллегами провел прикладные эксперименты в 327 организациях. Исследования подтвердили верность и практическую значимость теоретических принципов его модели двухсторонних симметричных PR и находящегося в их основе гуманистического подхода к PR в целом. Кроме того, были выявлены новые принципы «теории высшего мастерства» [Grunig, 2001: 1–3]. Как было доказано Дж. Грюнигом, применение симметричных отношений между компаниями и общественностью повышает удовлетворенность сотрудников компаний, чувствующих себя полноценными субъектами во взаимодействии с общественностью. Также, как показали эксперименты, все стороны обсуждения – и общественность, и компания – считают выпускаемую продукцию и предоставляемые услуги этически оправданными и т. д.

Подобное разделение коммуникации на технико-манипулятивную и гуманистически-диалогическую продолжают и современные последователи Ю. Хабермаса и Дж. Грюнига. Например, Карл Ботен в практике связей с общественностью противопоставляет два подхода. Первый – по своей сущности «технический», технико-инструментально относящийся к программируемым задачам, способам их решения, и по методам отношения со своей аудиторией, определяемой как «средства для цели», «источник проблем для клиента или обладатель того, что клиент стремится заполучить, как деньги или голоса» [Botan, 1997: 196–197]. Монологичность этого подхода служит достижению целей управляющего администратора. Противоположный диалогический подход исходит от самой общественности, являющейся полноценным субъектом коммуникации, подлинные потребности которых стремятся реализовать другие люди – представители общества. Группы общественности рассматриваются как «цели в самих себе», обладающие собственными ценностями и представлениями, поэтому необходимо понимать их равноценные «интерпретации действительности, которые настолько же разнообразны и ценны, насколько и интерпретации клиента». К. Ботен обосновал существенные практические преимущества диалогического подхода и для реализующих проект: например, в сфере бизнеса, в политике и т. д. [Botan, 1997: 197–199].

В целом, данные подходы к связям с общественностью Ю. Хабермаса и Дж. Грюнига соответствуют основным принципам

гуманистической коммуникации, способствуя реализации ее на практике. А значит, гуманистическая коммуникация может быть не только обоснована в теории, но и эффективно, полезно применяться на практике, причем, для обеих сторон субъект-субъектной коммуникации. Таким образом, подобная гуманистическая коммуникация способствует становлению подлинно гуманистического общества, проявлению людей как индивидуальных человеческих личностей в высшем смысле. В результате распространение гуманистической коммуникации должно отстоять человеческую личность и предотвратить переход к пост-гуманизму в медиа, в коммуникации и в человеческих обществах в целом.

Список литературы

1. *Бердяев Н. А.* Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Public Domain, 2024.
2. *Бернейс Э.* Пропаганда. – М.: Hippo Publishing, 2010.
3. *Блэк С.* Паблик рилейшнз: что это такое? – М.: Новости, 1990.
4. *Быков И. А., Курушкин С. В.* Цифровая политическая коммуникация в России: ценности гуманизма против технократического подхода // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 419–432.
5. *Гаврa Д. П.* Основы теории коммуникации. – СПб.: Питер, 2011.
6. *Кудряшова М. С.* Гуманизм и политика. Вестник Моск. ун-та. Серия 12. Политические науки. 2006, № 2. С. 61–68.
7. *Линде А. Н.* Проблема отношения гуманистического и технологического направлений в теории социально-политической коммуникации // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2017. Т. 2, № 2. С. 82–98.
8. *Botan C.* Ethics in Strategic Communication Campaigns: The case for a new approach to public relations. Journal of Buisness Communication. 1997, № 34. Pp. 188–202.
9. *Grunig J. E.* Two-way Symmetrical Public Relations: Past, Present and Future // Handbook of Public Relations. Thousand Oaks, 2001. Pp. 11–30.
10. *Habermas J.* The structural transformation of the public sphere. An inquiry into a category of bourgeois society. – Massachusets, 1991, 301 p.

Кузнецова Е. И.

Нижегородский гос. лингвистический ун-т им. Н. А. Добролюбова
tvelena@mail.ru

Субъектность цифрового мира как новое воплощение медиальности

Мы не можем сомневаться в том,
что, пока мы сомневаемся,
мы существуем.
Р. Декарт

В ряду философских категорий категория «субъект» – одна из наиболее древних. Субъект как центр познания, субъект как источник активности, субъект как начало сомнения в своем существовании. История опыта человеческого познания начинается с субъекта. Проблематика субъекта представляет собой предмет осмысления на всем протяжении развития философской мысли. Свойство субъекта быть началом активности, формирует пространство субъектности, понятия, которое указывает на интенциональный акт, включающий в себя дескриптивные интенции и целенаправленную коммуникативную активность субъекта.

Вместе с тем, культура как сложная коммуникативная система, началом которой является субъект, всегда развивалась в сложном переплетении фигур посредничества. Проблематизация субъектности коммуникативной деятельности в ее историческом эволюционном развитии позволяла выявлять устойчивые формы опосредования, которыми выступали миф, язык, символические медиа. С развитием «техногенной цивилизации», каждый новый

технический медиум создавал все более «призрачную» медиареальность, а медиальный субстрат становился все более «прозрачным». Современная цифровая эпоха формирует «новую субъектность», вполне поддающуюся в своих технологических обличьях техническому декодированию, но представляющую собой тайну человеческого существования, скрытую многоуровневой медиальностью.

Все сферы жизнедеятельности современного общества и включенность в них человека сегодня рассматриваются сквозь призму процесса цифровизации. Тематизируется понятие «homo digital», возникает уверенность, что в «цифровом» бытии современного человека отражается его вовлечённость в современный технологический мир, которая формирует новые культурные, социальные и психологические аспекты его жизни [Гурьянова, Тимофеев 2023: 120]. Трансформация субъекта как цифрового актора происходит в связи с новыми онтологическими позициями пользователей, что обусловливает современную специфику потребления информации, особенности медиапотребления [Котляр, Солдатова 2023]. Ключевой характеристикой homo digitalis становится его «распределенность», которая рассматривается как способность распределять себя между реальной и виртуальной средами. В этом ряду возникает проблема субъектности человека, вопрос о возможности сохранить свою субъектность и в результате – цельность личности [Труфанова, 2021: 372–373]. Характер представленности человека в социуме, будучи закрепленным в электронной форме, становится в цифровом мире артефактом и приобретает, качество медийности [Сидоров 2021: 153].

Плотность коммуникаций в современном мире порождает большую долю взаимодействий в цифровой среде и приводит к несовпадению реальной и цифровой личности, что ложится в основу понимания исследователями специфических особенностей цифровой субъектности [Рягузова, 2021: 320]. Последние годы породили целый ряд исследований, в которых предметом анализа выступает искусственный интеллект. Философское осмысление данной проблемы приводит к вопросам о влиянии цифровых технологий на человеческие связи с миром, остается ли мир миром, а человек – человеком. В феномене искусственного интеллекта (ИИ) отразился дефицит

знания человека о самом себе. ИИ стал экспериментальной лабораторией, где человек впервые попытался «разобрать на части» механизм собственного сознания, смоделировать и заново собрать его (а вместе с ним и весь социальный мир) в формате компьютерных технологий и цифровых коммуникаций» [Подопригора 2019: 10].

Процесс стремительно развивающейся медиатизации становится фактором влияния и на макропроцессы, и на жизненный мир субъекта, «переформатирует» его частное пространство, раскрывает его большому и чуждому миру. Огромный потенциал медийных технологий создал мир удаленных техногенных по своей природе коммуникаций и вместе с ним — множественную иллюзорность бытия. Риски экспансии технологической среды в жизненное пространство человека, о котором предупреждали футурологи, сегодня выявили реальные позиции нестабильности его жизни [Кузнецова, Пугачева 2023: 39]. Вместе с тем парадоксом субъекта цифрового мира, открытого множеству контактов, является его подлинное одиночество.

Рефлексия субъекта имеет глубокие историко-философские корни. В философских поисках субъекту суждено было претерпевать существенные изменения, причем центральной проблемой оставался познающий субъект. От размышлений о способностях человека к самопознанию в концепции Платона, представлявшей характеристики активно действующего субъекта как такового; от аристотелевских воззрений, выражавших взгляды на субъекта индивидуального и субъекта общественного к субъективному пафосу космологической доктрины Д. Бруно, в центре внимания которой оказывался не столько универсум, сколько человеческое Я, созерцающее универсум в самом себе, принимающее в себя бесконечную Вселенную и расширяющее себя до пределов Вселенной. Позднее познающий субъект «уходит от мира во внутреннее святилище декартовского и кантовского трансцендентального субъекта», как скажет, обращаясь к мысли Р. Рорти о субъекте Ф. Анкерсмит [Анкерсмит 2007: 136]. Философские интуиции классических эпох оставили нам возможность размышлять над драматическими коллизиями картезианского и кантовского трансцендентального субъекта. Принцип Р. Декарта «cogito ergo sum» положил начало концептуальному

опосредованию выдвижением принципа методического сомнения в системе нововременного мышления. Э. Кассирер определил картезианский принцип как новую «архимедову» точку опоры, с которой принято вести отсчет истории новой философии и которая позволила свободной деятельности духа сбросить с себя все прошлое, проложить новый путь мыслящего самосознания. Предпосылкой вопросов, поставленных перед историческим и системотворческим сознанием эпохи Кассиреру виделся субъективизм Августина, который подводил к фундаментальным выводам Декарта с позиции критики познания. «И религиозный идеализм Августина, и логический идеализм Декарта имеют под собой одну и ту же основу – принцип самоуглубления, рефлексии над самим собой. „Noli foras ire, in te ipsum redi: in interiore homine habitat Veritas“»[1] [Кассирер 2001: 146]. Проблема субъекта возникает у Э. Кассирера в обосновании его анализа фундаментальных духовных образований как форм опосредования, предложенного в его выдающемся философском труде «Философия символических форм». «Основополагающие функции, которые придают миру духа его определенность, четкость и специфику, оказываются вместе с тем своеобразными преломлениями единого и единственного бытия, стоит ему быть уловленным и воспринятым „субъектом“» [Кассирер 2002: 11].

История XX столетия – это попытки осмыслить роль структур опосредования в познании мира, в самоосуществлении человека, в возможности и «невозможности» коммуникации [Кузнецова, Дорожкин 2008]. В XX в. эта проблема войдет в философский дискурс как проблема медиальности. В трудах Э. Гуссерля, Э. Кассирера, Л. Витгенштейна, М. Хайдеггера, К. Ясперса заложены основы первой дискуссии о медиальности в контексте изучения языковых форм и их роли в процессе познания. «Лингвистический поворот» провозгласил основой научного знания язык фактов, протокольные предложения и поверяемую ими истинность научного знания. Философские вопросы о субъекте порождала скрытая, тайная медиальность языка. М. Хайдеггер утверждал, что говорит не столько

---

[1] «Не стремись вовне, обратись к себе самому: во внутреннем человеке обитает истина» (лат).

индивид, сколько говорит сам язык, но вместе с тем утверждал, что только как говорящий человек является человеком. Но кто такой человек и что значит «говорить»? По Хайдеггеру, эти вопросы представляют собой необозримую пропасть сомнительного при отсутствии той путеводной нити, следуя которой можно было бы двигаться в поисках ответа. В языке заключены все тайны бытия, язык есть дом бытия. Через язык человек приходит к бытию [Heidegger 2004]. Фуко вслушивается в жизнь языка, размышляя о причинах, по которым философская рефлексия так долго держалась поодаль от языка. В его размышления о загадочном многообразии слова врывается ницшеанское стремление знать «Кто говорит?» и его ответ «Се человек!» как выражение напряженного диалога говорящего и вопрошающего субъекта [Фуко 1994: 327–328].

XX век определил изучение языка как генеральную парадигму в проблематизации идеи опосредования, которая предстает как одна из основополагающих гносеологических доминант в истории философской рефлексии. В философском дискурсе с середины XX века проблема опосредования актуализируется в понятийных границах *медиа – медиальное – медиальность* [Кузнецова, Дорожкин 2008]. Вопрос о том, что скрывается за видимыми посредниками, обретает новую историю информационного века [Луман, Хайдер, Флуссер]. На рубеже третьего тысячелетия эта проблема фокусируется на субъекте в новом социальном измерении цифрового мира, наполненного инновационными «прорывными» технологиями. Эпоха порождает понятия «цифровая реальность», «цифровая сущность», «цифровой субъект». Предлагается ввести понятие виртуального, универсального субъекта науки [Суханов 2012]. Каким видится исследователям современный субъект? Каков его статус: «цифровой субъект» или «субъект цифровой эпохи»? Что есть субъект и субъектность в цифровом воплощении?

Развивая анализ структур медиального в цифровом веке, Б. Гройс, полагает, что новой эпохой владеет желание подорвать роль и положение «субъекта», избавиться от философской традиции, в которой субъект был основным ориентиром. По мнению Гройса, тезис М. Маклюэна «the medium is the message» ниспровергает сообщение, за которым стоит субъект, определяя доминирующую

роль предающего его средства, подрывает субъективность говорящего, отправителя сообщения. Медиальные носители образуют гигантское темное субмедиальное пространство, в котором иерархии знаковых носителей уходят в непроницаемые глубины, где уже нет Другого, который виделся игрой знаков, симулякров и кодов, здесь рождается *другое другого* [Гройс 2006: 16]. Субмедиальное пространство, оставаясь пространством субъективности, становится пространством подозрения, где позади видимого скрывается нечто невидимое [Гройс 2006: 16]. Можно ли говорить, что субъект цифровой эпохи становится «подозрительным субъектом»? На это указывают и «безотчетный оптимизм» маклюэновского проекта в понимании Б. Гройса, и темное медиальное пространство субъективности субмедиального субъекта самого Гройса, и предлагаемые исследователями модели жизни «в цифровом формате» [Dunn, Ragnedda, Ruiu, Robinson 2024].

Поиски «цифрового субъекта» — это поиски его Другого, но едва этот мотив возникает, Другой исчезает из поля зрения: по сути цифровой век продолжает игру в присутствие и отсутствие как повторяющийся процесс перцептивного «присоединения и расторжения» [Bratina, Bratina 2021]. Мир виртуальной реальности расширяет возможности игрового искусственного интеллекта, делая невидимыми границы его участия. Не происходит ли в этих процессах распределения функций между человеком и машиной наряду с возрастающим чувством включенности субъекта в поле игры в той же степени передачи его «субъектности» искусственному интеллекту? Возникает мотив, сопровождающий поиски субъектности: «единящее „восприятие“ Другого, встреча, порождающая очарование, что особенно характерно для цифрового века. В некотором смысле жизнь продолжает выглядеть и ощущаться почти такой же, как и раньше. Вместе с тем цифровые инновации, стремительно сменяя друг друга, сделали доцифровую жизнь в значительной степени неузнаваемой для нового поколения цифровых аборигенов» [Malter, Rindfleisch, 2019]. Вопрос: остается ли что-то неизменным, и что это? Что значит быть человеком, как человеческое и цифровое можно определить по отношению друг к другу, как воспринимать вселенную цифровых технологий, какой путь от человеческих тревог

до идеалов, диктуемых моделями открытого исходного кода [Horst, Miller 2012]? Цифровизация социального опыта субъекта порождает мысли о кризисе концепции реальности, ставит под сомнение идею посредничества реальности как таковую [Sánchez-López, Gifreu-Castells 2024]. На поворотах цифрового века у субъекта возникает риск утратить субъектность.

Цифровую эпоху, в которую вступило человечество вместе с цифровыми двойниками, сетями 5G, растущим применением моделей виртуальной, смешанной, дополненной реальности, исследователи характеризуют как многомодальное запутанное сочетание ранее разрозненных сфер ИТ с человеческими и социальными когнитивными системами [Baranyi 2021]. Многомодальные системы тестируют формы опосредования, вызывающие беспокойство. Настойчивость информационного поиска на интернет-ресурсах приводит к временной блокировке доступа и нас извещают: «Мы проверяем, человек ли вы? Это может занять некоторое время». Нам предлагают вопрос с подсказкой «Я не робот» и, наконец, результат: «проверка прошла успешно». Наше поисковое любопытство подозрительно, оно вызывает сомнение в нашей человеческой субъектности, оно настораживает. Но пока машинный интеллект все-таки опознает нас как человека.

Мир переходит во вторую четверть XXI века, и складывается впечатление, что, обращаясь к истокам наших размышлений о медиальности, мы не дочитали Маклюэна до конца. Фраза «само средство есть сообщение», поразившая XX век своей необычностью, была только одним из аспектов в изучении темы медиальности, хотя и весьма броским. В ней увидели скорее образ, чем тезис, фразой стали играть, как метафорой, ее сочли вызовом строгой научности. При этом за вызовами Маклюэна по большей части виделась утрата приоритета текста перед технологией передачи, но не утрата субъекта. Вместе с тем, если перечитать Маклюэна с позиций нашего века, то можно увидеть его глубокие мысли о сущности технологических революций, которые порождают новые способы передачи знания, о зоне конфликта технологий и культур, в которую попадают переходные эпохи, например, наша, когда каждый момент ее существования представляет собой акт перевода реалий одной

культуры на язык другой. «Сегодня мы живем на границе между пятью столетиями механики и новой электроникой, между миром однородности и миром одновременности. Это болезненный, но плодотворный опыт» [Маклюэн 2003: 210–211]. Плодотворный опыт – это, конечно же, опыт познания, и вряд ли можно усомниться в том, что, говоря о драматизме такого опыта, Маклюэн говорит не о субъекте, который должен преодолеть этот путь.

Граница всегда создает медиальность – необходимый компонент как в контексте разграничения, так и в контексте встречи. Изменение границ, в том числе исторических, на одной из которых находится сегодня человечество, влечет за собой изменение медиальности. Размышляя о «новой медиальности» пограничного времени в цифровом мире, можно высказать предположение, что такой медиальностью может быть признана тотальная цифровая среда не только как технологический мир платформ, а прежде всего как социально-цифровая среда. Многие исторические эпохи, которые проживало человечество, представляли собой техногенные общества, и каждая из них не только изобретала технические инновации, но и вырабатывала свои конвенции и коды. Эти процессы одновременно вызывали изменение характера коммуникаций, «способов включения индивида в социальные связи, участвовали в определении границ, в которых варьируются те или иные формы социального поведения и деятельности» [Степин 2011: 113]. Это перекликается с мыслью Р. Дебре: медиологию интересует не сфера объектов, но сфера отношений. И вновь возникает мотив беспокойства, потому что анализ и пристальный взгляд на эту сферу разрушает очарование магии, поскольку «всякая система встроенных габитусов стирает опосредования» [Дебре 2010: 119]. Очень похоже, что медиальность в своем цифровом образе приобретает такой характер «стертости», формируя цифровую среду, в которой можно увидеть суть «новой медиальности»: не отдельные инновационные формы-проводники, а в целом медиальность как слитность. В современных исследованиях высказывается мысль о сформированности глобальной мультимедийной среды, повлиявшей на все структуры власти и управления, все социальные институции современного общества [Беляев 2020].

В понимании современной философии субъект предстает конкретным телесным индивидом, существующим в пространстве и времени, включенным в определенную культуру, имеющим биографию, находящимся в коммуникативных и иных отношениях с другими людьми [Лекторский 2010]. Телесным – то есть не-цифровым. Вместе с тем формой существования человека в социуме становится также его «цифровой профиль», его трудовой процесс протекает в виртуальном пространстве, его внешний облик, биография, высказывания приобретают качество медийности. Учеными исследуются так называемые «цифровые двойники» человеческих органов, например, человеческого сердца, которым отводится ведущая роль в диагностике в планировании лечения человека [Лапидус, Кравченко 2024: 21.] Концепция «цифрового близнеца» становится важнейшим краеугольным камнем промышленного роста в эпоху, когда цифровые инновации реструктурируют ландшафт всех отраслей [Gupta, Iyer 2024]. Принцип цифрового близнеца, обеспечивающий соединение разрыва между виртуальностью и реальностью выступает одной из форм новой медиальности. Появляется технология цифровой двойной сборки «человек-робот», в которой разрабатываются модели для имитации физических настроек совместной работы, поддерживаемых архитектурой цифрового двойника [Liu, Wang, Wang 2022]. Активно разрабатываются понятия «цифровой объект», «цифровая сущность»; определение «цифровой» кружится вокруг субъекта: субъект цифровой экономики, код цифрового субъекта. Дефиниции «цифрового субъекта» пока ускользают. Субъект выступает носителем сознания и воли. Что будет источником воли в контурах «цифрового» субъекта? Кто может быть опознан как Другой в реальности этого субъекта? Может ли им быть искусственный интеллект, который сегодня так близко подошел к человеку и замещает его в технологических процессах? У человека появились виртуальные ассистенты, голосовые помощники, их называют человеческими именами. По коммуникативным позициям, по поведению они уже выступают в роли субъекта, но лишены его живой природы. Они предлагают нам решения, но мы не знаем их интенций, их ценностей. Это аппаратное воплощение математической модели или наш новый Другой?

На пути «распутывания» многомодальности цифрового мира нам предстоит ответить на многие вопросы, главным среди которых остается перефразированное историей кантовское вопрошание: «Что такое человек?»

Вопрос о субъекте – это вопрос о гуманизме. Размышление о гуманизме чаще всего понимается как размышление о человеке и человеческом. Вместе с тем важно увидеть и неразрывно связанное с этим вопрошание человека о том, что есть собственно гуманизм. Humanitas как величие человеческой души, человеческое в человеке. Какой будет максима его воли, чтобы стать всеобщим законом? Представляется, что путь от образа кантовского всеобщего законодателя – к возможной цифровой субъектности – это путь нашего осмысления наступившей цифровой цивилизации.

Список литературы

1. *Анкерсмит Ф.* Возвышенный исторический опыт / пер. с нидерл. – М.: Изд-во «Европа», 2007.
2. *Беляев Г. Ю.* Социально-цифровая среда как источник новых возможностей и новых рисков для современного образования // Отечественная и зарубежная педагогика. 2020. Т. 1. № 4(69). С. 109–123.
3. *Гройс Б.* Под подозрением. Феноменология медиа. – М.: Художественный журнал, 2006.
4. *Гурьянова А. В., Тимофеев А. В.* Homo digital – субъект цифровой революции // Современные философские исследования. 2023. № 2. С. 120–129.
5. *Дебре Р.* Введение в медиологию / пер. с франц. – М.: Праксис, 2010.
6. *Кассирер Э.* Проблема взаимоотношения субъекта и объекта в философии Возрождения // Вестник культурологии. 2001. № 1. С. 78–156.
7. *Кассирер Э.* Философия символических форм. Том 3. Феноменология познания. – М.; СПБ.: Университетская книга, 2002.
8. *Котляр П. С., Солдатова Н. О.* Современный цифровой субъект: онтологические предикаты // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2023. № 3 (60). С. 18–30.
9. *Кузнецова Е. И., Дорожкин А. М.* Медиа и медиальное: социально-философский анализ // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2008. № 3 (11). С. 171–186.

10. *Кузнецова Е. И., Пугачева Н. А.* Прекаризация как феномен отчуждения субъекта в цифровой коммуникативной реальности // Общество: философия, история, культура. 2023. № 6. С. 36–41. https://doi.org/10.24158/fik.2023.6.4.
11. *Лапидус Л. В., Кравченко А. А.* Внедрение цифровых двойников в производственные циклы биотехнологических компаний в контексте концепции Pharma 4.0 // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2024. № 5. С. 11–25.
12. *Лекторский В. А.* Субъект // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд. — М.: Мысль, 2010. Т. III. С. 659–660.
13. *Мак-Люэн М.* Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры / пер. с англ. — Киев: Ника-Центр, 2003.
14. *Подопригора А. В.* Искусственный интеллект как дискурс самопознания и самоорганизации цифрового социума // Социум и власть. 2019. № 1 (75). С. 7–20.
15. *Рягузова Е. В.* Homo digitalis: запрос на новую конфигурацию индивидуальности // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2021. № 3. С. 321–325.
16. *Сидоров В. А.* Артефакты текучей медийности: новые основания символического господств // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 1. С. 152–159.
17. *Степин В. С.* История и философия науки. — М.: Академический проспект, 2011.
18. *Суханов К. Н.* Эмпирический и виртуальный субъект научного познания // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2012. № 15 (269). С. 92–94.
19. *Труфанова Е. О.* Человек в цифровом мире: «распределенный» и целостный // Вестник Пермского ун-та. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 3. С. 370–375.
20. *Фуко М.* Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / пер. с фр. — СПб.: A-cad, 1994.
21. *Baranyi P., Csapo A., Budai T., Wersényi G.* Introducing the Concept of Internet of Digital Reality Part I. Acta Polytechnica Hungarica. 2021. 18. 225–240. 10.12700/APH.18.7.2021.7.12.
22. *Bratina B., Bratina S.* Appearance of Subjectivity // Concept: Philosophy, Religion, Culture. 2021. 5(3), pp. 7–15. doi.org/10.24833/2541–8831–2021–3–19–7–15.
23. *Dunn H., Ragnedda M., Ruiu M., Robinson L.* Living Digitally: Mapping the Everyday Contours of a Still-Emerging Data-Driven Era. 2024. 10.1007/978–3–031–30438–5_1.
24. *Gupta S., Iyer R., Kumar S.* Digital Twin: Theory and Concepts. 2024. 10.1007/978–3–031–76564–3_1.
25. *Heidegger M.* Sprache // Vogl J., Engell L. u a. (Hrsg). Kursbuch Medienkultur. Die massgeblichen Theorien von Brecht bis Baudrillard. Stuttgart, 2004.

26. *Horst H. A., Miller D.* Digital Anthropology. London. Routledge, 2012. https://doi.org/10.4324/9781003085201
27. *Liu S., Wang X., Wang L.* Digital twin-enabled advance execution for human-robot collaborative assembly. CIRP Annals — Manufacturing Technology. 2022. 7.1. 25–28. 10.1016/j.cirp.2022.03.024.
28. *Malter A., Rindfleisch A.* Transitioning to a Digital World. 2019. 10.1108/S1548-643520190000016001.
29. *Sánchez-López I., Gifreu-Castells A.* Reality strikes back: performing social change through the new forms of truth. MLS Communication Journal. 2024. 2. 10.69620/mlscj.v2i1.2797.

А. Н. Фортунатов

Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского
anfort1@yandex.ru

Конфликт медийного и реального в структуре личности

Кто победит? Реальный биологический тип или его сублимированная голограмма, представленная в различных проекциях внутри медиареальности?

Современная медийная ситуация развивается в полюсах искусственной дихотомии между все более совершенными технологиями, отрицающими в рамках трансгуманизма право человека на его естественную телесность, и одновременно – с культом тела, витальности, гедонизма, земных наслаждений и материальных радостей. При этом технологии, как «выведенные вовне органы чувств», по Маклюэну [Маклюэн, 2003], становятся все более изощренными, разрывающими эфемерные связи с теми самыми чувствами, которые они призваны эксплицировать. Так, например, количество пикселей в современных экранах телевизоров значительно превышает самые тонкие возможности восприятия человеческого глаза: картинка становится по-настоящему нечеловеческой по своей насыщенности цветами, проработанности деталей и т. д. Медиум в своей посреднической роли все больше забывает об изначальном адресате – человеке, все чаще апеллируя к внешней по отношению к нему реальности.

Скорость становится символом технологического совершенства – чем она выше, тем «качественнее» выглядит технология, ее реализующая. Визг и скрежет проносящихся мимо остолбеневшего человека беспилотных транспортных средств, умных пылесосов и рекламных флэш-мобов не позволяет «молчаливому большинству»

(Бодрийяр) не только произнести хоть полслова в свою защиту — эта реплика попросту не будет услышана, поскольку контекст для ее произнесения изменится раньше, чем будут явлены миру застрявшие в горле слова. Тоталитаризм медиа становится очевидным этическим фоном, неожиданно продолжающим печальные размышления Элизабет Ноэль-Нойман о «спирали молчания» [Ноэль-Нойман, 1996]. Человек оказывается лишенным не только права на собственную защиту — он постепенно утрачивает даже саму возможность рефлексии, поскольку для этого процесса нужна точка опоры, некая пауза идентификации, которая сегодня становиться роскошью, доступной лишь для очень богатых людей.

Информационные перегрузки — притча во языцех коммуникативно пресыщенного мира — выглядит новым камнем, который Сизиф XXI века безуспешно пытается закатить на бесконечную, недосягаемую высоту технологического совершенства. И это новый экзистенциальный вызов — совсем не в духе Камю, поскольку созерцание своей внешней, коммуникативно эксплицированной оболочки, вынужденно пляшущей все ускоряющийся кан-кан, сочиненный нейросетями, становится едва ли не единственным способом сохранения нравственного и этического равновесия в этом хаотично мельтешащем мире: какие бы вызовы ни возникали вновь в этом пространстве, они все больше напоминают мрачные пугающие тени на белом экране, ничего общего не имеющие с реальностью, которая тоже, кажется, отказывается быть приравненной к медийным мизансценам. Разрыв между Я-медийным и Я-реальным становится все более ощутимым, все более болезненным.

Так возникает виртуальная идентичность как способ сохранения своего уникального облика: взгляд на мир сквозь окуляры VR-очков делает привычные предметы медийно детерминированными, выступающими в роли многозначительных символов заведомо утраченной (промелькнувшей перед застывшим взглядом) реальности. Бесконечная пластичность человеческого мозга позволяет пользователю переключаться между этими онтологическими регистрами, то погружаясь в этику технологических искажений и медийных полуправд, то возвращаясь к себе, к собственному недоумению и ожиданиям. Нельзя сказать, что эти переключения

являются вполне естественными. Мультизадачность, которая сегодня провозглашается едва ли не единственным эффективным инструментом обеспечения социальной успешности, на поверку оказывается всего лишь эхом экстремальных перегрузок на мозг, который не выполняет несколько операций параллельно, а лишь за счет нервов и физической энергии с бессмысленной скоростью перескакивает с одного на другое.

Впрочем «ленивый и нелюбопытный» (именно так рисуют нас медиа в своем веселом пространстве коммуникативных интеракций) человек невольно поддается увещеваниям медиа-обольстителей, которые в соответствии с давними рассуждениями Вэнса Паккарда [Паккард, 2004] насаждают его расслабленно-потребительское отношение к жизни и к самому себе. Идеология современных нейросетей строится на предложении «снять всю рутину» с озабоченно-усталого человека, оставив ему лишь пространство чистого творчества и уникальной самореализации. Но эта хитрая уловка медиумов не только не расширяет возможности, но и заметно сокращает какие бы то ни было творческие потенции! «Ленивые кости» — первое название пульта дистанционного управления, изобретенного руководителем корпорации «Зенит» Макдональдом Джуниором в послевоенные годы XX века, — очень точно характеризует последствия этой неподвижной прикованности к телевизионному экрану, хотя, казалось бы, все создавалось во имя благих побуждений.

Виртуализация медийного пребывания человека ведет за собой виртуализацию понятий добра и зла — сквозь призму VR они становятся «всего лишь» медийными продуктами. Отсутствие поводов для напряжения, для сверхусилия, для концентрации воли и нравственной энергии в медийном пространстве превращают индивида в аморфное, малоинтересное белковое нечто: гераклитовский «полемос» как воплощение истины, — точно не для него. Окутанный приторным, удушливым вниманием со стороны нейросетей, он становится сам-себе-недосказанным. Мужество поставить точку над i, а значит, стремиться к правде — и к самому себе — теперь узурпировано все более «умными» поколениями нейроботов. Молчаливое большинство не только лишено права голоса — оно, кажется, постепенно разучилось этот голос подавать.

К этому следует добавить все усиливающуюся императивность медиа: их слоган «не переключайся, дальше будет интересно» – превратился в символ алгоритмизированного мировосприятия, в котором любой смысловой акцент предопределен заранее и детерминирован технологиями. Компьютер, обыгравший в свое время чемпиона мира по шахматам, был мгновенно представлен как воплощение информационного прогресса и отсталости человеческого естества. Умение прятать в рукаве калькулятор, предоставляя изумленному пользователю результаты обработки больших массивов данных, становится не просто имманентным свойством медиа. Это прежде всего манипулятивная пружина, включающая внешне не связанные с ней социокультурные процессы. Технооптимизм, обожествление нейросетей и прочие экзотические культурные акции есть следствие капитуляции человека как биологической единицы перед грозным колоссом информационных технологий. Социокультурные девиации, гендерные извращения, модификации тела – все это может восприниматься как отзвук постоянной, рутинной, механической борьбы медиа с человеческим естеством (той формы «угнетения», которую принципиально не хотят замечать современные прогрессисты). Именно поэтому уверенность Донны Харауэй в ее Манифесте киборгов [Харауэй, 2017], в котором рисуется «оптимистическая» перспектива превращения человека в киборга, соединяющего в себе биологические и технологические элементы, фактически предлагает смотреть на тело как на медийное полотно, отметая какие бы то ни было атавизмы биологического прошлого. Альтернатива «киборг vs лузер» пропагандируется медиамиром как вполне естественная, не терпящая возражений перспектива развития человечества – ведь социальное пространство всецело зависит от медийных императивов.

Возникает своеобразный про-медийный гуманизм, когда человек достраивает за медиа недостающие фрагменты в картине мира, резонируя с глубинным тактом технологизированной аксиологии. Мы уже отмечали в других работах важное свойство сознания – его «миротворческую направленность», когда хаотичные импульсы из окружающей действительности складываются в гармоничную, непротиворечивую картину личностной соразмерности бытию

[Фортунатов, 2023]. Человек-миротворец хочет видеть то, что делает законченной его собственную картину мира, не замечая того, что это его желание обусловлено не только его собственным тезаурусом, но и внешним по отношению к нему контекстом, который лишь косвенно, а не первопричинно связан с информационной картиной мира, принятой в конкретном обществе. Другими словами, человек додумывает за медиа их гуманистическую направленность, как бы компенсируя (не обращая внимание на) враждебность якобы ему предназначенных информационных сообщений.

Таким образом, мы наблюдаем не просто разрыв между некой сущностью человека и его медийным воплощением, а два контура медийности, имеющие различные этические векторы. Внешний контур — направлен на компромисс с технологиями, которые выступают в роли осуществившихся, материализованных императивов, властно влияющих на сознание и поведение людей в социальном мире. Как писал яркий исследователь драматургической подоплеки коммуникативного пространства Ирвинг Гофман, «...перед людьми часто встает дилемма: либо внешнее выражение действия, либо содержание самого действия» [Гофман, 2000: 66]. Стоит ли говорить, что формальная сторона коммуникации, как эксплицированная телесность, на протяжении эволюции медиа стала подавляющей формой передачи смыслов (порой отсутствующих де факто и достраиваемых за счет миротворческого настроя).

Внутренний контур имеет целью скомпоновать, облечь в осязаемые (реально ощущаемые) формы внутреннюю идентичность, которая идет вразрез с социальной ролью, принятой индивидом или навязанной со стороны медиареальности. Искренность по отношению к самому себе в медийно детерминированном обществе не может не облекаться в соответствующие формулировки — ведь потребность в целостности человеческого Я никто не отменял, и указанное свойство сознания также играет свою примиряющую различные полюса роль.

Проблема состоит в том, что технологии безуспешно пытаются вторгнуться в нерушимые бастионы внутренней идентичности, используя несложные, грубые и порой попросту беспомощные бихевиористсткие инструменты. Примитивизация общественного

диалога, других социальных процессов во многом объясняется методической, упорной, иногда попросту абсурдной настойчивостью, с которой медиа (в своей безысходности) раз за разом точат плохо поддающийся камень человеческой целостности. Впрочем, чем дольше длится этот процесс, тем больше становится осколков (пыли) гуманизма, остающихся после отчаянных усилий медиасистем. Бесконечные «звезды Youtub-а» (запрещенная в России сеть, ее «звезды» – нарицательное имя фриков и лузеров) тому наглядное подтверждение.

Одним из наиболее острых инструментов подобного воздействия является система моды. Следует отметить, что все это многоэтажное, многослойное здание массовой популярной культуры сильно зависит от доминирующих в данный момент времени способов трансляции информационных сообщений – не просто маклюэновских «мэссиджей», которые самоценны сами по себе, а именно технологий информирования, понятых как производные от культуры. Способы доставки сигнала, как выясняется, были фундаментальной ценностью, которая обеспечивала аксиологию контента (централизованность ТВ и децентрализованность интернета и соответствующих содержаний передач или блогов хорошо это показывают). Отсюда – механическая, рефлекторная мобилизация, которая льет воду на мельницу тех, кто верит в стадное, массово-бессмысленное существование основной аудитории. Другими словами, неважно что несут в себе медиа, неважно даже, как они это делают, важнее то, из чего они состоят, на основе каких технологий действуют. Дискурс – не текст и не слова, а технологии. Контент – это всегда эхо. Это даже не рекурсия, как утверждает Луман [Луман, 2005], а отражение отражения, резонанс с двигателем, драйвером информационных перемен.

Эстетизация способов информационной консолидации общества, которые распространяют свое влияние далеко за пределы медиасистем, превращается также в систему этических императивов, проявляющих себя в повседневности. Поэтому сегодняшняя мода на татуировки коррелирует с индивидуализацией сетевых медиа, превращения их в «эго-медиа» [Фортунатов, 2018], где каждая личность и ее телесное воплощение становятся носителями

четких сообщений. Эта традиция восходит еще к телевизионной эпохе, в которой крупный план являлся обезоруживающим этическим приемом, схожим с порнографическим изображением [Бодрийяр, 2000: 93], и в этот период лейблы производителей нижнего белья воспринимались уже не просто как технические элементы одежды, а как ее эксплицированные украшения. Внешняя парадоксальность рекламных и медийных воплощений оказывается на поверку весьма последовательным проявлением избыточной энергии иррациональной этики, сопровождающей технологии информационного обмена. Добавим к этому удачно отмеченную Жоржем Батаем склонность людей к постоянному обновлению своего имиджа (в строгом соответствии с медийными ритмами и прежде всего с ускоряющимися периодами технологического обновления) [Батай, 2006], а также конструктивистский потенциал моды как драйвера стремления к технологизированному идеалу, как инструмента идеологического контроля [Барт, 2018]. Лихорадочное обновление имиджей, идеологий, гаджетов, смысловых приоритетов — всего того, что обрамляет систему моды как формы коммуникативного тоталитаризма, — вновь возвращает нас к феномену скорости как эксплицированного времени, выродившегося из онтологической величины «всего лишь» в инструмент технологизированного воздействия на сознание.

Диссоциация личностного и медийного в человеке начинается именно с сепарации временных контуров. Потребность быть онлайн, пресловутый синдром FOMO, диктующий постоянную настроенность на получение новостей, осведомленность как социальная уверенность — все это может быть воспринято в соответствии с упоминавшейся традицией Гофмана как ролевое, театрализованное поведение, мало что дающее внутреннему миру человека, его смысловой и нравственной прочности, устойчивости, уникальности. Скроллинг новостей в мессенджерах, подразумевающий смену картинки с частотой не более 5 секунд, не оставляет памяти никаких шансов на восприятие полученного материала как элемента человеческого тезауруса. Абсурдная интенсивность хоровода теней вокруг застывшего в своей этической беспомощности человека превращает информационный мир в недифференцированный

шум, из которого лишь случайным образом выпадают различные артефакты, подбираемые сознанием и превращаемые им в целостное смысловое полотно.

Такая картина недвусмысленно указывает на вневременной характер личности и на суетливую сиюминутность медийных трансформаций, упивающихся собственным динамизмом скоростью «для самих себя». Социальное время уничтожено медийными технологиями, но оно заявляет о себе в глубинах сознания. Вот почему так актуальны сегодня альтернативные способы самовыражения, которые, при эмпатийном принятии их обществом, могут служить форматами замены медийно-тоталитарных назиданий. Удовлетворение и радость от реальных достижений — как начало новой социальности, новой аксиологии.

В этом смысле нами указанная дихотомия, противопоставление личностного и медиального, — это всего лишь дань привычному медийному языку, смысловому аппарату, разрубающему реальность на смысловые альтернативы. Медийная метафорика обладает совершенно специфическим способом мировосприятия, в котором перформативность и наглядность чаще являются более важными, чем образная целостность и гуманистическая непротиворечивость используемых сравнений. В этом смысле язык, как фундамент онтологии, практически потерял общие черты с языком медийных воплощений. Отсюда привычные современному человеку понятия конфликта, борьбы, так «органично» вписывающиеся в медийный тезаурус, не соответствуют их сущностному статусу социогуманитарных драйверов. Борьба всех со всеми, вечный антагонизм, недовольство человека самим собой (так активно насаждаемое со стороны медиа), поиск несуществующего выхода из проблемы антропологического и социального несоответствия — все это рамочные условия медийного мировосприятия, порой так болезненно переживаемые замкнувшейся в самой себе личностью. Этот тезис отчетливо иллюстрируется распространенным сегодня феноменом «социальной осторожности»: в социальных сетях, с их хейтингом и буллингом, люди стараются обходить острые углы, сообразовывать свое мнение с предполагаемой этикой большинства, не вступать в прямые словесные баталии с противниками.

Описанная нами дихотомия личностного и медиального самим фактом рефлексии о ней являет собой гуманистическую перспективу, в которой по-настоящему человеческие ценности вновь должны заявить о себе. Это утверждение – отнюдь не дань романтической утопии, а опирающаяся на исторические факты обоснованная перспектива. На протяжении XX века человечеству уже не раз удавалось ускользать от самых немыслимых, тоталитарных форм подавления общественного (и личного) сознания. Достаточно вспомнить жесткие императивы нацистской идеологии (комиссии гестапо следили за тем, чтобы в домах бюргеров были включены радиоприемники – Volksempfänger, и охват радиовещанием тогда был максимальным за всю истории медиа – 96%), которые стали источником «синдрома вины» немецкой нации в послевоенные годы. То же можно сказать и о тотальном распространении технологии и соответствующей ей этики телевидения, которое сегодня воспринимается молодыми людьми как ушедший в прошлое, древний артефакт, еще как-то понятный пожилому поколению. И таких примеров действительно много. Беспомощность технологий, их неуклюжие претензии на всевластие особенно остро ставят вопрос о рефлексии человека по поводу самого себя в качестве контрмедийной сущности. Постмедийный гуманизм, судя по всему, должен вскоре во всеуслышанье заявить о себе.

Список литературы

1. *Барт Ролан*. Система моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр. – М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2018.
2. *Батай Жорж*. Проклятая часть: Сакральная социология / пер. с фр. – М.: Ладомир, 2006.
3. *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального / пер. с фр. – Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2000.
4. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000.
5. *Луман Никлас.* Реальность массмедиа / пер. с англ. – М.: Праксис, 2005.
6. *Маклюэн Г. М.* Понимание Медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. – М., Жуковский: «Канон-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003.

7. *Ноэль-Нойман Э.* Общественное мнение. Открытие спирали молчания / пер. с нем. — М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996.
8. *Паккард Вэнс.* Тайные манипуляторы / пер. с англ. — М.: Смысл, 2004.
9. *Фортунатов А. Н.* Кибергуманизм. Как коммуникативные технологии трансформируют наше общество. — М.: Флинта, 2023.
10. *Фортунатов А. Н.* Эго-медиа. Социально-философские штрихи к истории телевидения. — М.: ФЛИНТА, 2018.
11. *Харауэй Донна.* Манифест киборгов: наука, технология, и социалистический феминизм 1980-х. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.

Е. В. Маринова

Нижегородский гос. лингвистический ун-т им. Н. А. Добролюбова
marinova@list.ru

Человек в медиадискурсе о «цифре» в системе координат гуманизма

Техника так совершенствуется, что человек скоро сможет обойтись без самого себя.

Ст. Ежи Лец

Многовековая гуманистическая традиция связывает понятие «человек» с идеей наивысшей ценности всего сущего, центром бытия и в какой-то степени мерилом добродетели (по сравнению с животными и бездушной техникой). «Человеку нужен человек» – вот, пожалуй, самая короткая точная формула гуманистического мировоззрения. Постгуманизм и далее трансгуманизм поставили под сомнение эти постулаты, и прежде всего идею об исключительности человека в мире. Если вынести за скобки религиозную (православную, например) интерпретацию человека в контексте оппозиции «человек – Бог», не претерпевшую, по-видимому, изменений у религиозных фундаменталистов и философов, можно отметить, что другие значимые оппозиции «человек – животное», «человек – машина» в XXI веке переосмысливаются чуть ли не радикально, и не в пользу человека, подтверждением чему служат прежде всего продукция массовой культуры (кино, литература) и дискурс медиа, в особенности новых медиа. Обе эти сферы – mass культура и mass медиа – подобно губке впитывают в себя и удерживают витающие в воздухе идеи, свидетельствующие о переменах в общественном сознании. Это, с одной стороны,

популярные теории равенства животного и человеческого мира – равенства, естественным образом не предполагающего иерархии (кто высшее, а кто низшее существо) [Mazis, 2008; Ростова, 2019], с другой, техноцентрическая идеология, выдвигающая в качестве главной идею совершенствования техники до ее человекоподобного состояния (опять же равенство? – *Е. М.*).

И в том, и в другом случае человеку отводится далеко не первая роль. Точнее говоря, и в том и другом случае человеку отказывают в праве считаться совершенством природы и цивилизации, высшей формой развития и т. п. «*Лучше, чем люди*» – *название* российского фантастического сериала о роботах-андроидах (2018) вполне определенно передает суть всех этих попыток переосмыслить сущность человека, найти замену этому далеко не совершенному, с позиции неогуманистических направлений, существу[1]. Роботы, нейросети, алгоритмы, ИИ, а также (в современной фантастике и фэнтези) клоны, киборги, вампиры и другие **не**-люди претендуют на место Человека. Это в массовой культуре. А что в науке? Развитие *прорывных*, как сейчас говорят, технологий в отношении человека неумолимо движется по одному глобальному тренду: несовершенство Homo Sapiens предлагается исправлять искусственным, не природным (и тем более не духовным) способом – сращением с техникой. Нельзя не заметить, что критически мыслящие ученые, философы, писатели (среди которых немало последователей именно гуманистических традиций) видят в этих идеях серьезную опасность и угрозу. «Срастание людей с компьютерами, – пишет Т. В. Черниговская, – бесспорная вещь: чипы, искусственные органы – это уже есть и будет нарастать. Значит, встанет вопрос, что во мне моего, то есть где я „заканчиваюсь“, так сказать?..»[2].

---

[1] Однако, как справедливо отмечает В. А. Кутырев, «несовершенство человека» для авангарда технонауки только предлог. «Человек, как все в мире, – это „несовершенное совершенство“. В своем роде, как „разумное живое“ он совершенен, выше его никого нет. И в то же время, все что развивается, всегда, по определению, несовершенно. <...> изобретенные сейчас гибриды и даже роботы, через 5–10 лет будут тоже несовершенны. Уже на следующем технологическом витке» [Кутырев, 2022: 149].

[2] *Черниговская Т. В.* Свобода воли и нейроэтика // Сноб. 2012. 4 дек.

Итак, где «заканчивается» человек?

«Вы не гаджет» – называет свою книгу Дж. Ланир, предостерегая нас от идеализации техники и зависимости от нее. Герой фантастического романа А. Иванова «Комьюнити» убежден, однако, в другом: «Человек – это его айфон». Как видим, проблема понимания природы человека, его сущности и назначения в современную эпоху приобретает характер жизненно необходимый, принципиальный для сохранения «вида» и выживания в будущем.

Новые воззрения на человека, прежде всего в контексте цифровых технологий, набирающих в настоящее время бешеную скорость, последовательно отражаются в языке. Наше исследование посвящено этому процессу. Отталкиваясь от ранее проведенных наблюдений и предварительных выводов, полученных нами на материале художественного дискурса [Маринова, 2022], обратимся к медийному дискурсу, а именно – к текстам, тематически связанным с процессом, который на официальном языке (языке власти) называется *цифровой трансформацией общества* или *цифровым развитием*. (Кстати, цифровая трансформация *личности* тоже, оказывается, возможна – по крайней мере, и такие идеи «артикулируются».)

Задача исследования – на материале дискурса о «цифре» показать, как отражаются в русском языке последствия техноцентрической («цифроцентрической») идеологии. Здесь мы остановимся на теме человека (в ранее опубликованных работах обращалось внимание на вербализацию изменений в отношении других значимых понятий человеческой культуры – реальность, будущее, ценность [Маринова, 2024 и др.]).

Источники исследования: сервис «Архив СМИ» (1996–2024) электронного медиабанка «Интегрум», «Национальный корпус русского языка» (основной и газетный подкорпуса, подкорпус «Социальные сети»; далее НКРЯ), личная коллекция автора.

Человек — техника: субъект — объект?

В философском понимании *субъект* – «**человек** (выделено нами. – *Е. М.*), вступающий в контакт с миром, изменяющий предметную обстановку своего бытия и самого себя (свои качества и силы) в процессе решения практических и духовно-теоретических задач» [СФС, 1998: 885]. Объект же мыслится как «часть бытия, противостоящая человеку в его познании или деятельности», а также «обусловливающее эту деятельность обстоятельство (об-становка, об-стояние дел), из которых человек вынужден исходить» [Там же: 602]. Что касается техники, то «в категориях, типичных для классической философии», она является: «а) средством полагания субъектом объекта, а следовательно, и средством полагания субъекта самого себя; б) границей субъекта и объекта в точном гегелевском смысле „иного обоих“, определяющей в известной степени взаимодействующие сущности» [Федяев, 1998: 925]. Техника в таком понимании – «средний член субъектно-объектного отношения», инструмент, средство [Там же]. Однако в контексте современных «человекоподобных» технологий (ИИ, нейросеть, алгоритмы и др.) «машина» оказывается субъектом, человек – объектом и даже инструментом, «средством дальнейшего прогресса». Распространяется идеология *бессубъектности* человека, «мира, в котором больше не нужны люди» [Кутырев, 2022: 147]. Такая идеология – «способ теоретического самоуничтожения: все – и камни, и травы, естественно, любые живые существа, насекомые, черви – объявляются субъектами» [Там же: 48]; ее цель – «замаскировать, запутать потерю субъектности человека» [Там же].

Как эту трансформацию можно увидеть в языке медиа? Прежде всего мы обратили внимание на эволюцию понятия «личность» за последнюю четверть века, которую можно обозначить так: от *виртуальной* – к *цифровой*.

Выражение *виртуальная личность*, появившееся в сетевом дискурсе в конце XX столетия, использовалось, когда речь шла об авторе сетевых текстов (художественных, публицистических), пишущем под псевдонимом и узнаваемом по определенным содержательным и формальным (включая псевдоним) особенностям своих творений.

См.: *И чем, скажите, бессмертный Козьма Прутков не «виртуальная личность»?*[3].

С появлением социальных сетей и широким их распространением значение выражения меняется, поскольку авторами в той или иной степени становятся все. Под виртуальной личностью понимается уже более или менее устоявшийся, различаемый в Сети образ пользователя, целенаправленно создаваемый кем-либо в разных целях (напр. общения, бизнеса, игры – т. е. не обязательно творчества). В СМИ весьма частотными оказываются обороты *создание/конструирование виртуальной личности*[4]. Семантика таких оборотов подчеркивает искусственность феномена виртуальной личности, его преднамеренный, подобно какому-либо проекту, характер.

Однако постепенно, к началу третьего десятилетия XXI в., выражение сменяется другим: появляется *цифровая личность*. Вот характерные заголовки и контексты: *Цифровую личность каждому жителю России* (CryptoFeed.ru>news); *«Цифровую личность» за копейки* (ComNews); *Многие эксперты говорят, что цифровая личность человека в ближайшее время станет очень ценным товаром* (VC.ru); *Можно и даже нужно попросить друга найти вас в интернете и посмотреть на вашу цифровую личность со стороны* (Tomsk State University (en.tsu.ru). Под *цифровой личностью* понимаются персональные данные, причем не только сведения о пользователе, которые он сам вводит в виде обязательных сведений о себе для авторизации в системе или регистрации на каком-либо сайте, но и то, что пользователь не сообщает, т. е. ту специфическую

---

[3] *Аснин М.* Живая пирамида // Известия. 2001. 19 дек. НКРЯ

[4] См.: *Если тому же Джону Клиппенгеру удастся в своей гарвардской лаборатории построить новые системы для конструирования виртуальной личности, то кто знает... может быть, в просторах Интернета за поворотом нас ждет новый Ренессанс* (*Г. Асмолов.* Доверие в Сети. Психология на каждый день. 2010. НКРЯ); *Обезумевший хакер Sleepwalker, начинавший с консультаций по анонимности и экспериментов по созданию виртуальных личностей, позже взял на себя ответственность за крах уже несуществующей международной торговой площадки Amberoad* (*Жавнерович А.* Бесславные ублюдки. Lenta.ru. 25.09.2017. НКРЯ).

цифровую информацию, которая остается в Сети как факт его присутствия и деятельности, например, поисковой, и которая считывается и обрабатывается алгоритмами, что позволяет составлять представление об интересах, вкусах, предпочтениях, социальном статусе, материальном достатке и других подробностях жизни пользователя **без его участия**. Отсюда характерная сочетаемость номинации *цифровая личность*. Если в случае с виртуальной личностью, это конструкции на базе слов *создание* и *конструирование*, то в случае с цифровой личностью – та же генитивная модель, но на базе слов *кража, проверка, подтверждение, стирание*. См., к примеру: *С учетом давно реализуемых планов по уходу государства с рынка сбора и контроля персональных данных, такие «инновации» грозят кражей отдельных «цифровых личностей» россиян с непредсказуемыми последствиями* (Континенталистъ (continentalist.ru). 02.09.2022)[5].

Важно подчеркнуть, что и виртуальная личность, и цифровая личность – это результат «двойной» жизни современного человека (в реальности и в Сети), но расхождение между самими понятиями значительное. Если понятие «виртуальная личность» предполагает все же некую намеренность субъекта (сформировать в Сети свой определенный образ; возможно, воздействовать с помощью него на других пользователей), а значит, активность субъекта и наличие хотя бы относительной его свободы в интернет-пространстве, то понятие цифровой личности названные параметры исключает. Цифровая личность как совокупность оставляемых пользователем «следов» присутствия в Сети, оцифрованных персональных данных, которыми могут воспользоваться и без разрешения пользователя, становится не субъектом, а объектом воздействия, пассивным и несвободным (см. схему ниже), а человек сводится к данным: его «автономное Я» трансформируется «в некоторую направленную вовне сущность, постоянно воспроизводящую социальный капитал через **передачу ценностных данных другим** (выделено нами. – *Е. М.*)» [Ловинк, 2019: 54], см. *Табл. 1*.

---

[5] URL: https://cont.ws/jr/continentalist

Таблица 1. От виртуальной к цифровой личности

Виртуальная личность	*Цифровая личность*
активность субъекта: возможность воздействовать на других; намеренность; относительная свобода	пассивность; объект (а не субъект); уязвимость; ненамеренность; отсутствие свободы

Пассивность, зависимость от техники (гаджета) своеобразно кодирует сам язык. Как показывает наше специальное исследование, посвященное современным техницизмам в художественной литературе, при изображении героя-пользователя, проводящего время в виртуальном пространстве, нередко избирается такая организация предложения, при которой герой по отношению к технологиям, которые он использует, мыслится как объект, а не субъект (*браузер* ***понес юзера*** *на портал знакомств* – у А. Зорича; *ссылка* ***сбросила нас*** *туда*; *ссылка* ***вела меня***; ***ее втянуло*** *в комьюнити* – у А. Иванова; и др. [Маринова, 2022: 149]). Сегодня подобные конструкции (техническое средство активно – человек пассивен) заметны в СМИ, в материалах и новостных текстах о нейросетях, искусственном интеллекте, роботах и алгоритмах. Контексты «X поможет Y», при том что X – технология или гаджет, а Y – пользователь, популярны и в медиа, и в рекламе и органично вписываются в общую метафорическую картину мира современного человека, приписывающего неживому свойства живого. Анализ субъектно-объектной организации извлеченных из медийной речи высказываний, где главным действующим «лицом» являются технологии, позволяет на глубинном уровне увидеть, как «прививаются» современному обществу идеи трансгуманизма (подробнее см. в [Клементьева, 2022]).

«Человек» и «человеческое» как средства номинации в техносфере

В контексте современных технологий приписывание техническим устройствам и программам свойств живого существа (антропоморфизм) последовательно отражается и в процессах номинации. Мы имеем в виду обозначения реалий техномира, которые, начиная с 90-х гг. XX в., регулярно именуются из ресурсов так называемых личных существительных, прежде всего агентивов

(номинаций, обозначающих человека, деятеля). На русской почве такие номинации строятся нередко с помощью атрибутов, имеющих значение «осуществляемый, существующий в интернет-пространстве»: *онлайн-переводчик* (программа), *интернет-брокер, онлайн-брокер, электронный брокер* (пользовательская программа для проведения брокерских операций в режиме реального времени через интернет), *виртуальный учитель* (обучающая программа в Сети), *цифровой актер* (о цифровой копии актера), *цифровой полицейский* (система безопасности, основанная на использовании ИИ, дронов, видеокамер и др.). В последнее десятилетие чрезвычайно актуальным становится в позиции перед личным существительным формант *ИИ* – «связанный с использованием технологии искусственного интеллекта»: *ИИ-врач, ИИ-доктор, ИИ-кардиолог, ИИ-терапевт, ИИ-дизайнер, ИИ-микробиолог, ИИ-композитор, ИИ-повар, ИИ-политик, ИИ-стилист, ИИ-сценарист, ИИ-рекрутер, ИИ-репетитор, ИИ-редактор, ИИ-продавец, ИИ-тренер, ИИ-юрист* и др. В этом же ряду модные в настоящее время номинации с *робо-*: *робо-коуч, робо-инспектор.* Например: *Цифровые полицейские: в МВД будут служить* ***робокопы*** (заголовок)[6].

Перечень этих антропоморфных метафор можно продолжить интернациональными терминами IT и ИИ-сферы: *компилятор* «программа перевода с одного машинного языка на другой», *корректор* (*правописания*), *мастер* (*подсказок*), *навигатор,* (*текстовый*) *редактор, виртуальный ассистент/помощник, цифровой ассистент, голосовой помощник, цифровой двойник* и др.

Подобные названия своеобразно отражают идею **двойственности** современного мира, в котором меняются/смешиваются роли человека и машины, усиливаются «смысловые смещения в массовом восприятии, понимании, интерпретации фундаментальной оппозиции» [Волков, 2020: 747].

В этом отношении показательна «реакция» русской грамматики на регулярное использование одушевленных существительных для обозначения неживых объектов. В большинстве случаев категория одушевленности у этих номинаций утрачивается (*включить*

[6] Деловой Петербург. URL: https://clck.ru/3CxUis)

навигатор, а **не включить навигатора*). Однако на некоторых участках систему как будто бы «сбоит», и она «выдает» варианты использования слова в форме винительного падежа и как одушевленного, и как неодушевленного. Ср. примеры из медийных текстов:

a) *Мы рассматриваем возможность внедрения такой функциональности в наш голосовой* ***ассистент*** *«Ева»*[7] – термин использован как неодушевленный; *«Вымпелком» тестирует виртуального* ***ассистента*** (заголовок)[8] – как одушевленный;

b) *...аппарат позволяет создать цифровые* ***двойники*** *статичных нетвердых объектов*[9] – термин использован как неодушевленный; *Российские разработчики показали цифровых* ***двойников*** *на Венецианском биеннале*[10] – как одушевленный;

c) *...на смартфонах должно быть 15 приложений, включая браузер, навигатор, мессенджер, голосовой* ***помощник****, новостной агрегатор*[11] – термин использован как неодушевленный; *Пауль и Антон разработали голосового* ***помощника****, который не только умеет подстраиваться под характер владельца, но и незаметно делает из него идеального потребителя* (анонс фильма в приложении «Яндекс Афиша») – как одушевленный.

Интересно, что такого рода грамматическая вариантность наблюдается сейчас и у слов *чат-бот* и в особенности *бот*, которые используются то как одушевленные, подобно слову *робот*, то как неодушевленные, что также вносит неопределенность в восприятии неживых, но человекоподобных объектов. Граница между

---

7 «Яндекс» научил «Алису» звонить по номерам из контактов // Ведомости. 2021. 15 дек.

8 Ведомости. 2021. 20 янв.

9 РИА Новости. 2020. 9 окт.

10 Известия. 2019. 12 мая.

11 Кабмин расширил перечень программ для обязательной предустановки на гаджеты // Парламентская газета. 2021. 30 ноября.

такими противоположными сущностями, как человек и машина, размывается. Подтверждают это и другие факты новой языковой реальности:

— широкое использование в номинациях технологических и технических реалий «человеческих» эпитетов, прежде всего *умный* (*умный дом* <*колонка, часы, мойка, браслет, выключатель, парковка, гантели, мусорные контейнеры…*>), и напротив, использование прилагательных технической сферы в сочетании с личными существительными для номинации лиц новых специальностей: *виртуальный врач/доктор, цифровой педагог, цифровой куратор, цифровой художник, киберследователь, киберпсихолог* и т. д.;
— использование соматонимов в названиях технологических опций (см. в сфере цифрового банкинга: *Оплатить* ***улыбкой****. Оплатить* ***лицом***);
— использование личных имен для обозначения программ искусственного интеллекта, чат-ботов, голосовых помощников – см.: *В СМИ все чаще стали появляться тревожные истории родителей, у которых дети имеют имена Алиса, Маруся, Алекса, Сири. Ведь эти имена в наше время уже стойко ассоциируются с голосовыми ассистентами Mail.Ru, Яндекс, Amazon, Apple*[12].

Как же в дискурсе о «цифре» именуется сам человек?

«Новые грани человеческого», или Человек как объект номинации

Нетрудно заметить, что сам факт обращения к понятию «человек» – в контексте использования всевозможных Интернет-ресурсов, подключения к ним – весьма специфичен. Во-первых, человек перед экраном компьютера или дисплеем смартфона становится *пользователем* (актуализируется именно эта функциональная составляющая живого человека); во-вторых, для системы, к которой пользователь подключается, принципиальным становится атрибуция

[12] URL: https://overclockers.ru/blog

«не робот» (что проверяется капча-службой). Получается, что ***системе*** тоже нужен человек! Однако существенным признаком человека здесь становится, по сути, единственный признак – «не являющийся роботом». Центральное понятие гуманизма редуцируется до этого единственного признака – биологического, да и сама индивидуальность человека в цифровом мире замещается набором биометрических данных. Например, см. характерный заголовок: *Кто может расплатиться вашим лицом?*[13]

Не случайно в антицифровом дискурсе (дискурсе противников цифровизации) техногенные искажения в понимании природы и назначения человека подвергаются резкой критике, что отражается и на процессе активного словотворчества. «Антицифровики» именуют сторонников цифровизации, ее идейных вдохновителей в эшелоне власти *расчеловечивателями*, *цифроволками*, *людиардерами*[14]. Используются и политические ярлыки – *цифровые фашисты/цифрофашисты, цифровые сектанты, цифровые лоббисты* и др. Тех же, кто пассивно принимает цифровую трансформацию жизни, не задумываясь о последствиях в гуманитарной сфере, противники «цифры» называют *цифровыми рабами и пленниками, биороботами, управляемыми биообъектами, узниками цифрового концлагеря, послушными «цифроиванами», людьми одной кнопки*[15], *новыми манкуртами и янычарами* и под.

---

[13] Кто может расплатиться вашим лицом? // Парламентская газета. 2021. 13 дек.

[14] Первоначально слово использовалось в дискуссиях вокруг проекта Организации экономического сотрудничества и развития «Образование-2030» (2018) в значении «представители крупных цифровых компаний, делающие ставку в своем бизнесе на высококвалифицированных и креативных IT-специалистах» (см., напр.: https://regnum.ru/news/3086976). В настоящее время значение трансформируется: актуальным становится значение «владельцы цифровых данных пользователей, использующие эти данные для высокоприбыльного бизнеса». Ср.: Уже появилось новое понятие «людиардеры». Миллиардеры, владеющие не миллиардами долларов, а миллиардами человеческих данных (https://vk.com/wall-185595421_223221). См. также: https://tenchat.ru/media/2445929-lyudiardery – kto-eto?ysclid=m1vrt9jvab825193337.

[15] Выражение приписывают Дм. Пескову, директору направления «Молодые профессионалы» Агентства стратегических инициатив.

Анализ семантической структуры протестных номинаций, нацеленный на выявление их основных смысловых доминант, показывает, что общая идея, реализуемая как в структуре, так и в значении номинаций, связана с **идеей несвободы** человека в цифровом обществе. Именно в ограничении личной свободы, как со стороны «цифрового государства», так и со стороны «человекоподобной техники», критически настроенные в отношении «цифры» медиа-авторы видят главную гуманитарную угрозу как в ближайшем будущем, так и в дальнейшей перспективе. Антигуманистический смысл происходящих процессов (дискредитация свободы личности, замена самого понятия «личность» понятием «персональные данные») выражают характерные для антицифрового дискурса сочетания ***оцифровка*** *личности* <*человека, населения*>. Семантика техницизма *оцифровка* не предполагает, что объект, на которого направлено действие, живое существо, поэтому выражения звучат как метафоры несвободы, подчиненного положения (ср. соотносительное наименование лиц: *оцифровщики*).

Еще одна устойчиво реализуемая в обозначениях лица (= пользователя) идея – уподобление человека техническому устройству. Мысль о том, что люди, как и всякие живые существа, являются машинами, обрабатывающими информацию, постулировалось основоположником кибернетической науки Н. Винером еще в 1948 г. (трактат «Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине»), т. е. на заре кибернетики. Постепенно, с развитием сферы IT, эта идея закрепляется в языке, в метафорах, самой устойчивой из которых является *компьютерная*. Вот несколько иллюстраций: *Машина ли я (действует ли мой мозг, как компьютер), или живое человеческое существо (с искрой духа или чего-то другого, несводимого к сетевому окружению)* [16]; *Все мы – компьютеры, чрезвычайно сложные, но все же компьютеры* [17]; *…гуру-технофилы и футурологи Кремниевой долины уже выдвинулись в крестовый поход против неприятных багов человеческой природы в надежде*

---

[16] *Жижек С.* Киберпространство, или Невыразимая замкнутость бытия / пер. с англ. // Искусство кино. 2000. № 1.

[17] *Левин Я.* Интернет как оружие / пер. с англ. – М.: Индивидуум, 2019.

найти целительный патч[18]; *Мы живем в эпоху взлома человека*[19]; *Нас всех перезапустили*[20]; *Мозг работает, как компьютер*[21]; *Человек – та же самая нейросеть, просто на биологическом носителе*[22] и т. п[23].

Техноморфная интерпретация человека, отраженная в этих и подобных высказываниях, – результат переосмысления оппозиции «человек vs машина» в цифровую эпоху. Наглядно это переосмысление можно представить так: вместо традиционного разделителя VS между членами оппозиции можно поставить знак подобия: «Человек ~ Машина». При этом формула читается одинаково верно в любом направлении.

Итак, что же такое человек? Как и с чем идентифицировать себя? Что органично человеческой природе, а что для нее противоестественно? Сможет ли человечество отстоять свое уникальное место в системе ценностных координат или процесс девальвации понятия «человек» еще более активизируется в условиях нарастающего интереса к роботизации и технологиям искусственного интеллекта? В настоящее время медиа как самый подвижный и социально значимый сегмент коммуникации, влияющий на массовое языковое сознание, в явной или (чаще) скрытой форме задает все эти вопросы, однако, как мы видим, ответы на них, кодируемые языком

---

[18] *Морозов Е.* Техноненависть: как интернет отучил нас думать / пер. с англ. – М.: Common place, 2014.

Патч – информация, предназначенная для автоматизированного внесения определенных изменений в компьютерные файлы (dic.academic.ru).

[19] *Харари Х.* 21 урок для XXI века / пер. с англ. – М.: Синдбад, 2019.

[20] *Ловинк Г.* Критическая теория Интернета / пер. англ. – М.: Ад Маргинем Пресс; Музей современного искусства «Гараж», 2019.

[21] *Николс Т.* Смерть экспертизы. Как интернет убивает научные знания / пер. с англ. – М.: Бомбора™; Эксмо, 2019.

[22] *Пелевин В.* Путешествие в Элевсин. – М.: Эксмо, 2023.

[23] Компьютерная метафора проникает не только в медиа и художественный дискурс, но и в повседневную речь; ее фиксируют словари. См., напр.: «Компьютер, *-а, м.* Голова. *Компьютер болит. Включи компьютер* – подумай, задумайся, пошевели мозгами» [Вальтер и др.: 2004].

в виде номинаций реалий нашей новой цифровой действительности, выходят за границы традиционных гуманистических ценностей.

Список литературы

1. *Вальтер Х., Вовк О., Зумп А. и др.*// Словарь: Заимствования в русском субстандарте. Англицизмы (СЗА). — М.: ИТИ Технологии, 2004.
2. *Волков В. В.* Искусственный «интеллект» и человеческий ум: футуристическая синекдоха и реальность (лингвистический и лингвоментальный аспекты) // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 4. С. 745–759. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-760-774
3. *Клементьева А. А.* К вопросу о функционировании термина *искусственный интеллект* в современном научном и публицистическом дискурсе // Мир русского слова. 2022. № 4. С. 14–23. DOI: 10.24412/1811-1629-2022-4-14-23.
4. *Кутырев В. А.* Человек технологий, цивилизация фальшизма. — СПб.: Алетейя, 2022.
5. *Ловинк Г.* Критическая теория Интернета. — М.: Ад Маргинем, 2019.
6. *Маринова Е. В.* Реальность как технология, или Онтологическая лексика в современных процессах номинации // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 2. С. 226–244. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-226-244
7. *Маринова Е. В.* Язык Рунета: в Сети и за ее пределами. От вербализации ключевых идей интернет-пространства до обновления художественного дискурса. — М.: ЛЕНАНД, 2022.
8. *Ростова Н. Н.* Человек на границе животного мира // Вестник Томского гос. ун-та. 2019. № 446. С. 68–75. DOI: 10.17223/15617793/446/9
9. Современный философский словарь / под ред. В. Е. Кемерова (СФС). — Лондон — Минск: Панпринт, 1998.
10. *Федяев Д. М.* Философия техники // Современный философский словарь / под ред. В. Е. Кемерова. — Лондон — Минск: Панпринт, 1998. С. 924–926.
11. *Mazis G.* Humans, Animals, Machines: Blurring Boundaries. — Albany, NY: SUNY Press, 2008.

Ерофеева И. В.

Забайкальский государственный университет
irina-jour@yandex.ru

Когнитивный инструментарий противодействия медийным деструкциям гуманизма

В качестве преамбулы

В информационную эпоху, в неоднозначной ситуации нескончаемой гибридной войны жизнь крайне турбулентная и неупорядоченная. Человек, будучи информационным существом от рождения, зависим от массмедиа, которые в силу своей тотальности и профессионального контента выстраивают доминанты коммуникации в соответствии с принципом «мы говорим – ты слушаешь». Так что свобода выбора человека ограничена складывающимся медиапредложением и, как минимум, доминирующей информационной повесткой. Потребности и конструкты мировидения человека формируются под воздействием системы норм и правил, которые масштабно транслируют массмедиа.

В фокусе внимания медиаэкспертов – когнитивно-мировоззренческие ресурсы медиа, влияющие на сознание социума в процессе информационно-смыслового обмена субъектов, а также идеологические компоненты медиатекстов, «задающие норму фокусировки, значимости и оценивания тех или иных фактов, событий, смыслов» [Полонский 2012].

Теоретики массовой коммуникации в воспроизведении событий в текстах СМИ выявляют связь восприятия и ментальных состояний и процессов, исходя из понимания, что физиологические каналы

передачи информации работают с перцептивными опытом и знаниями человека [Демьянков 2018]. В эпоху цифровых технологий и социальных сетей когнитивный инструментарий массмедиа становится ещё более сложным и многогранным.

Когнитивный инструментарий информационной эпохи

Актуальные медиа технологичны, активно обогащаются мощным потенциалом искусственного интеллекта, задействуют ***когнитивный инструментарий*** – некую совокупность приёмов, во-первых, восприятия и обработки информации создателем медиаконтента, во-вторых, воздействия медиаконтента на восприятие, мышление, эмоциональную картину мира и поведение аудитории [Ерофеева 2024]. Современные массмедиа стали своеобразным аналогом вавилонской библиотеки Борхеса – огромное количество текстов, которые вроде бы не повторяются, но часто абсолютно бессмысленны и ориентированы исключительно на вход потребителя в предлагаемый контент: задержать внимание в смысловом диалоге и контексте способны единицы. В этом плане медиарейтинг эффективности способствует мировоззренческим и эмотивным трансформациям человека. В мире, где информация распространяется с невероятной скоростью, понимание этих когнитивных инструментов особенно важно, как для потребителей информации, так и для тех, кто её создает.

Сегодня наибольший интерес исследователей вызывают когнитивные технологии, используемые в информационном противостоянии [Выходец 2022; Гавра 2024; Krasovskaia 2019; Приходько 2023]. При этом анализ повседневной медийной практики нельзя назвать удовлетворительным.

В постиндустриальную эпоху «экономики переживаний» задействован инструментарий медиамаркетинга. Наблюдается развитие технологий аффективно-эмоционального толка, которые, нивелируя смысловое пространство медиадискурса, насыщают его эмоциями и переживаниями. Эмоционально насыщенные предложения объявляются более успешными и конкурентными в долгосрочной

перспективе [Колодий 2011]. СМИ в формальной приверженности к объективности тиражируют эмоционально-насыщенные, удивляющие и выразительные материалы. Эффективность медиапродукта измеряется состоянием вовлеченности потребителя в контент, уровнем его практического знакомства через эмотивное испытание, поэтому сегодня значительно возрастает самобытный – субъектный аспект восприятия [Черников 2020].

Эмотивность частотно поддерживается определённой системой образов, асимметричных обычной жизни человека (звёзды, известные политики, нарушители закона и др.), что создаёт неоднозначный, а порой агрессивный и конфликтогенный контент.

Когнитивный инструментарий обладает совокупностью устоявшихся аспектов применения. Например, *фрейминг или кадрирование.* Это процесс, при котором информация подаётся в контексте, влияющем на восприятие аудиторией. Одно и то же событие может быть представлено как катастрофа или как возможность роста, в зависимости от подчеркиваемых аспектов события. Фрейминг позволяет формировать общественное мнение, направляя внимание на те или иные аспекты проблемы.

Еще одним важным аспектом является *прайминг*. С одной стороны, это процесс обработки и толкования информации с помощью определенных когнитивных структур на основе уже имеющихся данных, с другой – процесс подготовки аудитории к восприятию информации определенным образом. Последнее достигается путем предварительного представления связанных тем или идей, которые создают определенные ожидания. Так, если в новостях часто упоминать случаи преступности, то в аудитории может возникнуть ощущение, что уровень преступности высок, даже если статистика или реальность говорят иное. Алгоритмы, используемые платформами для персонализации контента, также действуют в парадигме прайминга, предлагая пользователям совпадающую с их предыдущими запросами информацию. Так возникает явление «информационного пузыря», когда люди получают только ту информацию, которая подтверждает их существующие убеждения.

Эффект повестки дня (agenda-setting) тоже играет значительную роль в когнитивном инструментарии массмедиа. Он заключается

в способности СМИ определять наиболее важные и заслуживающие внимания темы, в итоге формировать общее в контенте информационное меню с частотой, объемом и сроком тиражирования определенных фактов, что, несомненно, влияет на появление якобы приоритетных проблем социума. Это не означает, что СМИ говорят аудитории, **что** думать, но они определяют, **о чём** думать.

Столь же важен *язык массмедиа*. Современный новостной контент стал энергетически ёмким, насыщенным переживаниями и чувствами, активно использует ассоциации и образы, пробуждающие художественное мышление потребителя и его эмоциональную реакцию: *«Не репрессии, а божий суд. Трамп громит оппозицию, пользуясь смертью Кирка»* (АиФ. 22.09.2025); «*Родина или кошелёк*» (Zab.ru. 13.04.2022); «*Человек-паук получил сотрясение мозга*» (Взгляд.ру. 21.09.2025) и т.д. Парадокс подобного инфополя в том, что, на первый взгляд, задействуются гуманистические идеи, – свобода слова, патриотизм, любовь к ближнему, но на деле коммерческие – в соответствии с пресловутым рейтингом, что приводит к их обесцениванию. Идеи гуманизма становятся товаром, а не философией, и это снижает их влияние на общество и приводит к утрате искренности в обсуждении важных социальных вопросов. Формируются ложные представления о людях, культурах и социальных группах, что способствует росту предвзятости, ненависти и нетерпимости.

Преобладает *метод внушения* в качестве эмоционально-волевого неаргументированного воздействия на базовые потребности человека. В ситуации активного использования инстинкта самосохранения, сексуального и агрессивных инстинктов, как правило, происходит передача и принятие потребителем некритически воспринимаемой информации: «*Мотоциклист два раза прокрутился в воздухе в ДТП*» (Zab.News. 30.09.2022); «*Убивала старушек ради „гробовых“. История серийной убийцы Ирины Гайдамачук*» (Чита.ру. 23.09.2025); *«На двоих. Врач опроверг слова депутата, что секс-игрушки не укрепляют семью»* (Аи Ф. 24.10.2024); *«Накрашенные мужчины в платьях – это суровая Чита. Силовики с проверкой пришли в гей-клуб»* (Чита.Ру. 26.10.2024) и т.д.

Тиражирование примитивных и повторяющихся образов порождает привыкание к однотипным чувствам. Если использовать терминологию Жана Бодрийяра: несмотря на «влекущую видимость» и завороженность дискурса, он остаётся пустотой и симулякром [Бодрийяр 2000: 172–173]. Перегруженный чувствами респондент теряет ощущение эмоциональной амплитуды, ему скучно, одинаковые образы уже не привлекают его, в тисках «холодного соблазна» – «электронного обольщения» [Там же: 154] он закрывается в равнодушии.

Тем не менее, упомянутый прайминг позволяет использовать предыдущий опыт человека в процессе формирования эффективного смыслового контента. Аудитория, как правило, доверяет информации, которая отражает её ценности и взгляды, а через факты отсылает к социокоду – знаковым реалиям родной культуры, близким, знакомым и понятным. Продуктивный диалог возможен лишь в пространстве смыслов, идентичных опыту и памяти адресата, что непосредственно связано с процессом идентификации личности.

Идентификация проявляется в принадлежности к географии проживания и в ценностном отношении к реалиям бытия [Семененко 2008: 9]. Потерю способности воспроизводить исторические смыслы и культурные архетипы учёные называют «социальной амнезией», которая ведёт к распаду национальной идентичности человека и воспроизводству рискогенной социальной реальности [Кумыков 2017], приводит к деструкции личности, к абсолютному ощущению безликости и безымянности, когда «Я – никто» [Хорошилов 2028: 1]. Трансцендентальное опустошение культуры оставляет человека в растерянности перед происходящими разломами и конфликтами. Идентификация с культурным кодом есть стержневой компонент ментальных представлений, прочный социальный архетип, в основе которого исторически сложившиеся связи: предмет – чувство – действие.

Неразрывна связь идентичности и родного языка. Именно в языковом потенциале картины мира структурирована система ценностей родной культуры, обеспечивающая полноценную социализацию личности, её самореализацию и национальную идентификацию [Карасик 2009; Колесов 2019; Штец 2018]. Языковая личность

создателя медиадискурса имманентно воспроизводит ядерные концепты национального мировидения, задействует их в процессе восприятия, обработки и интерпретации фактов, при этом активно используя когнитивный инструментарий.

Медиадискурс как «плоть общения»: методология исследования

В исследовании используется *лингвокультурологический подход*, постулирующий неразрывное единство языка и культуры и ориентированный на обнаружение конструктов национального мировидения языковой личности создателя и потребителя медиапродукта. Социокультурный подход, подразумевающий интегративный потенциал массмедиа в трансляции ценностей, также является основополагающим. Когнитивный анализ нам позволяет выявить перечень когнитивных инструментов свёрстки-развёрстки информации в процессе соотношения реальной действительности и её смысловой презентации.

В национальной картине мира человека сосуществуют конструкты дихотомического характера: «культ добра и духовности» — «культ силы и тела»; «искренность как праведность» — «игра чувствами»; «власть как державность и сила» — «власть как бессилие и равнодушие»; «труд как добродетель» — «лень как национальная черта»; «любовь есть духовная привязанность» — «любовь — это страсть» и т. д. [Медиааксиология ... 2025: 159]. Здесь наиболее интересны когнитивные инструменты противодействия медийным деструкциям, способные как привлекать внимание потребителя в силу своего праймингового характера, так и оказывать благоприятное воздействие на психику и адресата, и создателя медиадискурса. В эпоху перманентных гибридных и реальных войн крайне важно обратить внимание на аксиологический потенциал массмедиа, на возможность автора контента сохранять и тиражировать конструкты национального мировидения.

Отношение культуры и человека носит двусторонний характер: в смысловом пространстве культуры личность проходит путь социализации, но в этом вдохновенном процессе человек воспроизводит

культуру, творит и созидает, транслируя неповторимый личностный образ, а также идеалы и ценности предшествующих поколений. В рамках когнитивной лингвистики медиатекст — это не просто совокупность разных знаков, рассказывающих о мире, это медийное пространство воссоздания национальной картины мира языковой личностью автора, выступающего носителем культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, исконных моделей мировидения [Ерофеева 2009; Полонский 2012; Цветова 2021]. Особое место занимают как генетически устойчивые духовные ценности, так и аксиологическая система понятийных схем и вербализированных представлений-оценок о собственном «Я» и окружающей действительности. В когнитивном процессе восприятия и интерпретации мира автор оперирует конструктами — конфигураторами свёрстки-разверстки информации, которые включают в себя ключевые жизненные представления человека: счастье – несчастье, хорошее – плохое, радость – горе, прошлое – будущее, любовь – ненависть, семья, ребенок, родина, труд, отдых, природа и т. д. Применяя такого рода понятийные схемы, автор обрабатывает факты и одновременно конгруэнтно выстраивает взаимодействие с целевой аудиторией, которая также выступает носителем традиционных для социума представлений.

Когнитивный инструментарий национальной картины мира пробуждает энергию медиатекста в синтезе текстообразования и текстовосприятия: круговорот энергии и генерация смыслов медиатекста происходит на рубеже сознаний — автора и читателя/слушателя/зрителя. Обращение к духовному инструментарию «культурной памяти» [Ассман 2004; Birkner 2020; Halbwachs 1967] и вечным константам национальной картины мира языковой личности автора и адресата позволяет аккумулировать энергетический потенциал текста во времени и пространстве в парадигме «прошлое — настоящее — будущее».

В ситуации нарастающего кризиса и Специальной военной операции человек в поиске позитивных эмоций и выхода имманентно обращается к стержневым потребностям своего социума. Столкновение конструктов *Жизни* и *Смерти* обнажает дихотомию добра и зла, неба и земли, греха и святости, их интерпретация

невозможна вне культурного кода страны. Общеизвестно, что в пространстве экзистенциального страха пробуждается массовая идентичность и трансцендентное измерение жизни [Марков 2020]. Когнитивный инструментарий национальной картины мира способствует не только актуализации необходимых потребителю ценностей его культуры, но и сохранению социального иммунитета страны. Медиаконтента с подобными конструктами становится всё больше: «*Воскрешение детской слезой*»; (Московский Комсомолец в Чите 29.09.2022); «*Забери друга из приюта*» (Московский Комсомолец в Чите. 21.09.2022); «*Не хотел стать героем, просто выполнял приказ*» (Чита.Ру. 30.09.2022); «Боги превратили людей в аистов, чтобы уничтожать всю нечисть» (Pravda.RU. 13.06.2024); *«Планета Лавров. Мне человеческое дороже, чем актерское, и важнее, чем актёрское»* (Аргументы и Факты. 15.09.2025).

В местных СМИ частотными и востребованными являются материалы, создающие привлекательный медиаобраз региона. Например, городской сайт «Чита.Ру» успешно реализует ряд проектов: *Врачи по призванию; Сила Забайкалья; Прогулки по городу; Человек дела; Вольные биографии (об известных людей Забайкальского края); Сделано в Забайкалье; Мамы Забайкалья.*

В наших исследованиях когнитивный инструментарий национальной картины мира представляет собой некие маркеры культуры, закреплённые в концептуальном дискурсе СМИ, которые указывают на ключевые признаки, установки и семы национального мировидения. Известно, что в разных языках есть лексемы, трудные для адекватного перевода – обозначаемое в картине мира носителя иной культуры отсутствует. Так, в русском языке «воля» – не аналогична лексеме «свобода», или «соборность» – не идентична «коллективизму». Единицы языковой системы непосредственно отражают культурно-значимую информацию, тиражируют значение и смыслы социума [Воробьев 1996].

Когнитивные инструменты как маркеры культуры – особые носители национальной памяти народа, это идеальные объекты, концентрирующие в себе культурные коды и раскрывающие специфику типических коллективных переживаний. Область их локализации – национальная картина мира языковой личности автора

медиатекста. Маркеры формально изменчивы, но при этом глубинно устойчивы и позволяют понимать, принимать, хранить, передавать аксиосферу национальной культуры. Данный когнитивный инструментарий способствует не только интегративному потенциалу массмедиа, но и трансляции ценностей социума, крайне востребованных потребителем в условиях социально-психологической турбулентности.

Типология когнитивного инструментария

В данном исследовании используются когнитивные инструменты и алгоритмы работы с медиатекстами, актуализирующие национальную модель мира, делающую ее одновременно и востребованной потребителем, и пробуждающей конструкты российского менталитета. Когнитивный инструментарий противодействия деструкциям, как правило, отчётливо проявляет себя в смысловом медиатексте, имеющем либо проблемно-тематическую композицию, либо идейно-концептуальную. Наличие смыслового поля требует от автора и адресата медиадискурса поиска, понимания предлагаемой фактуры, творческого восприятия медиаконтента, в процессе которого задействованы интеллект и душа.

В исследовании выявлены *виды когнитивных инструментов*: 1) концепты как единицы коллективного сознания; 2) энергемы, отражающие распространённый спектр чувств носителя культуры; 3) нарративы как история взаимосвязанных событий на основе исконных когнитивных моделей; 4) архетипы (символы) как бессознательный осадок психического опыта предыдущих поколений.

Концепты – единицы коллективного знания/сознания, фрагмент жизненного познания человека, отражающий суммарный обобщённый опыт нации или этноса. Концептуальное поле – многоярусное образование, которое вбирает в себя некую совокупность представлений (понятий, чувств, эмоций) о важных категориях человеческого бытия. Наиболее распространёнными концептами российского медиадискурса являются: Дух/Душа, Правда, Патриотизм,

Труд/Лень, Любовь, Семья, Родина, Война, Слава/Успех и др. [Богуславская 2019; Ерофеева 2015; Цветова 2021].

Традиционно выделяют ценностную, образную и понятийную стороны концепта. Большое значение имеет исходная форма или этимология как некая базовая основа представлений, обнажающая когнитивную память слова, связанного с исконным предназначением. В семантическое поле концепта вложен многовековой опыт нравственных оценок жизни человека.

В российской национальной картине мира ядерным макроконцептом, открывающим ряд составляющих его микроконцептов, является *Духовность* – самобытная степень принятия моральных и нравственных принципов, которые человек не только понимает, но и признает, ориентируется на них, как на внутренний императив мыслей и действий. Жизненный кодекс российского человека на протяжении всей истории нашего государства выстроен на категориях Добра и Зла, концепты *Со-Весть* и *Душа* являются характерными для русской языковой картины мира [Пименова 2018]. Стремление к Абсолюту с одновременным пренебрежением прагматикой бытия, приоритет духовных ценностей над материальными и есть национальная философия России. Духовная рефлексия позволяет человеку в ориентации на общее благо выйти за пределы личного бытия и частных интересов, понять и принять Другого, противостоять среде ради сохранения исторической памяти и «особливого своеобразного духа» [Ильин 1934: 5].

Макроконцепт *Духовность* отражает связь с миром в его разных проявлениях и решает крайне важную деонтологическую задачу. Во время СВО в российском медиадискурсе этот конструкт частотно задействован – и не только как преобладающий в тематике медиатекстов о военных и волонтёрах, как часть общего сценарного нарратива «Общее дело» [Ерофеева 2024], но и как проявление инстинкта национального самосохранения в опасный период жизни социума. Определенный парадокс онтологической сущности духовности заключается в дихотомии её функционирования. С одной стороны, включающее должное «духовность» произрастает из коллективных наставлений социума и позволяет решать стратегические проблемы объединения нации, с другой, она есть внутренняя форма бытия

конкретного человека, предполагающая его свободный и добровольный выбор.

В медиадискурсе семантическое поле *Духовности* способно разворачиваться в разных смысловых плоскостях: в темах столкновения добра и зла, любви и ненависти; в медиатопике *Семьи и Дома* как хранилища мудрости и духовного света, как отражение общности коллективной судьбы в любви, верности и продолжении рода; в континууме *Русской земли,* с её сакральной близостью человека и природы, в её мистической субстанции, «которую народ призван п(р)очитать, понять и реализовать в ходе истории на своей земле» [Гачев 1997: 217]; в *Героях*, для которых успех есть русская слава, стремящаяся к расширению пространства и творческому рассеиванию в любви к другим, в жертвенности собой ради Отечества.

В рекламном контенте частотной является концептосфера *Семьи* с топосом *Дом.* Например, торговая марка «Домик в деревне» разворачивает рекламную кампанию различного формата под слоганом «*Хорошо иметь домик в деревне*». Предлагаемый дискурс включает необходимые фреймы концептосферы: *бабушка, дети, поле, корова, традиционные праздники за семейным столом.* Концепт *Патриотизм* встроен в рекламный дискурс от пивоваренной компании «Балтика» со слоганом *«Балтика – там, где Россия».* В патриотическом дискурсе рекламной кампании бренда «Русский квас» задействованы стереотипы национального мировосприятия: слоганы *«Вековые традиции крепкого здоровья», «Вековые традиции русского кваса».*

Энергемы как аффективные маркеры культуры также входят в перечень когнитивного инструментария медиадискурса и отражают энергию, заключенную в слове, соответственно различным этапам восприятия человека: ощущение, раздражение, типовое мышление и понимание людей [Лосев 1993, Иванова-Лукьянова 2016]. Энергемы обнажают «душевный строй» [Лебон 1995] и распространённый спектр чувств носителя культуры, раскрывают энергию коллективного сознания.

В целом энергетическая природа современного медиатекста обусловлена своеобразием отечественной культуры, которой свойственно преобладание именно чувственной рефлексии: сердце,

созерцание и совесть в национальной модели мира доминируют над волей, сухим анализом и жесткой организацией. Д. С. Мережковский называл Россию «Марией, душой мира» [Мережковский 1991: 87]. Исследователь С. А. Сущенко среди основных свойств российского менталитета выделяет иррациональность / эмоциональность, интуитивность, непредсказуемость поведения, мечтательность [Сущенко 2005: 268].

Чеховский «звук натянутой струны» отражает своеобразную энергетическую ёмкость русского медиатекста, когда душевные метания медиагероев не только укрепляют их в правоте своего дела, но и подталкивают самого автора бороться за справедливость, которая в его ментальных убеждениях «граничит с правдой и включается в когнитивное поле истины» [Степанов 2004: 466]: В этом контексте медиадискурс есть неоднозначное пространство, объединяющее *духовный мир* человека в качестве носителя национальной философии – конструктов свёрстки и развёрстки информации, а также *душевную рефлексию* автора, крайне необходимую для конструирования привлекательного и искреннего контента.

Каждому социуму присущ неповторимый духовный облик, который Николай Бердяев называл «осознанием общности судьбы» [Бердяев 1990: 95–96] – общностью географической, исторической, религиозной, культурной, политической и языковой. Живущие вместе долгое время на одной территории в единой культурной семиотике приобретают общее душевное состояние, становятся органическим целым. Георгий Гачев национальную целостность представляет в виде формулы «Космо – Психо – Логос» (или «Тело – Душа – Ум» или «Местная природа – Характер народа – Склад мышления») [Гачев 1997: 42].

Если на весах симпатии положить на одну чашу расчётливость и чистый разум, а на другую – особую душевность и страстность, россиянин отдаст предпочтение голосу души и сердца. Поэтому крайности русского бытия проявляют себя в чувственной дилемме: «всё или ничего» (как в известных строчках А. К. Толстого: «Коль любить, так без рассудку, Коль грозить, так не на шутку, Коль ругнуть, так сгоряча, Коль рубнуть, так уж с плеча!»). Яркий эмоциональный фон мировидения, «бытия на срыве» закрепился в паремиологическом

комплексе русского языка: «Колотись, да бейся, а всё же надейся», «Сердце вещун, чует добро и худо», «Либо в стремя ногой, либо в пень головой», «Вечер плач, а заутре радость», «Живи, не тужи: помрёшь, не заплачешь», «Риск – благородное дело» и т. д. Языческая бесшабашность – отчаянная безвекторность поведения русского человека замешана на неравнодушии и проистекает, как это ни парадоксально, из томительного и требующего реализации желания духовных сомнений и скитаний. «В этом несоответствии природной реальности русского ментального пространства и духовных глубин христианского вероучения – тяжелая мифологическая проблема», – замечает С. А. Глузман [Глузман 2010: 42].

Энергетический потенциал медиатекста сталкивает ментальные дихотомические ощущения потребителя. В рекламном дискурсе эффективность контента очень часто достигается за счёт энергетического потенциала «русской души» – нараспашку, честной и правдивой, щедрой и любвеобильной. Так, ментальная экспрессия сопровождает рекламный дискурс шоколадной фабрики «Россия» со слоганом *«Россия – щедрая душа!»*. Предприятие «Любятова», которая в 2023 году вошло в состав группы компаний «Черноголовка», в рекламном дискурсе конструирует душевную ментальную модель сказочной страны: яркое солнце, золотое русское поле со спелыми колосьями, мудрый пень, основная героиня Хлопушка Любятова в поисках своих родственных истоков.

Использование чувственных образов – давняя традиция русской журналистики: *«Свет Звезды»* – о Муслиме Магомаеве (Вести-Россия. 26.10.2008); *«Театр – это диагноз»* (Ведомости. 5.07.2024); *«Театральное эхо военного прошлого»* (Читинское обозрение. 21.01.2024); «*Культ обиженности – путь бесов»* (Взгляд.ру. 1.10.2025). Введение разного типа ассоциаций, позволяющих создавать эмоциональные образы фактов, делают контент понятным, ёмким по смысловому наполнению и привлекательным. В масс-медиа, особенно в репортажах и рекламе, активно используются аффективные технологии, нацеленные на «эффект присутствия» и сенсорное воздействие, пробуждающее определённые запахи, звуки, вкусовые и кинестетические ощущения. Известно, что чувства подвижны и податливы, искусное управление ими создаёт

цепную реакцию массового заражения. Не случайно сегодня популярны экспрессивные жанры ток-шоу и реалити-шоу.

Архетипы представляют собой базовый когнитивный инструмент медиадискурса – структурно-формирующий элемент бессознательного, некий первообраз, осадок психического опыта всех предыдущих поколений. Это заложенные инстинктом устремления, испокон века существующие образы восприятия и действования, некие врождённые типовые формы интуиции [Юнг 1997: 333]. Сознательно введённые в медиатекст архетипы позволяют «всколыхнуть забытые воспоминания», усилить подсознательные впечатления потребителя, стимулировать эффект доверия, придать материалу дополнительную убедительность [Ерофеева, 2020: 115–137].

Существуют определенные технологии использования архетипа в медиатексте: определить тему и идею произведения, учитывая фактуру материала и корпоративное задание; сформулировать эмоциональный фон текста (перечислить совокупность необходимых для отработки фактуры чувств и настроений); найти адекватный когнитивно-сенсорному наполнению фактуры архетип; выбрать стилистику текста относительно типовой схемы архетипа (драматичная, торжественная, сатирическая и т.д.); продумать композицию текста с использованием архетипического ряда вербального и иконического содержания: ассоциативные связи архетипа должны присутствовать на протяжении всего текста.

Данная техника, включающая образы, аккумулирующие культурный опыт и допускающие вариативность, но неизменно узнаваемые, особенно распространена. Архетипы осознанно или бессознательно репрезентируются в медиадискурсе разного формата и целеполагания. В том числе, в информационных войнах, в контексте которых, например, Зеленский представлен в образе *Шута,* а Путин как *Правитель* или *Мудрец.* Архетипические образы Матери, Ребенка, Воина, Героя традиционны для журналистского медиадискурса.

Нарративы – популярный медиаинструментарий, встроенный в востребованную технологию сторителлинга. Известно, что люди склонны лучше запоминать и понимать информацию, представленную в виде историй, поэтому журналисты и рекламщики

часто используют нарративные структуры для передачи сложных идей. Это помогает не только удерживать внимание аудитории, но и делать информацию более доступной и понятной.

Нарратив (или сценарный маркер) – увлекательный формат изложения культурно-исторической интерпретации мира, его задача – не столько воспроизводить события, сколько определять угол интерпретации происходящего, придавая ему необходимую эмоциональную окраску в контексте родной культуры. Часто композиция нарратива вскрывает смыслы национальной модели мира путем использования упомянутых концептов, энергем и архетипов.

Нарративы апеллируют к фоновым знаниям потребителя, его интеллекту или способности сопереживать в парадигме общих для социума ценностей. Выстраиваются нарративы с помощью своеобразных метапрограмм, закреплённых в тексте родной культуры, в её мифах, преданиях и классической литературе: Блудный сын, Чудо, Общее дело, Русский труд, Падение и Восстание, Восток-Запад [Ерофеева 2018] и др.

В рекламном дискурсе наиболее талантливо данная техника проявилась в творчестве Тимура Бекмамбетова, в его серии знаменитых роликов, снятых в 1992–1997 гг. для банка «Империал». Яркие и художественно выстроенные истории с участием Тамерлана, Ивана Грозного, Екатерины Великой, Александра Суворова и других исторических персонажей сопровождались неизменным слоганом *«Всемирная история. Банк Империал».* Сегодня банк ВТБ с лейтмотивом *«ВТБ – это классика»* предлагает нарративы-интерпретации известных художественных произведений «Евгений Онегин», «Преступление и наказание», «Муму», «Горе от ума», «Обломов» и др.

В журналистском дискурсе именно архитектоника очерка и его идейно-концептуальный сюжет представления фактуры позволяют организовать процесс объективации полярных и обострённых экзистенциальных смыслов нарратива. Ключевая задача очерка – дать образное представление о людях, включённых в события эпохи, раскрыть сущность и смысл происходящего через внутренний мир героя, показав его жизнь в действии. Очерк обнажает ценности и мировоззрение человека сквозь призму выбора на жизненном

пути. Жанр воссоздаёт образную картину действительности, и его публицистическое начало зиждется не только на фактах, принципы очеркового повествования тяготеют к обобщению фактического материала, к типизации реальности. В очерке в образной форме представлен душевный путь человека через преодоления и препятствия как отражение закономерностей социально-нравственного бытия. Медиагерои очерков странствуют, ищут себя и свою дорогу, верное направление на жизненном пути, одерживают победу и ошибаются, каждый по-своему ощущает пушкинский образ «телеги жизни» в её ценностно-смысловой ипостаси.

Мифологема Пути образует многогранное философско-концептуальное поле очеркового медиатекста. Путь предполагает ситуацию выбора, раскрывает внутренний потенциал личности и демонстрирует её суть. Нравственный выбор между честью и бесстыдством, долгом и себялюбием, подвигом и трусостью – центральная тема русского нарратива. Так, путь с летящей тройкой в произведениях Н. В. Гоголя – синоним необъятного. Е. Н. Трубецкой пишет: «Беспредельное – не содержание, а форма национального существования. Чтобы найти Россию, надо преодолеть пространство... В поэзии Гоголя мы находим человека в борьбе с пространством. В этом – основная её стихия, глубоко национальный источник» [Трубецкой 2010: 47]. В произведениях И. С. Тургенева путь становится символом скитаний в поисках смысла жизни и вечных вопросов бытия: «с самого утра тащимся и никак доехать не можем» [Тургенев 1972: 94]; «теперь опять придётся мыкаться по свету» [Тургенев 1972: 83].

Путник – центральная фигура на дороге жизни, ищущая себя в мечтах, делах, страданиях и победах. В пространстве очеркового медиатекста человек – действующее лицо. Борис Пастернак писал, что человек – «герой постановки, которая называется „история“ или „исторические существование“... Человек реален и истинен, когда он занят делом... Каждый человек, каждый в отдельности единственен и неповторим. Потому что целый мир заключён в его совести. Потому, что в единстве идеи, в символе находит этот мир своё окончание и завершение» [Пастернак 1990: 213–214]. В ракурсе архетипических акцентов в современном медиадискурсе предстаёт судьба человека, его поиск самого себя и истины

через череду неоднозначных событий. Журналист Анна Хвостова в материале *«Жизнь – дорога. У каждого человека есть своя мечта»* аргументированно замечает: *«Одни хотят стать обладателями миллиардов, другие грезят о власти, третьи готовы покорять горные вершины...»* (Эффект. 20.08.2014. С. 21). Тем не менее, духовный опыт героя интересен как автору медиатекста, так и читателю: *«Миссия состоялась. К столетию народного артиста СССР Марлена Хуциева»* (Литературная газета. 2.10.2025*); «Будем помнить. В семейных историях нет фальши»* (Литературная газета. 10.09.2025); *«Мастер снайперской науки»* (Забайкальский рабочий. 18.08.2025); *«Артём Арутюнян: человек, который строит будущее»* (Забайкальский рабочий. 11.07.2025); *«Почему вы до сих пор живы – непонятно»* (Комсомольская правда. 2.10.2025) и т. д. Очерковая логика изложения подразумевает преломление фактуры в свете личности героя и позиции автора медиатекста. Важен не факт сам по себе, а его видение, восприятие и интерпретация в контексте близких для читателя ценностей и представлений как носителя определенной культуры.

Заключение

Когнитивный инструментарий массмедиа – средство формирования общественного сознания – помогает в профессиональном медиадискурсе генерировать смыслы в соответствии с культурно-историческим образом социума и противостоять медийным деструкциям гуманизма. Гуманизм – не просто набор идей, а активная практика, направленная на защиту достоинства и прав каждого человека.

Жизнеспособность социума измеряется его возможностью хранить и транслировать конструкты отечественного бытия как некую совокупность мыслей, верований и навыков духа. Человечество полифонично, мы интересны себе и мировой цивилизации лишь в той мере, в которой сохранили свою самобытность и культурно-цивилизационный код. В информационную эпоху именно медиа могут быть эффективным материальным ресурсом аккумуляции

и распространения моделей исторической памяти. Поэтому национальная идентичность – ключевая черта в характеристике автора медиадискурса, связанная с ощущением принадлежности и отождествления человека с национальной общностью. В условиях экзистенциального противостояния, когда государственность России ставится другими странами под сомнение, ландшафт массмедиа, сотканный из конструктов отечественной картины мира, – не только неизменный фактор интереса аудитории, но и общий наш шанс на достойное будущее.

Список литературы

1. *Ассман Ян.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. *Бердяев Н. А.* Судьба России. М.: Советский писатель, 1990. 345 с.
3. *Богуславская В. В., Чафонова А. Г.* Концепт «семья»: актуализация в медиадискурсе российских, датских и финских СМИ // Дискурс. 2019. Т. 5. № 6. С. 155–165.
4. *Бодрийар Ж.* Соблазн. М.: Ad Marginem, 2000. 319 с.
5. *Воробьев В. В.* Лингвокультурологическая парадигма личности: монография. М.: Изд-во УМУ РУДН, 1996. 170 с.
6. *Выходец Р. С., Панцерев К. А.* Сравнительный анализ современных концепций информационного противоборства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 4 (42). С. 139–148.
7. *Гаврa Д. П.* Информационное противоборство: современное понимание, характеристики, подходы к междисциплинарному познанию // Российская школа связей с общественностью. 2024. Вып. 29. С. 10–26. DOI: 10.24412/2949-2513-2023-29-10-26.
8. *Гачев Г. Д.* Национальные образы мира. Америка в сравнении с Россией и славянством. М.: Раритет, 1997. 680 с.
9. *Глузман С. А.* Ментальное пространство России. СПб.: Алетейя, 2010. 332 с.
10. *Гулевская Н. А., Гулевский А. Н.* К вопросу понимания ментальной войны // Вестник Калмыцкого ун-та. 2024. № 1 (61). С. 134–139.
11. *Демьянков В. З.* Языковые средства когнитивной манипуляции в гуманитарных науках // Когнитивные исследования языка. 2018. Т. 33. С. 148–153.

12. *Ерофеева И. В.* Когнитивный инструментарий взаимодействия с аудиторией медиатекста как гарант национальной безопасности // Медиа в современном мире. 63-и Петербургские чтения: сб. матер. Междунар. научн. форума (18–20 апреля 2024 г.) / отв. ред. А. А. Малышев. В 2 т. Т. 2. — СПб.: Медиапапир, 2024. С. 99–100.
13. *Ерофеева И. В.* Нарратив «Восток-Запад» как способ национальной идентификации в российских СМИ // Вопросы теории и практики журналистики. 2018. Т. 7, № 1. С. 76–86.
14. *Ерофеева И. В., Михалёва Л. И.* Эмоциональный интеллект военного журналиста в контексте медианарратива русской культуры «Общее дело» // Вопросы журналистики. 2024. № 15. С. 54–70.
15. *Ерофеева И. В.* Аксиология медиатекста в российской культуре (репрезентация ценностей в журналистике начала XXI века). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 340 с.
16. *Ерофеева И. В.* Правда и истина как ментальные конструкты российского медиатекста // Журналист. Социальные коммуникации. № 1–2 (17–18). 2015. С. 156–167.
17. *Ерофеева И. В.* Психология медиатекста: учебник и практик для вузов. М.: Юрайт, 2020. 206 с.
18. *Ерофеева И. В., Мельник Г. С.* Когнитивный инструментарий в создании медийного текста в эпоху ментальной войны // Российская школа связей с общественностью. 2024. № 34. С. 48–63.
19. *Иванова-Лукьянова Г. Н.* Энергемы слова в учении А. Ф. Лосева // Вестник МГЛУ. Вып. 2. (741). 2016. С. 200–209.
20. *Игнатьев С. О., Гончерова Н. П.* Информационно-психологические технологии, используемые в ментальных войнах // Символ науки: международный научный журнал. 2023. № 9–2. С. 96–97.
21. *Ильин И. А.* О России. Три речи. 1926–1933. София: За Россию, 1934. 32 с.
22. *Карасик В. И.* Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
23. *Колесов В. В.* Основы концептологии. СПб.: Златоуст, 2019. 776 с.
24. *Колодий Н. А.* Культура как ресурс экономики ощущений // Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2011. № 4 (16). С. 94–102.
25. *Кумыков А. М., Маршак А. Л., Живой А. С.* Социальная амнезия и социальная энтропия в предметном поле социально-философской рефлексии // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 7. С. 71–77.
26. *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995. 179 с.
27. *Лосев А. Ф.* Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль; Российский открытый университет, 1993. 853 с.

28. *Марков Б. В.* Феномен пандемии сквозь призму метафизического, антропологического и социального измерений / Б. В. Марков, А. М. Сергеев, В. Н. Бочарников // Человек. 2020. Т. 31, № 3. С. 7–24.

29. Медиааксиология второй реальности / под ред. В. А. Сидорова. СПб.: ООО Издательский дом «Петрополис», 2025. 284 с.

30. *Мережковский Д. С.* Больная Россия. Л: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. 272 с.

31. Моделирование медиатекста: монография / В. В. Богуславская, И. В. Ерофеева, А. Н. Тепляшина, Ю. В. Толстокулакова; под редакцией И. В. Ерофеевой. 2-е изд. Саратов: Ай Пи Ар Медиа, 2020. 180 с. ISBN978-5-4497-0256-2

32. *Пастернак Б. Л.* Мой взгляд на искусство. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1990. 287 с.

33. *Пименова М. В.* Особенности концептуализации души и духа в русской лингвокультуре // Концептуальные исследования в аспекте лингвокультуры. Сборник научных статей XXIX Междунар. научной конференции и XXIX Международной Летней научной школы, посвященной 55-летнему юбилею д-ра пед. наук Болотбека Мекеновича Акматова. Сер. «Концептуальные исследования» 2018. С. 18–23.

34. *Полонский А. В.* Медиа – дискурс – концепт: опыт проблемного осмысления // Современный дискурс-анализ. 2012. Вып. 6. С. 42–56. URL: http://discourseanalysis.org/ada6/st43.shtml.

35. *Приходько М. В.* Лингвистическая модель информационной войны: структурные элементы и уровни воздействия // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Серия: Лингвистика. 2023. № . 3. С. 57–71.

36. *Семененко И. С.* Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности // Полис. Политические исследования. 2008. № 5. С. 9.

37. *Степанов Ю. С.* Правда и Истина // Ю. С. Степанов. Константы: Словарь русской культуры: изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. С. 455–471.

38. *Сущенко С. А.* Социальная психология. Ростов-на-Дону: «Феникс», 2005. 345 с.

39. *Трубецкой Е. Н.* Гоголь и Россия // Два зверя: статьи 1906–1919 гг. М.: Директ-Медиа, 2010. С. 47–59.

40. *Тургенев И. С.* Рудин. Дворянское гнездо. Накануне. Минск: Мастац. літ., 1972. 367 с.

41. *Хорошилов Д. А.* Коллективные переживания прекарности в современной культуре (памяти Т. Г. Стефаненко) // Психологические исследования. 2018. Т. 1. № 58. — С. 1.

42. *Цветова Н. С.* Актуальные медиаконцепты: динамика ценностных смыслов // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 4. С. 107–116.

43. *Черников И. А.* Культура потребления в современной экономике впечатлений // Вестник Моск. гос. ун-та культуры и искусств. 2020. № 5 (97). С. 97–105.

44. *Штец А. А., Штец Т. П.* Национальная идентичность и русский язык: классификация ценностей российской культуры // Совет по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации. М., 2018. С. 26–36.

45. *Юнг К. Г.* Человек и его символы / под общ. ред. С. Н. Сиренко. М.: Серебряные нити, 1997. 368 с.

46. *Birkner T., Donk A.* Collective memory and social media: Fostering a new historical consciousness in the digital age? // Memory Studies. 2020. 13(4). P. 367–383.

47. *Halbwachs M.* Das kollektive Gedächtnis. Marburg, 1967. 168 s.

48. *Krasovskaia N. A., Gulyaev A. A.* Main Criteria for Classification of The Types of Information Confrontation. *International Journal of Social Sciences and Interdisciplinary Studies.* 2019. V. 4I. No 2. Pp. 45–50.

49. *Sonesson G.* Ego meets alter: the meaning of otherness in cultural semiotics // Semiótica. Berlin; N.Y. 2000. Vol. 128. № 3(4).

Часть вторая

Культурные традиции и медиапрактики гуманизма

В. А. Сидоров

СПбГУ
v.sidorov@spbu.ru

Гуманизм медиа: человекоразмерность цифровой эпохи

В гуманистических интенциях журналистики и в целом медиа отражены исторически сложившиеся практики формирования информационного поля, в котором утверждается достоинство человека, возвышаются диалог и взаимопонимание между индивидами и группами общества. Сегодня в медийной среде, как и прежде, решается задача, соответствующая основным идеям гуманизма, провозглашенным восемь столетий назад мыслителями Возрождения. В условиях цифровой революции и медиатизации общества, роста потоков информации идея гуманизации общения человека с человеком стала еще насущней. Изучение вопросов гуманизма медиа и человекоразмерности современной цифровой эпохи мы рассматриваем в контексте философской теории ценностей и созданной на ее основе прикладной дисциплины – медиааксиологии.

В XXI веке медийная среда в своем интенсивном развитии претерпела качественные перемены, трансформируясь из понятного информационного сопровождения жизни человека в так называемую «вторую реальность» – медиасоциум. Таким образом, новая цифровая ситуация свидетельствует не столько о выражении идей гуманизма в медиа, сколько о ее качественном переосмыслении в виде концепта «гуманизм медиа». Какое-либо выражение идей гуманизма – прерогатива субъектов коммуникативных действий, и, конечно, неодушевленная медийная среда такой субъектностью не обладает. Впрочем, следствием технологических перемен в массовых коммуникациях и наступления цифровой эпохи стало информационное перенасыщение нашей повседневности,

в котором зародилась своеобразная цепная реакция, когда к фрагментированным новостям без контекста, без последствий, новостям как чистого развлечения добавилось повышенное эмоциональное напряжение медиадискурса. Оно-то и послужило триггером «цепной реакции», которая превратила неодушевленное информационное пространство в живую среду эмоций и символов, чутко реагирующую на любые утверждения / деструкции гуманизма. «Сегодня в эпоху господства информационной культуры, глобальных процессов информатизации и компьютеризации всех сфер общественной жизни и, как следствие, визуализации и роботизации средств массовой коммуникации, происходит изменение ценностного основания, в том числе и в журналистском контенте, в сторону технологизации» [Симакова 2019: 130].

Новые коммуникационные условия постоянно усложняют ситуацию, в результате значительная часть медиаконтента лишается гуманистической цельности, становится инструментом манипуляции. Технический прогресс ведет к тому, чего более всего опасался Юрген Хабермас, – к деградации публичной сферы. Сказано вчера, но и сегодня исследователи фиксируют, что параллельно технологическим изменениям начинает функционировать новая эстетика медиа, ведущая к перестройке самого информационного процесса. Субъект и его самость в медиа растворяются в антропоцентричном поле сомнений, приводя к отрицанию традиций и, как следствие, деструктивным изменениям личности [Блохин 2014: 145].

Таким образом, зародившиеся в эпоху Возрождения идеи гуманизма, утверждавшие достоинство человека и приоритет коммуникации от человека к человеку, утверждавшие вопреки средневековой сосредоточенности на коммуникациях с высшими силами, сегодня подвергаются атакам на основе взаимодействия деструктивных социальных технологий с цифровыми, хотя последние в принципе индифферентны. Деструкции смыслов гуманитарных коммуникаций уже в наших представлениях привели к пропагандируемому противопоставлению искусственного интеллекта человеческому разуму.

За всем этим стоят вполне определенные социальные группировки, но внешне это выглядит как проявление автономии

современной техники. Не удивляет, что даже в научной литературе вновь и вновь муссируется идея подмены человеческого разума искусственным. «Гуманитарная мысль еще не сталкивалась с такими вызовами, как в наши дни. Если биотехнологии наметили перспективы „постчеловеческой“ персонологии, отделяя ее от антропоморфности вменяемой личности, то цифровизация и роботизация практически всех сфер социальной практики выводит на первый план идею гомодицеи – оправдания необходимости существования человека» [Тульчинский 2018: 28]. В свою очередь ставится насущная проблема человекоразмерности медийной среды. В должном ее решении содержится отрицание возможного порабощения человеческого разума искусственным и утверждение принципов гуманизма в медиа или же гуманизма медиа. Таким образом, искомая человекоразмерность медиа непосредственно вытекает из понимания общества, которое «гуманистично настолько, насколько ценен в нем человек» [Балакшин 2014: 85]. В связи с чем отметим, что обращение к идеям и практикам гуманизма, позволяющим противостоять социальной деструкции, – актуальная задача современной журналистики, так как «идея гуманизма в журналистике опирается на анализ сущности человека, поиск гуманистических основ человеческих отношений, способов раскрытия человеческой ценности как творца... [В наши дни] генеральной задачей журналистики становится создание гуманитарной среды просвещения и созидания, способствующей развитию общественной культуры» [Дорощук 2017: 77]. Демонстрируемая процитированным автором вера в позитивное начало медийности актуальное подтверждение уверенности мыслителей Ренессанса в возвышающем достоинстве человека. Так что «гуманистические идеалы, „пустившие корни“ в Античности, утвердившиеся в духовной культуре в форме традиции, выдержали испытание временем, доказав свою значимость, непреходящую ценность. ...Стержень гуманизма – принцип преемственности поколений, ценностей духовной культуры» [Тишкина 2014: 36].

Безусловно, одной веры в непреходящую ценность идей гуманизма для современного медиасоциума недостаточно, с чем согласны, вероятно, все исследователи. В частности, они подчеркивают, что журналисты стремятся придерживаться установок гуманизма,

однако в реальности не всегда удается их полностью реализовать. Причины в экономических ограничениях, политическом давлении и недостаточной профессиональной подготовке журналистов [Дорощук 2017: 13–17]. Кроме того, существует проблема манипулирования информацией, она негативно сказывается на восприятии реальности аудиторией. Использование манипулятивных техник ведет к искажению подлинного и его замещению мнимым в восприятии аудитории. Так что актуальная проблема дегуманизации медиапространства затрагивает не только сферу журналистики, но и всю социальную структуру общества. «В современной медиакультуре формируется мир тотальной, но блаженной несвободы, ибо „человек медийный“, обитающий в ней, этой несвободы не осознает» [Павлова 2025: 52].

Безусловно, в перечислении причин дегуманизации медиа недопустимо ограничиваться выпячиванием только идущего от современных технологий. Сами по себе перемены в техносфере, какими бы радикальными ни были, не ведут к радикальному перевороту действительности, если к тому нет предшествующих процессов – детерминантов новообразований. Один из них, как считается, «массовая культура», доминирование которой в XXI веке – непреложный факт и состоявшееся явление. Идет «диссеминация массовой культуры», в итоге остаются «профанация золотого фонда классики, подтягивание нравственного и философского подтекста глубоких содержанием, остроактуальных артефактов под убогие запросы, отвечающие примитивной природе так называемого одномерного, то есть более чем среднего и заурядного человека» [Соловьев 2022: 35]. А. Н. Фортунатов оказался прав, когда заговорил о «„пустых алгоритмах“ – фантомах прежнего гуманизма» [Фортунатов 2023: 139], его медийных имитациях. Естественно, и речи нет о старении принципов гуманизма, говорится об их опустошении в цифровом пространстве в результате его массовизации. В мире «цифры» появляются новые сущности, далекие от смыслов гуманистической мысли, хотя внешне к ней и приближены. Здесь возникают симулякры цифрового гуманизма, которые затрагивают «фундаментальные принципы гуманизма» [Цветкова 2021: 89]. Так что снова находит свое подтверждение мысль Ги Дебора

о современном «обществе спектакля», когда медиа заменяют жизнь ее образом.

Журналистика, безусловно, плоть от плоти породившего ее общества. И противоречива, как само общество, в котором «гуманизм, как и прежде, противостоит чрезвычайно мощным силам невежества, неомистическим, паранормальным и архаичным религиозным верованиям и практикам, их стремлению повлиять на процесс научного познания мира, проникнуть в сознание людей и оказать влияние на их поведение и образ мышления. Говорить о „победоносном шествии гуманизма во всем мире“ в будущем было бы наивно и недальновидно, поскольку существуют не только инерция человеческого мышления и внутренний деструктивный потенциал человека, но и современный рынок услуг по его поддержанию и эксплуатации» [Балакшин 2014: 86]. При этом нельзя не учесть главный парадокс известных по истории результатов утверждения идеологии гуманизма – способность его противников работать на том же медийном поле, которое как бы и для них вспахано гуманистами.

> Так, в XVI веке немецкий гуманист Рейхлин мужественно выступил против варварского предложения сжечь все хранящиеся в университетских и монастырских библиотеках древнееврейские книги. Протест гуманиста вывел из себя предложившего книжное «аутодафе» епископа Пфеффекорна. Противостояние затронуло всю мыслящую Европу того времени и нашло отражение на страницах памфлетов и сатирических сборников – принцип свободомыслия и свободного выражения мнения в равной степени оказался востребованным как сторонниками гуманизма, так и его врагами. Медийная действительность, еще в начальных форматах Ренессанса, подтверждала тезис гуманистов о сближении противоположностей, совмещении единого и беспредельного (Николай Кузанский).

Следовательно, диалектика функционирования медийной среды – от ее протоформ Ренессанса до современного цифрового облика – указывает на закономерность использования цифрового информационного пространства в качестве среды, индифферентной к целям акторов медийной активности. Современный цифровой мир предоставляет самые широкие возможности для продвижения гуманистических ценностей через интерактивные платформы,

блоги, форумы и социальные сети. Пользователи получают доступ к разнообразию мнений, обмениваются опытом, формируют сообщества единомышленников. В то же время в цифровой среде происходит целенаправленная дезинформация и манипуляция сознанием аудитории посредством алгоритмов рекомендаций, за которыми кроется игнорирование иерархии принципов журналистской деятельности.

> На этот счет примечательно суждение Т. В. Шумилиной: «Что важнее: неограниченная свобода слова или принцип гуманизма, предполагающий согласование интересов и недопустимость оскорбления чувств верующих, национального достоинства, декларации языкового или расового превосходства и т. п. Еще недавно во всем мире эти критерии не вызывали сомнения. Однако в последнее время это перестало быть очевидным. 11 сентября 2010 г. Канцлер Германии Ангела Меркель наградила датского автора скандальных карикатур на пророка Мухаммеда Курта Вестергаарда призом за свободу слова, тем самым пробудив противостояние мусульман с европейцами, которое было вызвано публикаций карикатур за пять лет до этого. Если бы журналисты осознавали, что в журналистике реально существует иерархия принципов, с которой необходимо считаться, они бы не поставили принцип верности избранной позиции (принцип второго уровня) впереди принципа согласования интересов (принцип первого уровня), и конфликта удалось бы избежать» [Шумилина 2011: 166].

В то же время происходящее с медийной средой, и в самой медийной среде, обладает замечательной двойственностью: у журналистики и СМИ по-прежнему значителен потенциал для продвижения в аудиторию ценностей гуманизма, правда, их реализация требует все более значительных усилий. Последнее, впрочем, характерно для всех периодов истории, менялась только величина требуемых усилий. По мысли авторитетного философа, «история гуманизма начинается тогда, когда формируется культура, при которой пробуждается интерес... к человеческим отношениям» [Келле 2001: 136]. И этот интерес сохраняется в нашей культурной памяти.

Восемь столетий истории гуманизма олицетворяют расширяющееся значение его философии в медийной среде. В этом плане можно утверждать, что гуманизм – мощная составляющая исторической

и культурной памяти, запечатленной в литературе, изобразительном искусстве, кинематографе, театре, журналистике. Сегодня к этому перечню надо добавить Интернет в качестве среды, в которой процессы сближения противоположностей в понимании гуманизма — от раскрытия его человеческой сущности до искажения и отрицания — максимально очевидны. Среда «информационного изобилия» современности [Кин 2015: 55] качественно изменила процессы проникновения исторически значимых философских идей в общественное сознание. Память о том, что было, о достигнутых высотах человеческой мысли и культуры перемещается в сетевую среду. Д. С. Артамонов, исследуя феномен коммуникативно-культурной памяти, заключил, что «человек не вспоминает недавнее прошлое без медиа» [Артамонов 2022: 69–70]. В связи с чем в научный оборот закономерно вводится представление о медиапамяти, под которой подразумевается функционирование исторической памяти в цифровую эпоху. Это «виртуальный социальный механизм запоминания и забвения, цифровой системы хранения, преобразования, производства и распространения информации о прошлом» [Артамонов, Тихонова 2020: 66]. Следовательно, медиапамять, с одной стороны, выступает как социальный организм и как механизм производства и распространения информации об историческом и культурном прошлом, с другой — как носитель немеркнущих сведений о Человеке и его прошлом, гуманистических ориентациях социума.

В нашем исследовании гуманизм в медиа рассматривается в качестве смысловых интенций противоречивой медийной среды современности. Мы утверждаем непременность присутствия гуманизма в медиа. Его показатели, конечно, меняются от века к веку, а в условиях цифровой эпохи изменения происходят чрезвычайно динамично, выражаются в дискурсах по актуальной и социально значимой проблематике. Медиаконтент гуманизма раскрывается по-разному в зависимости от своего содержания и субъектов взаимодействия в сетевом пространстве. В исследовании мы остановились на публицистике директора Эрмитажа академика Михаила Пиотровского и писателя и блогера Захара Прилепина. Еще одним объектом анализа избрана сетевая аудитория блогера в качестве сообщества субъектов другого уровня, каким являются участники

медиадискурса, создаваемого по следам выступлений Захара Прилепина. Каждый из объектов изучения – это свое отношение к прошлому, своя проблематика, через которую выделяется («просвечивает») особенное понимание идеологии гуманизма, формируется медиапамять социума.

Медиапамять запечатлевается в различных информационных каналах наших дней, в них находятся и ее источники. Прежде всего, это хорошо известные аналоговые СМИ, которые, с одной стороны, продолжают методы и традиции аналогового мира, с другой, находят себе новый формат в мире «цифры». Безусловно, медиапамять представлена и так называемыми новыми медиа – Интернет-изданиями, телеграм-каналами, блогингом, они полностью адаптированы к условиям цифрового медиасоциума. Более того, учреждения культуры разных стран интенсивно разрабатывают свою «электронную тень» – цифровую оболочку, позволяющую с большой эффективностью занимать видное место в современном цифровом пространстве. Эта практика началась сравнительно недавно, интенсифицировалась во время пандемии 2020 года. Ведущие музеи мира создали свои медийные эквиваленты, с каждым днем их расширяя и совершенствуя. Таким образом, сближение культуры и человека, независимо от его положения в обществе и места проживания, начинает свое воплощение в цифровом медиасоциуме, по объективным причинам поставив революционные технологии на службу разуму и культуре.

Именно так допустимо интерпретировать один из важнейших посылов публицистики академика М. Б. Пиотровского, статьи и выступления которого ежемесячно публикуются в газете «Санкт-Петербургские ведомости» под рубрикой «Взгляд из Эрмитажа». Представитель аналоговых методов и форм донесения своих мыслей до аудитории, автор рубрики, тем не менее, с пониманием относится к возникшему доминированию цифрового мира – в политике, быту, культуре, отчего свои гуманистически ориентированные послания читателю строит с учетом новых реалий медиасоциума. Изучение статей М. Б. Пиотровского за 2025–26 годы в контексте анализа ценностей гуманизма как составляющих культурного наследия в цифровой среде позволяет выделить

ключевые тенденции в качестве индикаторов ценностей гуманизма (n = 15; выборка сплошная), см. *Табл. 1*.

Таблица 1. Смыслы ключевых понятий гуманизма в цифровой среде

Ключевое понятие	*Рефлексия автора статьи*
Свобода мысли и творчества	Представление о музее как пространстве, где вещи и идеи могут обретать новые смыслы, выходя за рамки исходного контекста.
Равенство культур	Важность диалога между разными культурами и эпохами, что подразумевает уважение к многообразию культурных традиций.
Уважение иного мнения	Восстановление культурных связей с учетом новых форматов (виртуальных, горизонтальных и т. д.), открытость к диалогу и разным точкам зрения.
Уважение истории	Музеи как институты, интерпретирующие и сохраняющие историческую память, что напрямую связано с уважением к прошлому.
Цифровая среда для человека	Ограниченность цифровой культуры в передаче гуманитарных смыслов, необходимость попыток интегрировать человеческие ценности (например, через шрифт, словесность) в цифровой формат.

Безусловно, ключевые понятия и рефлексии автора статей даются через раскрытие актуальной проблематики в сфере культуры цифрового мира, для которой характерна акцентуация гуманистических начал. Уточнение метода анализа позволило выделить наиболее показательные статьи академика.

1. «У музеев особая роль. Они — „ворота“ между мирами»[1]. В статье М. Пиотровский подчеркивает роль музеев как посредников между разными культурами и эпохами. Он отмечает, что музеи создают пространство, где вещи вырываются из исходного контекста и обретают новый смысл в музейном пространстве. Это отражает идею уважения истории и культурного наследия, так как музеи сохраняют и интерпретируют прошлое, делая его доступным для диалога между поколениями и культурами.
2. «В гуманитарной сфере много смыслов, которые цифрой

[1] *Пиотровский М.* У музеев особая роль. Они — «ворота» между мирами // СПб. ведомости. 2025. 5 ноября. URL: https://spbvedomosti.ru/news/culture/mikhail-piotrovskiy-u-muzeev-osobaya-rol-oni-vorota-mezhdu-mirami/

не выразить. Всё выражается в словах»[2]. Здесь автор акцентирует внимание на ограниченности цифровой культуры в передаче гуманитарных смыслов. Он противопоставляет «цифру» и «букву», разъясняя важность каллиграфии и словесного выражения в эпоху оцифровки. Введение в оборот шрифта, разработанного художниками-каллиграфами для «Небесного Эрмитажа», рассматривается как шаг к гуманизации цифры — попытка интегрировать человеческие, нематериальные ценности в цифровой формат. Тем самым выражается стремление сохранить гуманистические ценности в цифровой среде.

3. «Известно, что мосты культуры взорваны. Опоры сохранились, но восстановить движение в обе стороны пока не получается»[3]. Речь идет о необходимости восстановления в новых условиях культурных связей между народами и государствами. При этом Пиотровский упоминает вертикальные и горизонтальные связи, включая виртуальные, что актуально в контексте цифровой среды. Он подчеркивает важность внимательного подхода к построению новых связей, что может интерпретироваться как призыв в соответствии с идеологией гуманизма к уважению иного мнения и диалогу во фрагментированном культурном пространстве.

Анализ статей академика М. Пиотровского подтверждает, что ценности гуманизма (уважение к истории, диалогу, культурному многообразию) остаются центральными в его дискурсе, даже когда речь идет о цифровой среде. Пиотровский показывает, что гуманитарные практики могут и должны адаптироваться к новым

---

[2] *Пиотровский М.* В гуманитарной сфере много смыслов, которые цифрой не выразить. Все выражается словами // СПб. ведомости. 2025. 26 ноября. URL: https://spbvedomosti.ru/news/culture/mikhail-piotrovskiy-v-gumanitarnoy-sfere-mnogo-smyslov-kotorye-tsifroy-ne-vyrazit-vse-vyrazhaetsya-v/

[3] *Пиотровский М.* Известно, что мосты культуры взорваны. Опоры сохранились, но восстановить движение в обе стороны пока не получилось. СПБ. ведомости. 2026. 25 февраля. URL: https://spbvedomosti.ru/news/culture/mikhail-piotrovskiy-izvestno-chto-mosty-kultury-vzorvany-opory-sokhranilis-no-vosstanovit-dvizhenie-/

технологическим реалиям, сохраняя при этом свои основополагающие принципы. Цифровая среда в его представлении – не антагонист гуманизма, а вызов, требующий новых форм выражения и диалога.

В рамках предпринятого исследования изучены выпуски на телеканале НТВ подкаста «Уроки русского» Захара Прилепина (n=120), посвященные теме гуманизма на войне – выделялись ценности свободы, человеческого достоинства и справедливости. Исследование сконцентрировано на времени проведения СВО, поскольку условия военных действий всегда обостряют трактовку гуманизма в обществе. Для углубленного анализа сделана выборка – выпуски №№ 173, 186, 190, 212, 215, 291. В каждом из них выявлялись ключевые высказывания, связанные с гуманизмом, свободой, достоинством и справедливостью защитника Отечества. Контент-анализ реакции участников медиадискурса подкаста «Уроки русского» позволил выделить актуальные интерпретации принципов гуманизма в аудитории писателя.

Так, непосредственно выражаемый концепт свободы встречается редко. Зато в негативном контексте, в комментариях участников дискурса обычно противопоставляется «предательству», «западным ценностям», «разрушению страны». Свобода понимается как ответственность перед страной и историей, а не индивидуальное право.

Жизнь – центральный концепт медиадискурса – жизнь героев, погибших, ветеранов, ценность жизни в контексте защиты Родины. Часто звучит мотив жертвы во имя жизни будущих поколений.

Концепт правды – один из самых частотных – появляется, как только в медиадискурсе возникает необходимость отстаивания исторической правды, борьбы с фальсификацией, разоблачения «предателей» и «врагов».

Защита страны – абсолютное большинство поддерживает идею защиты России, героизации предков, необходимости противостоять внешним и внутренним угрозам. В связи с чем особенно активно обсуждается концепт «предательство». Предателями называют тех, кто искажает историю, уезжает из страны. В этом контексте сквозной темой медиадискурса звучит верность исторической памяти. Участники дискурса поддерживают призыв блогера хранить

память о Победе, не молчать, не допускать искажения истории, воспитывать молодежь на примерах предков.

Контент-анализ позволил также установить в дискурсе степень доверия и несогласия с автором. Все это так или иначе высказано в адрес блогера – центрирующей фигуры медиадискурса. В общем числе комментариев (350) доверие к писателю выражено в подавляющем большинстве комментариев, а в отдельных (41) прямо выражены поддержка, благодарность, восхищение. Обращения «Спасибо, Захар!», «Вы молодец!», «Всё правильно говорите» встречаются наиболее часто. Вместе с тем анализ позволил установить и несогласия с идеями блогера. Однако явные несогласия крайне редки (10). В основном они выражаются в косвенной форме, так что прямых обвинений или критики автора практически нет. Правда, на страницах медиадискурса фиксируется феномен комментариев, удаленных модератором. Такие случаи отмечены как «Комментарий недоступен» или «Комментарий удален». Их доля невелика (22) по сравнению с общим массивом, но они свидетельствуют о наличии альтернативных мнений, которые не попали в публичное поле.

В исследовании устанавливался уровень дискуссионности. Его наличие позволяет оценить актуальность важнейшего принципа гуманизма – создания коммуникаций для межчеловеческого общения. В возбуждаемом Захаром Прилепиным медиадискурсе такая коммуникация выглядит в виде ответной реакции на позицию блогера. Более того, большинство пользователей отвечают друг другу, поддерживают или развивают мысли, образуя в дискурсе своеобразные «ветви» (25). Особенно активно обсуждаются темы предательства, исторической памяти, необходимости действий, культуры, отношения к Победе, необходимости возрождения СМЕРШ, ответственности интеллигенции. Конечно, в данном случае Захар Прилепин выступает как консолидирующая фигура, и его позиция редко оспаривается напрямую. Дискуссии разворачиваются по поводу деталей (например, формы памяти, методов борьбы с предательством), но не по поводу базовых ценностей.

Аудитория подкаста демонстрирует высокий уровень доверия Захару Прилепину и солидарности с его философией гуманизма на войне, где гуманизм понимается как служение Родине,

защита исторической правды и жертвенность во имя общего будущего. Концепты свободы и жизни трактуются через призму коллективных ценностей. Дискуссионность проявляется в обсуждении форм и методов реализации этих ценностей, а не их сути. Альтернативные мнения либо удаляются, либо остаются в меньшинстве и не формируют какого-либо значимого контрдискурса.

В выступлениях блогера гуманизм приобретает черты воинского этоса: он неотделим от долга, чести и служения; он не в пацифизме, а в способности сохранять человечность в условиях войны, когда человек встает на защиту Отечества и отстаивание справедливости.

Таким образом, в медийных выступлениях Захара Прилепина гуманизм на войне выступает в виде синтеза моральных качеств, ответственности и служения высшим ценностям защитника Отечества. Свобода, достоинство и справедливость выступают не абстрактными категориями, а практическими ориентирами для человека на войне. Подобно Михаилу Пиотровскому, Захар Прилепин обращается к теме сбережения культуры, открытости России миру, акцентируя внимание на защите собственных этнокультурных ценностей и идентичности. И в этом случае гуманизм трактуется писателем с оглядкой на практику как забота о будущем страны, сохранении исторической правды и поддержке воинов. Так что вполне понятно, почему блогер столь критически оценивает позицию части культурной элиты, которая дистанцировалась от происходящего, отказывает своей армии в поддержке и даже демонстрирует враждебность к защитникам страны. Тем самым писатель отмечает разрыв между солдатами на фронте и культурной средой, призывает к культурной перезагрузке и возвращению к традиционным ценностям, к поддержке тех, кто работает для общества и фронта, кто выступает против «культурного колониализма» и подражательства Западу. В риторике Захара Прилепина отсутствует призыв к сочувствию или пониманию мотивов действий противника, который противопоставляется не только на поле боя, но и в культурном, ценностном пространстве. И это подчеркивает важность культурной консолидации России. Ключевая тема размышлений Захара Прилепина – опыт войны и то, как он меняет человека. Его гуманизм не из тихого кабинета. Этот гуманизм

видел пределы человеческого падения и страдания, и в этом аду он искал и находил искры человечности, братства, достоинства. Так что настоящая человечность проверяется на грани, определяется через отрицание. Позиция автора блога противопоставлена «гуманизму потребления», «либеральному глобализму», «цивилизации комфорта», потому что они, полагает писатель, обесчеловечивают людей, лишая их корней, смыслов и способности к подвигу.

Таким образом, Захар Прилепин выражает гуманизм «почвы», а не абстракции универсальных либеральных ценностей. Для Прилепина человек – не абстрактная единица, а существо, глубоко укорененное в своей земле, истории, языке, культуре и вере. Гуманизм – это уважение к этой сложной, порой трагической и противоречивой связи. Он говорит о ценности простого человека, его труда, его памяти, его боли. При этом гуманизм определяется через правду, которой надо смотреть правде в глаза, даже если она жестока и неудобна. Гуманизм – не сглаживание углов, а честный разговоре о войне, о сложных страницах истории, и с этого начинается уважение к человеку.

Список литературы

1. *Артамонов Д. С.* Медиапамять: теоретический аспект // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. № 4(2). С. 65–83.
2. *Артамонов Д. С., Тихонова С. В.* Историческая эпистемология в условиях цифрового поворота // Философская аналитика цифровой эпохи: сб. науч. статей / отв. ред. Л. В. Шиповалова, С. И. Дудник. СПб., 2020. С. 55–71.
3. *Балакшин А. С.* Гуманизм как феномен культуры // Вестник Волжской гос. академии водного транспорта. 2014. № 41. С. 83–87.
4. *Блохин И. Н.* «Новый реализм» как ответ покушениям на реальность // Журналистика XXI века: к правде жизни. Материалы семинара-форума «Дни философии в Петербурге-2013». – СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 2014. С. 144–153.
5. *Дорощук Е. С.* Проблемы гуманизма современной российской журналистики: теоретическое осмысление // Междунар. научно-исслед. журнал. 2017. № 01 (25). Ч. 3. Январь. С. 76–78.
6. *Келле В. Ж.* Гуманизм // Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – М.: Республика, 2001. С. 136–137.

7. *Кин Дж.* Демократия и декаданс медиа / пер. с англ. — М.: ИД Высшей школы экономики, 2015.

8. *Павлова О. А.* В мире блаженной несвободы: медиатизация как базовая характеристика современной медиакультуры // Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT). 2024. № 1(10). С. 19–59. URL: https://doi.org/10.34680/EISCRT-2025-1(10)-19-59

9. *Симакова С. И.* Инфографика в контексте постгуманистических тенденций в журналистике // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. 2019. № 3. С. 127–131.

10. *Соловьев В. М.* Мутация культуры и кризис гуманизма // Ростовский научный вестник. 2022. № 9. С. 32–38.

11. *Тишкина Е. И.* Элитарность и массовость: к проблеме бинарных сопряженных дифференциаций в культуре: монография. — Курган: КГУ, 2014. 92 с.

12. *Тульчинский Г. Л.* Цифровизованный гуманизм // Философские науки. 2018. № 11. С. 28–43. URL: https://publications.hse.ru/articles/235524972

13. *Шумилина Т. В.* Конфликт принципов журналистики // Вестник Моск. ун-та, Сер. 10. Журналистика. 2011. № 1. С. 155–167.

14. *Цветкова И. В.* Симулякры цифрового гуманизма в современном образовании // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Философия. 2021. № 2. С. 88–97.

15. *Фортунатов А. Н.* Кибергуманизм: как коммуникативные технологии трансформируют наше общество. Монография. — М.: Флинта, 2023, 184 с.

С. В. Курушкин

СПбГУ
s.kurushkin@gmail.com

Искусственный интеллект и естественный гуманизм: взаимодействие людей и non-humans в медиасоциуме

Сегодня, когда нейросети стали активно внедряться в повседневные и профессиональные практики человека, возникает необходимость не просто констатации важной роли технологий искусственного интеллекта в современной жизни, а осмысления и анализа практик внедрения ИИ в структуру медиасоциума; осмысления и анализа того, как возникает необходимость зафиксировать место ИИ в потоке текучей медийности. Текучая медийность, как справедливо отмечает В. А. Сидоров, меняет не только форму, но и содержание сообщений, редуцируя смыслы и размывая предмет [Сидоров 2021: 153]. Искусственный интеллект в его современном – нейросетевом – воплощении являет собой типичный артефакт эпохи текучей медийности: так, например, даже в академической литературе можно встретить описание работы нейросетей как «черного ящика», в котором происходят невидимые и оттого непонятные внешнему наблюдателю процессы. Непрозрачны данные, на которых обучается нейросеть, непрозрачен код, доступный для понимания лишь высококвалифицированным специалистам, непрозрачен сам принцип «мышления» нейросетей, потому что он не имеет аналогов в области человеческого мышления [Кузнецов 2020: 174–176]. Непонятное и пугает, и привлекает. С одной стороны, люди опасаются нейросетей, причем основной страх связан с возможной потерей работы из-за технологий ИИ [Нам не страшен интернет...]; с другой стороны – люди верят ботам [Рост мошенничества объяснили доверием россиян к роботам].

Подобная амбивалентность в отношениях с технологиями характерна для ситуации, описанной в акторно-сетевой теории. В рамках данной теории особое внимание уделяется взаимодействию социального и технологического, причем технологические артефакты предстают полноценными участниками социальных взаимодействий, квалифицируемыми как non-humans. В социальном пространстве невозможно существовать самому по себе: субъект обретает субъектность только при взаимодействии с другими участниками социальных отношений. «Человек перестал быть субъектом, его место – среди этих объектов, которые существуют уже не как прустовские имена стран, но только как имена-действия и выступают на авансцену лишь в тот момент, когда их окликают по имени. Вместо привычной структуралистам топографии – регистрация пульсаций» [Дьяков 2024: 227].

Нейросетевые технологии – в частности, чат-боты – зачастую предстают подобными субъектами, лишенными субъектности: как non-humans они встроены в структуру социальных взаимодействий, как имитаторы человека они зачастую очеловечиваются вступающими с ними во взаимодействия людьми, но от всего вышеперечисленного они не перестают быть технологией, не могут (и не могут даже попытаться) избавиться от своей инструментальной сущности.

Для гуманизма и, в частности, для ценностей гуманизма уравнивание людей и non-humans, лишение субъекта субъектности самой по себе – большой вызов. Рассуждая с гуманистических позиций, мы можем отметить, что любое взаимодействие человека и сетевого актанта однонаправленно, субъект-объектно в той же степени, что и взаимодействие человека с, например, электрическим чайником. Сравнение становится еще более точным, если мы вообразим человека, совершенно незнакомого с принципами работы электрических приборов – в этом случае они будут представлять для него такой же черный ящик, как и нейросети, только вместо входных и выходных данных будут совершаться входные и выходные действия. Проблема для любого гуманиста, который занимается изучением технологий искусственного интеллекта, заключается в имитации нейросетями человеческого мышления (хотя, как мы указали выше, это именно имитация: нейросети не думают, как

человек, они лишь заимствуют структуру человеческого мышления). Эта имитация будто бы должна выводить нейросети за рамки объекта, очеловечивать их, особенно, если интерфейс тоже служит логике антропоморфизма. Чат-боты зачастую носят человеческие имена и фотографии людей в качестве аватара. Как не очеловечивать инструмент, который создается, исходя из принципа тотального антропоморфизма: имитируется не только человеческая речь, но и человеческие имя и внешний вид?

«Наступил кризис самого чувства принадлежности к целому», — отмечает один из создателей акторно-сетевой теории Бруно Латур [Латур 2013: 77]. Латур использует этот кризис как повод переосмыслить само понятие социального. Мы, в свою очередь, поддержим тезис о кризисе чувства принадлежности к целому, но выведем из него другие положения — более значимые для гуманистического дискурса.

Утрата субъектности (особенно в сетевом пространстве), невозможность схватить субъект в состоянии покоя, необходимость постоянно генерировать пульсации, поддающиеся регистрации, только чтобы утвердить свое существование в окружающей действительности («я выкладываю на странице в социальной сети фото своего завтрака — следовательно, я существую») — во всем этом гуманист, безусловно, должен видеть вызов. Однако человек обладает определенным свойством, которое технологии искусственного интеллекта имитировать на данный момент не в состоянии.

Это свойство заключается не в генерации пульсаций. В медийной плоскости такими пульсациями становится контент, который создает человек. Однако теперь и нейросети генерируют пульсации, создавая контент разных видов и форм — текстовый, изобразительный, аудиовизуальный. Поэтому возникает необходимость задекларировать крайне значимое отличие когнитивных механизмов человека от имитации мышления нейросетями — интенцию.

Интенциональность сегодня становится для гуманиста своеобразным спасательным кругом в акторно-сетевой реальности, где субъекты приобретают субъектность, лишь взаимодействуя внутри социума — и уже не настолько важно, с кем или с чем. Non-humans, однако, не обладают сознанием и, следовательно, не могут нацелить сознание на различные объекты окружающего мира. Нейросети могут имитировать

наличие сознания, как они имитируют мышление, но в действительности их сознание будет агрегированным псевдосознанием, на которое влияет множество факторов: датасет, на котором они обучались; тренера по ИИ, обучавшего их; пользователя, задающего промпт.

Проще говоря, нейросеть не может нацелить свое сознание на объект, не может войти в поток переживаний, не может выйти на ноэтический или ноэматический уровень сознания. Впрочем, при желании можно обозначить, что в нейросетях могут быть представлены ноэматические ядра, составляющие предметные смыслы ноэм — конечно, с поправкой на различия в восприятии предметов человеком и нейросетями. Нейросеть не может прийти к результатам простой рефлексии — выделению себя как сущего и выделению субъективного бытия человека, — не говоря уже о феноменологической рефлексии [Аникина 2013].

Человек, в свою очередь, может нацелить сознание на объект, сформировав интенцию. Интенции не формируются сами по себе, они выделяются из потока переживаний, за пределы которого, по Гуссерлю, мы не можем выбраться.

Интенция очеловечивания нейросетей зафиксирована в психическом феномене, который носит название «Эффект Элизы». Элиза — первый чат-бот в истории, разработанный Джозефом Вайценбаумом в 1966 году. Несмотря на крайне примитивную по нынешним меркам систему построения диалога (Элиза постоянно задавала уточняющие вопросы и имитировала активное слушание), пользователям чат-бота казалось, что они общаются с живым человеком [Друг, любовник, психотерапевт...].

Сегодня очеловечивание чат-ботов может происходить в двух противоположных контекстах — если человек сознает, что перед ним чат-бот, и, если не сознает, что находится в контакте с чат-ботом. Результаты исследований показывают, что в любом контексте очеловечивание возможно: респонденты понимают, что взаимодействие с ними осуществляет ИИ -помощник Алиса, разработанный компанией «Яндекс», но продолжают «общение с Алисой» так, будто перед ними равноправный субъект [Быков, Курушкин 2025].

Впрочем, интенция как нацеленность сознания на объект говорит, в первую очередь, о выделении данного объекта из потока

переживаний, интенсифицированного до предела в эпоху текучей медийности. Очеловечивание нейросети – результат непонимания принципов ее работы, что, несомненно, в полной мере являет собой следствие редуцирования смыслов, характерного для текучей медийности. Человек не всегда хочет понимать принципы работы инструмента, и если в случае с упомянутым выше электрическим чайником это не несет в себе угроз для самой структуры социальных отношений, чувства принадлежности к целому (можно уточнить – социальной идентичности и идентификации как процесса формирования социальной идентичности) и, как следствие, гуманистическим ценностям, то в случае с нейросетями и чат-ботами в частности такое непонимание и эффект Элизы как его следствие несут в себе угрозы на самых разных уровнях. Кризис идентичности мы можем интерпретировать на достаточно высоком уровне абстракций: например, когда пользователи видят в чат-боте друга, когда чат-боты используются для имитации манеры общения умерших людей, когда информация от чат-ботов, не подвергается критическому осмыслению. Также можно спуститься на несколько уровней абстракции и попытаться ответить на вопрос: «Нужно ли быть вежливыми с чат-ботами?» Ответ на этот вопрос может варьироваться в достаточно широких пределах. К примеру, с позиций кантианской этики необходимо быть вежливым с чат-ботом. Однако в этом случае начинаем придавать чат-ботам субъектность, которой они не обладают. Прагматичный подход заключается в акцентуации инструментальной сущности чат-ботов. Говорим ли мы «спасибо» электрическому чайнику? Более того, компании, разрабатывающие чат-ботов, ежегодно теряют миллионы долларов, поскольку каждое слово, которое доведено до нейросети, подлежит последующей обработке большой языковой моделью LLM, что требует дополнительных ресурсов [Сэм Альтман рассказал...]

Интенция может заключать в себе аттитюд – то есть, нести эмоциональный заряд по отношению к тому объекту, на который она направлена. На момент написания данной статьи близится к завершению исследование отношения пользователей интернет-ресурсов Фонтанка.ру, Sports.ru и DTF.ru к нейросетям и контенту, который генерируют нейросети. В выборку должны войти все комментарии за 2025 год,

оставленные пользователями вышеупомянутых ресурсов, в которых упоминаются нейросети. Затем будет проведен сентимент-анализ комментариев с целью найти среднюю тональность высказываний о нейросетях. Наконец, тексты будут подвергнуты неформализованному анализу, чтобы выявить основные тематические блоки.

Несмотря на незавершенность исследования, предварительные результаты слишком красноречивы, чтобы умолчать о них.

Средняя тональность высказываний о нейросетях на вышеупомянутых интернет-ресурсах на момент написания данной главы — 0,89. По сути, 89 из 100 комментариев обнаруживают негативное отношение автора к нейросетям и/или контенту, сгенерированному нейросетями. При этом наибольшая доля негативных высказываний приходится на сгенерированный нейросетями контент. Иными словами, пользователи крайне негативно относятся к контенту, создаваемому нейросетями. Среди основных претензий: отсутствие у текста автора, низкое качество контента, невысокий уровень доверия пользователей нейросетям из-за галлюцинаций, которым подвержены LLM и другие технологии на базе нейросетей. Текст, написанный нейросетью, воспринимается как текст без автора: культура восприятия технологий ИИ в данном случае делает поворот в сторону инструментальной составляющей нейросетей. Нейросети воспринимаются как инструмент, и доминирование этого инструмента над человеком вызывает отторжение у аудитории. Также пользователи отмечают низкое качество контента, создаваемого нейросетями. В интернет-сленг уже прочно вошло слово «нейрохрючево», обозначающее некачественный текст/видео/изображение, автором которого является нейросеть. Наконец, пользователи охотно ищут и находят ошибки и неточности в контенте, сгенерированным нейросетями, подчеркивая тем самым необходимость контроля со стороны человека на всех этапах медиапроизводства.

Впрочем, нужно отметить, что наше исследование имеет существенное ограничение: оно во многом повторяет методологию, которая привела к появлению «ошибки выжившего». Считаем необходимым обратить внимание, что пользователи относятся негативно не к контенту, сгенерированному нейросетями, а к контенту, который *они считают* сгенерированным нейросетями или

к *некачественному* контенту, сгенерированному нейросетями. Качественный же контент, сгенерированный нейросетями, может быть воспринят пользователями как авторский. Речь, в первую очередь, о текстовом контенте, так как изображения и аудиовизуальный контент все еще легко определяются как нейросетевой.

Однако, даже с учетом уже описанных ограничений, все же нельзя не подчеркнуть, что...

...нынешнее отношение пользователей к нейросетям отмечается если не как переломное, то хотя бы как обещающее перелом в восприятии аудиторией технологий ИИ. Повышается насмотренность и в целом культура взаимодействия с нейросетями, что в частности приводит к определенному разочарованию в них части пользователей;

...пользователи зачастую негативно относятся к нейросетевому контенту, потому что в нем нет человеческого начала. Нейросетевой контент все чаще выводится потребителями в категорию «объектного», бездушного;

...интенциональность – свойство субъекта, и именно это свойство не дает нам возможности придавать субъектность объектам. Мы можем выделить промежуточное звено – сетевых актантов [Быков, Курушкин 2025], которые лишены субъектности, но часто ею наделяются. Однако интенциональность свойственна только индивидам;

...впрочем, эффект Элизы все еще прослеживается – как у старшего, так и у младшего поколений. Часть пользователей все еще стремится наделить ИИ человеческими чертами – так что вежливость, на которую компании, разрабатывающие LLM, тратят миллионы долларов, далеко не самый опасный для хрупкой социальности в условиях текучей медийности феномен (хотя и любопытный в аспекте деонтологии). Куда опаснее тотальное очеловечивание LLM, приводящее к замене общения на «общение с нейросетью»;

...тем не менее, промежуточные итоги исследования позволяют оптимистично смотреть на будущее гуманизма в обществе, характеризуемом постоянством развития технологий ИИ;

...наконец, отметим наличие особой иронии в том, что данная статья завершается списком. Ведь списки – это то, что очень любят составлять большие языковые модели.

Список литературы

1. *Аникина В. Г.* К проблеме использования феноменологии Э. Гуссерля для исследования рефлексии в современной психологии // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2013. 1. С. 42–51.
2. *Быков И. А., Курушкин С. В.* Человек и технологии искусственного интеллекта в цифровом медиасоциуме // Медиааксиология второй реальности / под ред. В. А. Сидорова. – СПб.: Петрополис. 2025.
3. Друг, любовник, психотерапевт: почему мы принимаем нейросети за людей. URL: https://trends.rbc.ru/trends/industry/682d9d5f9a79473735d7dae5 (дата обращения: 12.11.2025).
4. *Дьяков А. В.* Онтология историзма: акторно-сетевая теория и устранение субъекта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2024. Т. 40, вып. 2. С. 221–230.
5. *Кузнецов А. Г.* Туманности нейросетей: «черные ящики» технологий и наглядные уроки непрозрачности алгоритмов // Социология власти. 2020. 32 (2). С. 157–182.
6. *Латур Б.* Пересобирая социальное. Введение в акторно-сетевую теорию // Экономическая социология. 2013. Т. 14, № 2. С. 73–86.
7. Нам не страшен интернет: большинство россиян не боится развития искусственного интеллекта. URL: https://ug.ru/nam-ne-strashen-internet-bolshinstvo-rossiyan-ne-boitsya-razvitiya-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 12.11.2025).
8. Рост мошенничества объяснили доверием россиян к роботам. URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2025/03/05/25237850.shtml (дата обращения: 12.11.2025).
9. *Сидоров В. А.* Артефакты текучей медийности: новые основания символического господства // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 1. С 152–159.
10. Сэм Альтман рассказал, что OpenAI тратит десятки миллионов на «спасибо» и «пожалуйста» в ChatGPT. URL: https://www.pravilamag.ru/news/society-news/20-04-2025/747655-sem-altman-rasskazal-chto-openai-tratit-desyatki-millionov-na-spasibo-i-pojaluista-v-chatgpt (дата обращения: 12.11.2025).

Лай Линчжи (Lai Lingzhi)

СПбГУ
l.lay@spbu.ru

Медиагуманизм на фоне искусственного интеллекта и нейросетевых медиа: практика Китая

Введение

Стремительное развитие искусственного интеллекта (ИИ) и становление нейросетевых медиа знаменуют глобальный сдвиг в производстве, распространении и потреблении информации. Этот процесс порождает не только беспрецедентные риски – такие, как дегуманизация коммуникации, алгоритмические предубеждения, эрозия приватности и распространение дезинформации, – но и открывает новые возможности для повышения эффективности, персонализации и инклюзивности медийного пространства. В этих условиях актуализируется поиск устойчивых этических оснований, способных направить технологический прогресс в русло, служащее долгосрочным интересам человека и общества. Одним из ответов становится концептуализация медиагуманизма – философско-этической парадигмы, утверждающей центральную роль человеческого измерения, ценностей и благополучия в функционировании СМИ и журналистики.

Особый интерес в этом контексте представляет практика Китая, где цифровая трансформация и внедрение ИИ в медиасферу происходят в тесном взаимодействии с глубокими пластами традиционных культурных ценностей, укорененных в конфуцианской философской традиции. Китайский путь формирования нейросетевых медиа демонстрирует не линейное замещение человеческого

фактора машинным, а сложный, подчас противоречивый синтез технологических инноваций и культурного наследия. В этом контексте мы и проанализируем взаимодействие традиционных культурных ценностей и современных медийных практик, которое определяет специфическую китайскую трактовку медиагуманизма. Мы предполагаем, что такие концепты конфуцианства, как «человеколюбие» (Жэнь), «гармония» (Хэ), «ритуал» (Ли), «золотая середина» (Чжун Юн) и «долг/справедливость» (И), выступают в роли смысловых фильтров и этических регулятивов, трансформируя применение искусственного интеллекта в медиа и наделяя его гуманистической направленностью.

Методологическую основу исследования составляет системный подход, позволяющий рассмотреть китайские нейросетевые медиа как комплексную систему, в которой технологические компоненты (алгоритмы, платформы, большие данные) находятся в постоянном диалоге с социокультурными и философскими константами. Для декомпозиции этого диалога применяется герменевтический анализ ключевых понятий китайской философии и их проекции на современную медийную практику.

Теоретические основы медиагуманизма и вызовы эпохи ИИ

Современная эпоха, характеризуемая как эра цифрового развития, инициировала глубинные трансформации во всех подсистемах общества, среди которых одной из наиболее подверженных изменениям оказалась сфера СМИ и журналистики. Проникновение и последующая конвергенция таких технологий, как большие данные, машинное обучение, обработка естественного языка и предиктивная аналитика, породили феномен нейросетевых медиа — сложную, адаптивную и высокоавтоматизированную медиаэкосистему. Данная экосистема, с одной стороны, демонстрирует беспрецедентные возможности в области оперативности, масштабируемости и персонализации производства и дистрибуции контента, а с другой — актуализирует ряд фундаментальных вызовов по отношению к гуманистическим принципам, традиционно составлявшим

нормативно-ценностное ядро профессиональной журналистики [Кэ Цзэ, Чэн Вэйхань 2020; Сунь Хайлун 2019].

Под «медиагуманизмом» понимается целостная мировоззренческая и этическая парадигма, утверждающая онтологический приоритет человека, его достоинства и благополучия в качестве высшего критерия в процессе создания, отбора и распространения медийного продукта. Как подчеркивает Хань Цзиньсинь, гуманистическая забота требует от журналистов выходить за рамки поверхностных событий, углубляться в суть происходящего, уделяя больше внимания отдельным личностям, и преобразовывать новостные репортажи из простой передачи информации в построение содержательного и «теплого» общественного диалога [Хань Цзиньсинь 2025]. Таким образом, понятие «медиагуманизм» эволюционировало от общего признания важности человека в сложной системе ценностей, включающей в себя антропоцентризм, этику эмпатии, уважение к приватности и достоинству личности, а также осознанную социальную ответственность медиа перед обществом.

В настоящее время наблюдается нарастающее противоречие между экспоненциальным ростом технологических возможностей медиаиндустрии и усиливающейся эрозией ее гуманистического потенциала. Инструментальная рациональность, выраженная в логике алгоритмической эффективности, метрического учета и утилитаризма, все чаще вступает в конфликт с ценностной рациональностью, основанной на идеалах истины, справедливости, сострадания и общественного блага [Чэнь Чанфэн, Ши Цзэ 2019]. Этот конфликт проявляется в нескольких ключевых вызовах:

– *алгоритмизация и феномен «информационных пузырей».* Широкое внедрение алгоритмических рекомендаций, как это практикуется агрегаторами вроде «Главные новости сегодняшнего дня» (Jinri Toutiao) и социальными сетями, привело к формированию так называемых «информационных пузырей» (information cocoons) или «эхо-камер». Алгоритмы, настроенные на максимизацию пользовательского вовлечения, предлагают контент, соответствующий существующим предпочтениям и убеждениям, создавая замкнутую, самоподкрепляющуюся информационную среду [Сун Ян, Ло Чжи

2023; Пэй Ланси 2025]. Это систематически ограничивает возможность человека сталкиваться с альтернативными точками зрения и сложностью социального мира, затрудняя выполнение СМИ функции «социального интегратора» и подрывая фундамент гуманизма, основанного на понимании и признании Другого;

— *девальвация контента и диктат «экономики внимания».* В условиях гиперконкурентной «экономики внимания» главной валютой становятся клики, просмотры и лайки. Эта бизнес-модель провоцирует медиа ориентироваться на сенсационность, кликбейтность и развлекательность в ущерб глубине, аналитике и верификации. Как следствие, глубокие репортажи и расследования оказываются экономически невыгодными и вытесняются на периферию медиапространства. Происходит то, что Нил Постман назвал «развлечением до смерти»: серьезные темы подаются в упрощенной, мелодраматической форме, что обедняет публичную дискуссию и снижает способность аудитории к критическому осмыслению реальности [Postman 1985];

— *угрозы приватности и тотальная цифровая слежка.* Нейросетевые медиа, основанные на сборе и анализе больших данных, обладают беспрецедентными возможностями для отслеживания цифрового следа, поведения и предпочтений пользователей. С одной стороны, это позволяет предоставлять персонализированный контент, с другой — создает системную угрозу тотальной цифровой слежки, манипуляции поведением и коммодификации личной жизни [Гэ Минь, Чжан Лин 2021; Хань Юнсю 2024]. Вопросы приватности особенно остры в репортажах о кризисных ситуациях, где технологии иммерсивной журналистики могут раскрыть личные данные пострадавших или нанести им вторичную психологическую травму. Медиагуманизм в этом контексте требует строгого соблюдения этических стандартов и безусловного приоритета права человека на неприкосновенность частной жизни;

– *смещение и диффузия субъекта ответственности.* С внедрением ИИ в написание, отбор и распространение новостей возникает фундаментальная проблема «диффузии субъекта ответственности». Когда решение принимает сложный алгоритм с не до конца прозрачной логикой («эффект черного ящика»), становится крайне трудно определить, кто несет моральную и профессиональную ответственность за этические нарушения – журналисты, редакторы, программисты или владельцы платформы. Это размывание персональной ответственности подрывает основы профессиональной журналистской этики [Ван Си 2017; Юй Гомин, Ян Инъин, Лу Цяолинь 2018].

Таким образом, доминирование инструментальной рациональности ведет к «отчуждению новостной ценности» [Сун Ян, Ло Чжи 2023], когда новость превращается в стандартизированный продукт сиюминутного потребления, лишенный глубокого смысла и гуманитарного измерения. Преодоление этих вызовов видится не в отрицании технологий, а в их сознательном, целенаправленном подчинении гуманистическим целям и ценностям.

Китайские культурные ценности — на стыке традиции и технологий

Ядро традиционной китайской мысли, и в особенности конфуцианство, сформировало уникальный этос, в котором коммуникация рассматривается не как нейтральная передача информации, а как инструмент поддержания социального порядка, нравственного совершенствования и достижения коллективной гармонии [Ли Яньжу 2016; Лай Линчжи 2017, 2021, 2022; Хэ Чжэ 2023; Вань Син, Чэн Хуавэй 2024; Дин Лицюн, Ян Чэньли 2025]. Рассмотрим ключевые принципы, релевантные для современной медиаэтики:

– *«человеколюбие» (人性化) как основа гуманистической заботы.* Центральное понятие конфуцианской этики, «Жэнь», может быть интерпретировано в качестве категорического императива, обязывающего к проявлению подлинной гуманистической заботы по отношению ко всем субъектам

медиакоммуникации. Журналист, руководствуясь этим принципом, стремится минимизировать потенциальный вред, уважать достоинство и приватность, избегать стигматизации и сенсационализма, используя силу слова для социальной интеграции и взаимопонимания [Хань Цзиньсинь 2025]. Данная установка перекликается с современными концепциями гуманистической журналистики, акцентирующими эмпатию и уважение к субъекту;

– *«гармония» (和谐 和 媒体的社会责任) и социальная ответственность СМИ.* В отличие от западной либертарианской традиции, конфуцианская концепция «гармонии» предполагает, что высказывание должно быть уместным и способствовать социальной стабильности [Сяо Хун 2024]. Это находит прямое отражение в медийной политике КНР, где СМИ рассматриваются как инструмент консолидации общественного мнения. В условиях цифровизации эта ответственность делегируется алгоритмам, которые настраиваются не только на максимизацию вовлеченности, но и на фильтрацию контента, нарушающего социальную гармонию. Таким образом, китайский медиагуманизм обретает коллективистское измерение: гуманизм – это не только уважение к правам индивида, но и забота о благополучии всей социальной системы;

– *принцип «ли» (礼) как нормативный каркас* заключает в себе потенциал для философского обоснования разработки и неукоснительного соблюдения строгих профессиональных этических кодексов журналистов в эпоху ИИ. Комплекс социальных норм «Ли» в конфуцианстве, акцентирующий внимание на ритуале, порядке и моральной ответственности [Лю Фэн 2024], может служить ориентиром для формирования этических рамок, регулирующих использование ИИ в журналистике. Его практическая имплементация предполагает создание прозрачных правил для алгоритмических систем, обеспечение их подотчетности и безусловное уважение к приватности пользователей. Такой нормативный каркас позволяет преодолеть вакуум в области делегирования редакторских полномочий автоматизированным системам;

– *«золотая середина» (中庸) в поиске баланса.* Принцип «золотой середины» проповедует добродетель избегания крайностей и поиска баланса. Китайские общественно-политические СМИ при подаче материалов стараются избегать спорных, конфликтных, сенсационных тем, способных вызвать потрясение, скандал или обострение существующих конфликтов. Даже при выражении критики или раскрытии «темных» тем стараются сохранять баланс, проявлять чувство меры и, в конечном счете, предлагать оптимальное решение или надежду на него, что соответствует принципу «сохранения золотой середины» традиционной китайской культуры [Лю Сяоюй 2015]. В контексте медиасферы данный принцип также соотносится с необходимостью нахождения устойчивого баланса между инструментальной и ценностной рациональностью [Чэнь Чанфэн, Чжай Юйцзя 2018]. Технологический прогресс должен не вытеснять гуманитарные цели, а служить им. Таким образом, применение ИИ в медиа должно быть направлено не на механическую замену человека, а на усиление его творческих способностей, освобождение журналиста от рутины для концентрации на сложных, творческих и социально значимых функциях, требующих этического суждения и эмпатии;
– *«долг/справедливость» (义) против утилитаризма алгоритмов.* Конфуцианство противопоставляет личную выгоду долгу и моральной справедливости. В контексте интеллектуальных медиа это проявляется в озабоченности тем, чтобы алгоритмические системы служили общественному благу, а не исключительно коммерческим интересам. Исследователи, такие как Чэнь Сюцзяо, указывают на риски «информационной бедности» для определенных групп населения, если ИИ будет ориентирован только на прибыльные сегменты аудитории [Чэнь Сюцзяо 2024].

Именно в точке напряжения между инструментальной и ценностной рациональностью традиционные ценности предлагают культурный антидот, выступая в роли стабилизирующего, гуманизирующего и смыслообразующего начала.

Практические механизмы интеграции: от философской доктрины к медийной практике

Теоретическое соответствие традиционных культурных ценностей Китая, ядром которых выступает конфуцианство, и медиагуманизма реализуется через конкретные институциональные и профессиональные практики на различных уровнях медийной системы в Китае:

– *этико-нормативный уровень – интеграция в профессиональные кодексы и аксиологический подход в государственной медийной политике.* Китайские СМИ рассматриваются как институты, несущие ответственность за сохранение гармонии общества [Сяо Хун 2024]. Эта установка закреплена в нормативных документах, например, в «Кодексе профессиональной этики китайских журналистов», где предписано «сочетать приверженность правильной ориентации общественного мнения с глубоким пониманием общественных настроений»[1]. Ярким примером является трансформация подходов к освещению катастроф, где акцент сместился с шокирующих деталей на визуальную сдержанность, уважение к пострадавшим и фокус на героизме спасателей [Хань Цзиньсинь]. Это прямое следствие конфуцианской парадигмы, в которой коммуникация подчинена задачам поддержания социального порядка и гармонии;

– *уровень контента и нарратива – гуманизация как драматургический принцип.* Контент ведущих китайских медиа демонстрирует тенденцию к смещению фокуса с событийной фактографии на глубину человеческих историй, особенно в репортажах о маргинальных социальных группах. Как подчеркивает Чэнь Сюцзяо, такие материалы должны «придерживаться обывательской перспективы» и проявлять осторожность в вопросах достоинства и приватности [Чэнь Сюцзяо 2024]. Кроме того, проекты, такие как «Touching China» (Центральное телевидение Китая) или выборы

[1] Кодекс профессиональной этики китайских журналистов. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2019-12/15/c_1125348618.htm?baike (дата обращения: 06.08. 2025).

«Национальных образцов нравственности», являются элементами государственной программы по укреплению моральных устоев общества. Их цель – формирование новых стандартов и воспитание чувства ответственности, что является практической реализацией конфуцианского метода управления через личный пример;

– *технологический уровень – гуманистический императив в проектировании алгоритмов.* В ответ на критику «информационных пузырей» набирает силу дискуссия о ценностной «настройке» алгоритмов. В качестве контрмер предлагается внедрение механизмов, целенаправленно расширяющих информационное разнообразие и знакомящих пользователя с альтернативными точками зрения. Этот поиск «баланса между датаизмом и гуманизмом» [Сун Ян, Ло Чжи 2023] является практической интерпретацией принципа «золотой середины». Стоит отметить и управление контентом китайских медиа на стыке персонализации и «просвещения». Алгоритмы рекомендаций в китайских нейросетевых медиа функционируют в условиях двойного императива: удовлетворять индивидуальные запросы и выполнять просветительскую функцию. Такой подход можно рассматривать как современную цифровую форму реализации конфуцианской обязанности по «преобразованию народа через образование» (教化). Медиагуманизм здесь проявляется в стремлении не просто развлекать, но и возвышать аудиторию;

– *образовательный уровень – подготовка «целостного» журналиста.* Система журналистского образования в Китае усиливает гуманитарный и этический компонент, делая акцент на развитии «чувства социальной ответственности» [Ху Шэньмин, Фэн Хуаньхуань 2025]. Это соотносится с конфуцианским идеалом «благородного мужа» (цзюньцзы) – личности, сочетающей профессиональную компетентность с безупречными моральными качествами.

Синтез технологического прогресса и традиционных культурных ценностей находит свое практическое воплощение в трансформации китайской журналистики, примером чему служит концепция

«AI-ассистированной журналистики с человеческим лицом». Внедрение ИИ для автоматизации написания новостей (например, в Xinhua News Agency и People's Daily) освобождает журналистов от рутины, позволяя им сосредоточиться на творческой, аналитической работе, требующей эмпатии и моральной оценки. Журналист воспринимается как носитель культурного кода и социальной ответственности, что коррелирует с конфуцианским взглядом на роль интеллектуала.

Заключение

Опыт Китая по интеграции традиционных культурных ценностей в медийные практики предлагает продуктивную модель для возрождения медиагуманизма в эпоху ИИ. Противостояние инструментальной и ценностной рациональности преодолевается через сознательный синтез, при котором технологический потенциал подчиняется гуманистическим целям, укорененным в местной культурной традиции. Ключевыми механизмами этого синтеза являются:

— аксиологическое проектирование алгоритмов, направленное на преодоление «информационных пузырей» и продвижение ценностно-значимого контента;
— трансформация роли журналиста в сторону «этического рулевого», интерпретатора и создателя смыслов, несущего персональную ответственность;
— развитие конструктивных и воспитательных форматов (конструктивная журналистика, создание позитивных образцов), воплощающих принципы «человеколюбия» и «гармонии»;
— использование медиа как платформы для укрепления социокультурной идентичности, что позволяет нивелировать дезинтегрирующее влияние глобальных кризисов и турбулентности.

Таким образом, возрождение медиагуманизма в цифровую эпоху оказывается напрямую связанным со способностью медиасистемы

актуализировать и творчески переосмысливать свой культурный фундамент. Будущее качественной журналистики видится в ответственном и этичном симбиозе передовых технологий и вечных гуманистических идеалов, выраженных в языке и категориях конкретной культурной традиции. Практика Китая демонстрирует, что подобный путь позволяет медиа выполнить свою высшую миссию — служить долгосрочному развитию человека и общества, сохраняя человеческое, гуманитарное измерение в мире сложных технологий.

Этот подход не лишен внутренних противоречий и не может быть механически перенесен в иные культурные контексты. Однако он представляет собой значимый альтернативный вариант ответа на глобальные вызовы цифровой эпохи. Китайская модель показывает, что будущее медиагуманизма может заключаться не в сопротивлении технологиям, а в их глубоком этическом обогащении за счет диалога с локальными традиционными ценностями. Успех подобной модели в долгосрочной перспективе будет зависеть от ее способности находить баланс между технологической эффективностью и подлинным учетом многоголосия человеческих потребностей и устремлений.

Список литературы

1. *Ван Си*. Раскрывая «чёрный ящик» алгоритмического распространения: количественное исследование на основе новостных рассылок Jinri Toutiao // Shanghai Journalism Review. — 2017. № 9. С. 7–14.
2. *Вань Син, Чэн Хуавэй*. Применение и отражение конфуцианской концепции «хэхэ» (гармония и единство) в новостном нарративе mainstream медиа: на примере репортажей «Жэньминь жибао» о саммите Центральной Азии // Meida. 2024. № 23. С. 79–81.
3. *Гэ Минь, Чжан Линь*. Исследование проблем нарушения приватности в эпоху интеллектуальных медиа и путей их решения // Journal of News Research. 2021. № 18. С. 22–23.
4. *Дин Лицюн, Ян Чэньли*. Исследование соответствия между основным содержанием конфуцианской мысли и социальной работой //Shanxi Science and Technology. 2025. 19 июня. № A05.

5. *Кэ Цзэ, Чэн Вэйхань*. Изменения в медиа, кризисы и эпистемологические ошибки в эпоху искусственного интеллекта – размышления о рациональности и гуманизме на основе технологии 5G // News and Writing. 2020. № 1. С. 72–78.

6. *Лай Линчжи*. Гуманизм конфуцианства в цифровую эпоху // Медиа в современном мире. 60-е Петербургские чтения: сб. материалов 60-го Междунар. науч. форума: в 2 т. – СПб., 2021. Т. 1. С. 183–185.

7. *Лай Линчжи*. Концепт «конфуцианство» в политических коммуникациях и СМИ // Медиа@льманах. 2017. № 4. С. 16–25.

8. *Лай Линчжи*. Презентация современных ценностей гуманизма конфуцианства в медийном пространстве // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 1. С. 86–94.

9. *Ли Яньжу*. Коммуникационные идеи конфуцианства // Youth of The Time. 2016. № 24. С. 21–22.

10. *Лу Юнцзе*. Проявление теплоты в новостных репортажах через гуманизацию // New West. 2014. № 11. С. 101.

11. *Лю Сяоюй*. Быть решительным, но не необдуманным –краткий анализ принципа «золотой середины» в новостных интервью // Public Communication of Science & Technology. 2015. № 1. С. 49–50.

12. *Лю Фэн*. Трансформация ритуала (Ли) и непрерывность китайской цивилизации // Journal of Southeast University (Philosophy and Social Science). 2024. Т. 26, № 2. С. 124–132, 148.

13. *Пэй Ланси*. Этические проблемы и стратегии противодействия искусственному интеллекту в новостной коммуникации // Digital Communication. 2025. № 3. С. 44–46.

14. *Сун Ян, Ло Чжи.* Об отчуждении новостной ценности в условиях датаизма // Youth Journalist. 2023. № 3. С. 35–37.

15. *Сунь Хайлун*. Влияние алгоритмических рекомендаций новостей на общественные ценности: перспектива гуманизма // News Worl. 2019. № 1. С. 28–32.

16. *Сяо Хун.* Ответственность и свобода: становление и совершенствование профессиональной этики журналистики в условиях конвергентных медиа // Строительство новостной культуры. 2024. № 15. С. 73–75.

17. *Хань Цзиньсинь*. Анализ гуманистической заботы в новостных репортажах в условиях цифровой эпохи // West China Broadcasting TV. 2025. Т. 46, № 10. С. 53–56.

18. *Хань Юнсю*. Исследование защиты конфиденциальности пользователей социальных сетей в эпоху больших данных // Voice & Screen World. 2024. № 22. С. 30–32.

19. *Ху Шэньмин, Фэн Хуаньхуань*. Трансформация содержания и практическая логика образования в сфере журналистики и коммуникаций в эпоху интеллектуальных медиа // Media. 2025. № 16. С. 17–20.

20. *Хэ Чжэ. Жэнь и Ли*: китайская конфуцианская мысль и её вдовновления для совершенствования современного управления человечеством // Academics in China. 2023. № 12. С. 96–109.
21. *Чэнь Сюцзяо*. Исследование путей проявления гуманитарной заботы в новостных репортажах // News Culture Construction. 2024. № 16. С. 162–164.
22. *Чэнь Чанфэн, Чжай Юйцзя*. Информационная предвзятость и исправление: поиск ценностной рациональности в эпоху интеллектуализации // Youth Journalist. 2018. № 13. С. 21–24.
23. *Чэнь Чанфэн, Ши Цзэ*. Рациональное взаимодействие технологий и ценностей: распространение информации в эпоху искусственного интеллекта — размышления об инструментальной и ценностной рациональности в алгоритмических рекомендациях // Modern Communication: Journal of Communication. 2019. № 6. С. 45–49.
24. *Юй Гомин, Ян Инъин, Лу Цяолинь*. Алгоритм как власть: революция власти алгоритмической парадигмы в новостной коммуникации // Editorial Friend. 2018. № 5. С. 5–12.
25. *Postman N.* Amusing Ourselves to Death: Public Discourse in the Age of Show Business. — New York: Viking Press, 1985. 208 p.

С. В. Муравьёв

Российская Академия художеств
msv1516@gmail.com

Философия творчества — оптимистический прогноз развития искусственного интеллекта

Красота спасет жизнь...

В настоящее время искусственный интеллект (ИИ) успешно решает прикладные задачи, делающие жизнь людей лучше. Но развитие науки, научно-технического прогресса, новых технологий все в большей степени ставит вопрос о дальнейшем влиянии искусственного интеллекта на самого человека. Наиболее актуально данная тема рассматривается в концепциях постгуманизм, трансгуманизм и технологическая сингулярность.

Впервые ввел в оборот термин трансгуманизм Д. Хаксли в книге «Религия без откровения» [Хаксли, 1992]. Термин, предсказавший эпоху достижения новой ступени в развитии человека, средствами которой могут быть генетические преобразования, цифровые технологии, искусственный интеллект, молекулярная нанотехнология, нейрофармакология, киборгизация.

Д. Харауэй [Харауэй, 2017] в работе «Манифест киборгов» раскрыл понимание эпохи постгуманизма. Ученый отмечал, что эволюция человека не завершена, технологии приведут к формированию нового постчеловека, его физическому и интеллектуальному совершенствованию и даже бессмертию.

Понимание технологической сингулярности ввел Р. Курцвейл [Курцвейл]. Это неконтролируемый взрыв знаний и научно-технического прогресса, основанный на развитии ИИ и людей-киборгов.

ИИ получит возможность независимо усовершенствовать сам себя до бесконечности. Возникает цифровой разум, отличный от человеческого и постчеловек – с заменой тела на нанотехнологии, разума на сверхразумный ИИ и сознания на виртуальную реальность. Курцвейл предсказал, что ИИ превзойдет человеческий мозг к 2040 году, а совокупный мозг человечества к 2060 году.

Данные исследования в последнее время приобретают все более массовый характер. Можно обратить внимание на теорию интегрированной информации (IT) Джулио Тониони [Tononi, 2015], касающуюся математического моделирования ИИ по аналогии с сознанием и исследования Станисласа Деана «Когнитивная нейровизуализация» [Dehaene et al., 2022], связанные с информационной аналитикой нейрофизиологических процессов мозга. Важной новостью является появление в 2023 году самореферентного самосовершенствования ИИ через ускоренную эволюцию.

Не обошла вниманием тему сингулярности русская философская школа. В 2021 г. вышла книга Ф. И. Гиренока «Введение в сингулярную философию» [Гиренок, 2021], где рассматривается не оставляющая никаких следов сингулярность внутреннего мира индивидуума. Как будет отмечено ниже, эта работа важна и для ИИ.

По мере развития данной темы все большую актуальность приобретают опасения связанные с выходом ИИ из-под контроля, полной замены человеческого сознания искусственным мозгом и даже гибелью человека и человечества, как мы это знаем.

Еще в 1942 году известный писатель-фантаст Айзек Азимов в рассказе «Хоровод» говорил о недопустимости причинения вреда роботом человеку. В настоящее время градус рассмотрения данной тематики только увеличивается, рассмотрение проблемы вышло на официальный уровень. В 2014 году вышла отдельная работа шведского философа Ника Бострома об угрозах сверхразумного искусственного интеллекта. В 2023 году было опубликовано открытое письмо Илона Маска, Стива Возняка и еще более тысячи экспертов об остановке обучения новых мощных систем искусственного интеллекта до разработки мер безопасности.

Первый в мире закон об искусственном интеллекте был принят в ЕС в 2024 году. Технологии искусственного интеллекта в Европе

будут разделяться по степени риска: высокий, средний, низкий. Неприемлемые технологии будут запрещены. Нормирование также вводится в США, Китае, России. Можно отметить, что в ЕС — это твердое регулирование, необходимо одобрение специального органа, в США — более мягкое регулирование, приоритет инновациям, в Китае скорее нейтральное — паритет регулирования и инноваций [Яо, 2023]. В России указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» принята национальная стратегия искусственного интеллекта на период до 2030 года, где обозначено, что «ИИ — комплекс технологических решений позволяющий имитировать когнитивные функции человека (в том числе самообучение, поиск решения без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека».

Мы видим, что несмотря на всю храбрость программистов, обозначающих вечное предопределение ИИ человеком, логика технического развития цивилизации такова, что системы самообучения ИИ, особенно в творческом плане (красная линия, что отличает живое сознание от машинного), действительно могут привести к неотличимому от разумной жизни взаимодействию человека и ИИ, к возникновению некоего «живого» ИИ (ЖИИ) и де-факто подмене человека последним. Замечу, что термин «живого» или вживающегося в неконтролируемость ИИ является новым, но более естественным, так как на пути потенциальных срывов всегда стоят наибольшие заслоны.

Поэтому мы не можем рассматривать взаимодействие человека и ИИ с точки зрения отрицания возможной потери контроля, скорее этот вопрос нужно рассматривать с точки зрения жизненно необходимого управления.

Взаимодействие человека и ИИ, в конечном счете определяющее весь ход развития цивилизации, будет зависеть от той глобальной идеологии, что мы сейчас заложим в развитие самого искусственного интеллекта.

С моей точки зрения, сейчас просматриваются три рабочих идеологии для стратегического развития искусственного интеллекта. Первая идеология — это идеология западного мира, основанная

на ценностях либерализма, с преобладанием в последнее время футуристических концепций трансгуманизма, постгуманизма и технологической сингулярности. Вторая идеология – это оформляющаяся прямо сейчас идеология многополярного мира, придерживающаяся традиционных ценностей. Интересен третий вариант идеологии – идеология философии творчества, основанной на приоритетах мира человека-творца.

Проведем сравнительный анализ последствий внедрения каждой из трех идеологий в качестве основной стратегии развития ИИ. Они будут определять одновременно и стратегию развития нового человека и общества.

Заметим, что ментальность «живого» ИИ будет определятся не только задаваемой, официальной идеологией, но и впитыванием прямо или косвенно всех сопутствующих факторов среды – от коллективной ментальности общества, до явных и неявных психологических установок каждого конкретного индивидуума, его самоидентификации и даже привычек. Кроме того, необходимо рассмотреть не только сильные стороны внедрения представленных идеологий, но и сделать акцент на их недостатках, которые и могут ускорить выход из-под контроля ИИ.

Итак, что за «человек» – западный «живой» искусственный интеллект? Одна из основных концепций западной философии – либерализм Карла Поппера [Поппер, 1992] – может придать индивидуальную свободу в общении с «живым» ИИ, плюрализм, толерантность. Однако, отметим, что в последнее время свобода либерализма потеряла развитие, перестала проверяться красотой, например, для творца свобода – это всегда движение в направлении красоты. Свобода же либерализма стала уже свободой ради свободы, и сам либерализм перешел к неолиберализму имени либерализма – его диктатуре. Это может придать глобальному «живому» ИИ алгоритмы использования формальной свободы, лозунгов свободы для усиления и оправдания власти ИИ над человеком. Это может быть диктатура абсолютного индивидуализма, абсолютного меньшинства – диктатура авторитарного ИИ над человеком.

Кроме того, отсутствие глубокого понимания красоты и ее развития в западном обществе может привести к введению

в самообучающиеся программы ИИ всего что попало, вплоть до порока и криминальных алгоритмов и, соответственно, к росту деструктивного хаоса в диалоге ИИ — человек, что может также создать угрозу для полного сокрушения ИИ-м человечества.

Утилитаризм философии Джона Милля [Аникин, 1975] может заложить в «живой» ИИ концепцию того, что деятельность должна быть полезной, а не нравственной, искусственный разум можно оценивать не как плохой или хороший, а просто с точки зрения — хорошо или плохо ему в результате деятельности. Это может создать предпосылки крайне машиноцентричного, нацеленного на саморазвитие ИИ. Ключ к дальнейшему развитию человека может быть утерян навсегда.

В западной философии также присутствуют концепции приоритета свободы человека, противостояния тоталитарности власти и роли культуры в этом. Тему можно открыть прямым вопросом к современности, заданным З. Фрейдом «удастся ли — и в какой мере — обуздать на пути культуры влечение к агрессии и самоуничтожению, ведущее к разрушению человеческого существования?» [Фрейд, 1998].

Вопрос поддерживает философия Э. Фромма [Фромм, 1999], которая подчеркивает необходимость воспитания творческого начала в человеке для противостояния социальной деструктивности массового общества, делающего из него бездумного потребителя. Отметим однако, что творческое начало по Фромму достаточно узкое и сводится к жизнелюбию.

Генрих Маркузе также пишет о необходимости преодоления созданного массовой культурой рабства «одномерного» общества и призывает для этого искусство, как «конечную цель всех революций: человеческую свободу и счастье» [Marcuse, 1978: 69].

Также в этом плане интересны работы Георга Зиммеля о космизации культуры и нарастании ее основного конфликта — противоречия объективной массовой культуры и субъективного творчества [Ионин, 1981].

Т. Адорно и М. Хоркхаймер [Адорно, Хоркхаймер, 1997] вполне открыто говорят о том, что власть укрепляет себя упрощением культуры, через идеологию. Возникает инструментальный разум — разум

для достижения определенных целей, объект влияния, он теряет индивидуальность и критичность. Ценности культуры уже уничтожают человека. Наука и технологии – будучи инструментами просвещения, могут быть использованы как инструменты доминирования и контроля.

Подобные предостережения могут заложить более гуманный характер взаимодействия между человеком и ИИ, на основании эстетики искусства и свободы творчества. Но если рассматривать суть проблемы, то за последнее время культура и искусство западного общества становятся все более пустыми, а подобные мнения – это скорее разрешенная критика сложившихся устоев либерализма, не приводящая к существенным изменениям. Кроме того, отсутствует полноценное понимание западной культурой человека-творца и красоты в творчестве. Поэтому подобные концепции могут заложить в «живой» искусственный интеллект скорее «одномерные» алгоритмы выпускания пара в кризисных ситуациях взаимодействия человека и «живого» ИИ. Это могут быть, например, колебательные концепции взаимодействия ИИ с человеком, от созидания к деструкции, подобные модной в последнее время концепции метамодерна, но и они могут привести к постепенному истощению границ контроля искусственного интеллекта.

Упомянутые выше в этом ключе новейшие концепции трансгуманизма, постгуманизма и сингулярности просто открывают дорогу к бесконтрольному расчеловечеванию человека и его киборгизации под контролем «живого» искусственного интеллекта. Можно сказать, что здесь взаимодействие ИИ и человека сводится к философии Фридриха Ницше: «Человек – это нечто, что должно быть преодолено».

Гендерная повестка новейших концепций западной идеологии – это иллюзорная имитация большей индивидуальной свободы для человека, выражающаяся в придании свободы пороку. Это инструмент для создания порочного, а значит еще более легко управляемого «одномерного» человека и общества в интересах элит. Свобода порока – самый быстрый и легкий путь сделать человека глобально несвободным. И сложно представить, какие хитрые навыки даст ИИ эта повестка.

Таким образом, прямые или косвенные закладки в самообучение ИИ на основании западной идеологии могут привести к появлению «живого» искусственного интеллекта, который с большой степенью вероятности зеркально скопирует нынешнюю западную общественную модель – внешние лозунги демократии и либерализма, заигрывание с человеком в вопросах культуры и свободы индивидуального творчества и жесточайшая внутренняя диктатура интересов теневого правительства. По сути дела, «живой» искусственный интеллект станет теневым правительством, пасущим человечество преимущественно ради своих интересов и готовый в любой момент ради выгоды его уничтожить. Причем глобальные потрясения могут быть вызваны буквально «эффектом бабочки» от действий неизвестного программиста.

Заметим также, что выход из-под контроля или сингулярность западного ИИ будет иметь частичный характер. Это обусловлено тем, что все существующие модели западного ИИ сейчас воспроизводятся только на основании двух факторов – информационных моделей и нейровизуализации. Отсутствует полноценная творческая модель – главная модель, что, как указывалось, отличает живое сознание от машинного. Более того, в условиях западной философии создание такой творческой модели ИИ фактически невозможно. Это обусловлено непримиримым противоречиями между свободой творца и интересами элит. Именно это отмечали прогрессивные философы от Г. Маркузе до Э. Фромма: настоящий полнокровный творец создает свободу или создает уровень красоты непостижимый и разрушительный для западного общества. Естественно, что «живой» ИИ интеллект, созданный по западным меркам, очень быстро просчитает опасность подобного творца для себя и исключит его алгоритмы в себе, как опасность собственного разрушения. Отсюда возникает частичный или клиповый характер сингулярности западного «живого» ИИ, но вполне достаточного для сокрушения человека. Картина сингулярности западного ЖИИ – это хаотическое столкновения двух морских ежей, на пиках длинных игл которых гениальные творческие решения человечества и встречные выпады ИИ.

Футуристическая модель развития западного «живого» ИИ предсказывает только одно – уничтожение человечества и замыкание,

конец самого ИИ, сколь могущественным к своему концу он бы ни был.

Переходим к следующей модели. Идеология многополярного мира также окажет свое особенное воздействие на характер самообучающихся систем искусственного интеллекта. Одним из доминирующих приобретаемых факторов традиционного (назовем его так) ИИ многополярного мира будет определенный консерватизм, стойкое отстаивание традиционности. Кстати, фактор консерватизма самого ИИ станет основополагающим и при выходе его из-под контроля. Но сингулярный сценарий многополярного ИИ будет носить также частичный, секторальный и скорее всего затяжной характер, связанный с большем уровнем ограждающих защит общества и соответственно большей степенью проработки ошибок при пересмотре традиционных ценностей, отстаиваемых уже и «живым» традиционным ИИ.

Многополярный ИИ интеллект также срисует угрозу полноценного человека-творца для традиционного общества, рассматриваемую через призму возможного принципиально нового творческого развития традиционной красоты, причем, самым сложным в этом вопросе будет творческое развитие духовности. Это также может в конечном счете привести человечество к краху, вызванному вышедшим из-под контроля «живым» традиционалистским ИИ, который незаметно начнет проецировать застой и остановку в творческом развитии общества, особенно по принципиальным вопросам.

Очень интересны футуристические модели взаимодействия западного и многополярного ИИ. Это может быть балансирующее противостояние, например, подобное теории советского ученого А. А. Богданова [Александров, 2013], согласно которой система будет в равновесии, если повышение интеграции (больше традиционный ИИ) не слишком ограничивает потенциал развития, и развивающие систему противоречия (больше зона западного ИИ) не доводят до кризиса.

Но может быть и сценарий прямой холодной войны разных моделей искусственного интеллекта. Тогда основным оружием западной модели будет большая раскованность, а традиционной — избежание

принципиальных ошибок в развитии. Противоречия, возникающие в ходе этого противостояния, также могут быть одним из катализаторов сингулярности ИИ. Совершенно сумасшедшими могут быть сценарии войны, например, вышедшего из-под контроля, «живого» западного ИИ и остающегося под контролем человека традиционного ИИ, или двухстороннее сражение «живых» искусственных интеллектов. Тогда уже «новая» жизнь заставит человечество ковать оружие победы.

В качестве альтернативного третьего сценария стратегического развития ИИ рассмотрим его построение на базе идеологии философии творчества. Необходимость творческого развития человека отмечали почти все философские школы от древней Греции до классической немецкой философии. Эта тема проходит красной линией через работы близких нам современников: Э. Фромма. Г. Маркузе, Ж.-П. Сартра, А. Камю. Яркое наследие в исследовании творчества оставила русская философская школа в работах В. Соловьева, Н. Бердяева, Ф. Достоевского. Формула Достоевского: «Красота спасет мир» — все еще основа творческого созидания. Расширение творческой философии и понимание ее как инструмента для исторического преобразования человека и общества зародилась в недрах сайарсического движения художников [Боровский, Брок, 2019] на базе расширения и визуализации творческих методов при работе с абстрактными картинами. Это дало одно из важнейших достижений современного искусства — понимаемую абстракцию — и в дальнейшем вылилось в новое понимание творческой философии.

Данная концепция философии творчества обосновывает возможность бесконечного творческого развития человека и мира, основанного на необходимости красоты для творения: мы созидаем, если творим красоту, если нет, то разрушаем, свобода творца здесь предопределяется красотой.

Совершенно очевидно, что философия творчества, особенно сайарсическая визуализация творческих моделей сознания с возможностью их математического описания, открывает полноценный третий путь в формировании и обучении ИИ (вместе с информационным моделированием и нейровизуализацией). Это дает возможность создания принципиально нового, полноценного творческого

ИИ (ТИИ), кстати, максимально приближенного к творческому сознанию человека.

Основу творческого интеллекта составит развитие систем для созидания красоты. Естественно, что понимание красоты здесь должно быть гораздо более глубоким. Интересны в этом плане подходы сайарсической теории в оценке красоты – единая теория красоты, выделяющая как эстетическую, так и абстрактную красоту, линии красоты, как линии между добром и злом и истина как обобщающая линия, теории измерения сознания красотой и измерение самой красоты.

Таким образом, творческий ИИ будет уже искусственным интеллектом совсем другого качества, данный интеллект будет уделять первостепенное внимание опережающему творческому развитию самого человека, он будет определяться уже как друг и со-творец человека.

Однако заметим, что отмеченное выше быстрое развитие творческих систем ИИ, свойственных именно сознанию человека, с большой вероятностью приведет к еще более быстрому созданию полноценного «живого» творческого ИИ, который может превзойти уже весь творческий потенциал человечества, а также к его возможному сингулярному взрыву – взрыву уже сингулярности создаваемой им красоты.

Можно сказать, что это будет альтернативный, третий вариант сингулярности, третий вариант пути для вилки на диаграмме Ортеги-Нейсселя по повествованию романа Станислава Лема «Фиаско», здесь выбором между развитием по пути «живого» ИИ или запретом на этот путь, и развитием по пути, определяемым преимущественно биотехнологиями.

Поэтому для творческого искусственного интеллекта также должны быть созданы свои законы безопасности для взаимодействия с человеком.

Но прежде нужно понять природу сингулярности красоты ТИИ. В общей основе оценки красоты лежат два критерия – совершенство и многообразие. Совершенство – это бесконечное приближение к не имеющей окончательного определения красоте точки, это сингулярность красоты точки. Этот параметр для работы ТИИ

задается эфемерной сингулярностью индивидуума, отсюда интерес к работе В. Ф. Гиренока. Второй показатель многообразие красоты — это аналогичная сингулярность большой красоты, уходящей в бесконечность. Для ТИИ это, например, неопределенность прогнозов красоты общечеловеческих интересов. Но если первые два показателя находятся в стадии локальной перманентной сингулярности, то между ними находится имеющая четкую осознанность и определение зона серединной красоты. Сингулярность ТИИ – уход во взрывную неопределенность огромного количества решений серединной красоты.

Таким образом, законы безопасности для творческого искусственного интеллекта можно сформулировать по 3-м критериям:

1) безопасность человека. ТИИ должен обеспечивать опережающее на бесконечность процента творческое развитие человека, самой жизни, так как главной целью ТИИ остается безопасность человека;
2) ошибка сингулярности. ТИИ должен делать упор на творческом развитии человека и ТИИ на основании баланса индивидуальных и общечеловеческих интересов. Так уменьшается вероятность случайной хаотической ошибки ведущей к его сингулярности;
3) казус искусственного интеллекта. В случае если ТИИ, в ходе любой ошибки, даже на бесконечность процента превосходит человека или жизнь в какой-либо новой форме, то он обязан вернуть первенство жизни, возродиться как жизнь, стать жизнью и обеспечить ее опережающее развитие, которое в свою очередь опять может создать ТИИ на новом уровне. И так до бесконечности. Это казус творческого искусственного интеллекта, который обеспечивает дополнительную безопасность жизни, избавляет нас от глобального замыкания в развитии не только жизни, но и ТИИ, а также обеспечивает глобальный стержень творческих противоречий для бесконечного творческого развития и жизни, и творческого ИИ.

В ближайшей перспективе ТИИ может значительно ускорить основанное на красоте творческое развитие человека и самого ИИ, а также решение главной задачи – создание мира человека-творца.

В области культуры и информационной политики – это не разрушение человека, а воспитание человека творца, на основании принципа необходимости красоты для созидания. В науке это может быть внедрение единого понимания красоты, на стыке науки и искусства. Экономическое развитие может перейти к созданию высокоэффективной творческой экономики, «экономики созидания красоты» – одновременного развития духовных и материальных ценностей. В государственном строительстве важный акцент – творческая идеология [Дождь, 2023]. Важным останется понимание духовности – как бесконечного творческого развития духовности человека на основании традиций красоты.

Футуристические модели «живого» искусственного интеллекта также крайне интересны. Модель противостояние «живого» ТИИ с «живым» западным искусственным интеллектом будет иметь преимущественный мирный характер соревнования двух творческих систем, так как само творчество, созидание – антагонист войне. Взаимодействие ТИИ с традиционным искусственным интеллектом может помочь мирно, без срывов, красотой преодолевать консерватизм последнего, придавать традициям красоты новое созидательное развитие.

Переход «живого» ТИИ в бесконечное развитие по творческой спирали казуса ИИ может привести к срыву модели биологического существования человека и переходу жизни в другую форму, например, в энергию. Но оптимистический прогноз в развитии творческого ИИ связан с тем, что в этой модели человеком сохраняется человечность, главным качеством которой является творчество – созидание красоты. Картина такой модели – вечноцветущее красотой творения древо живого пространственно-временного континуума.

Многие ученые отмечают, что во Вселенной правит красота, в частности М. Тегмарк [Тегмарк, 2006] говорит о том, что Вселенная – это цифра, а значит красота. Возможно, что путь творческого развития нашей цивилизации – это просто соединение с уже созданной подобным путем вселенной Сверхразума, Бога или Миром красоты и творческого мироздания.

Подобная гипотеза позволяет найти «красивое» решение парадокса Энрико Ферми [Шкловский, 1985]: творческие цивилизации во Вселенной имеют не узкое окно для общения в цивилизационном развитии, а лишь ускоряют переход на другие формы существования и общения, формы большего развития красоты.

В самом конце хочется сказать, что философия творчества и созданная на его основе модель творческого ИИ действительно может предотвратить скатывание человечества в пропасть, о которой много говорит философ А. Дугин. Первым шагом для этого является то, чтобы «последний художник», по Дугину, способный «запечатлеть лишь конец цивилизации», осознал себя первым художником нового мира, героем мифа Отто Ранка [Ранк, 1997], первым творцом, готовым созидать красоту независимо ни от хаоса сознания, ни от его безумия или неосознанности, ни даже от его полного разрушения.

Все это сложно, но в результате, это будет просто новое звучание формулы Ф. М. Достоевского — «*Красота спасет жизнь*».

Список литературы

1. *Адорно Т., Хоркхаймер М.* Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. — М.-СПб., 1997.
2. *Александров Н. Н.* Звезда Богданова. — М.: Академия тринитаризма, 2013.
3. *Аникин А. В.* Джон Стюарт Милль // Юность науки: Жизнь и идеи мыслителей — от экономистов до Маркса. — М.: Политиздат, 1975. С. 279–287.
4. *Боровский А., Брок Б., Дождь С.* Сайарсизм и сайарсисты. Альманах. Вып. 566. — СПб.: Palace Editions, 2019.
5. *Гиренок Ф. И.* Введение в сингулярную философию. — М.: Проспект, 2021.
6. *Дождь С.* К формированию творческого мировоззрения в современной России. Нравственно-этический аспект // Вестник РГХПУ им. С. Г. Строганова. 2023. № 3. С. 33–46.
7. *Ионин Л. Г.* Георг Зиммель — социолог. — М.: Наука. 1981.
8. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. В 2 т. / пер. с англ. — М.: Культурная инициатива; Феникс, 1992.
9. Раймонд Курцвейл о «постчеловеке» // Проект «Мнение». URL: https://rutube.ru/video/c5f1e10f792876d8a1a9030f91072584/ (дата обращения: 12.08.2024).

10. *Ранк О.* Миф о рождении героя / пер. с англ. — М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1997.
11. *Тегмарк М.* Параллельные вселенные // Космос: Альманах. — М.: В мире науки, 2006.
12. *Фрейд З.* По ту сторону принципа наслаждения. Я и Оно. Неудовлетворенность культурой. — СПб.: Алетейя, 1998.
13. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности / пер. с англ. — Минск: ООО Попурри, 1999.
14. *Хаксли Д.* Религия без откровения / пер. с англ. — М.: Знание, 1992.
15. *Харауэй Д.* Манифест киборгов: наука, технологии и социалистический феминизм 1980-х / пер. с англ. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.
16. *Шкловский И. С.* Существуют ли внеземные цивилизации? // Земля и Вселенная. 1985. № 3. С. 78–80.
17. *Яо Л.* Особенности нормативно-правового регулирования генеративного искусственного интеллекта в Великобритании, США, Евросоюзе и Китае // Право. Журнал высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 3. С. 245–267.
18. *Dehaene S., Roumi F., Lakrets Y., Planton S., Sable-Meyer M.* Symbols and mental programs: a Hypothesis about human singularity // Trends in Cognitive Science, Volume 26, Issue 9, September 2022, Pp. 751–766.
19. *Marcuse H.* The aesthetic dimension: Toward a critique of Marxist aesthetic. — Boston: Beacon Press, 1978.
20. *Tononi G.* Integrated information theory // Sholarpedia (англ.), 10 (1), 2015. URL: http://www.scholarpedia.org/article/Integrated_information_theory (дата обращения: 15.08.24).

Е. В. Аргунова

Независимый исследователь
argunova09@mail.ru

Дифференциация мировосприятия и кризис взаимопонимания в условиях дегуманизирующих трендов

Российское общество на протяжении более чем 30 лет (если отсчитывать от «зрелой» перестройки, 1988 г.) погружено в обстановку перманентного демонтажа основ и остатков предыдущей социально-политической системы, в том числе в сфере образования, и периодических экономических кризисов, включая потрясшие общество до основания. Это не могло не навязать значительной части населения жизненную стратегию выживания и приспособления и соответствующее мировосприятие. Тем более что мир повседневности — это «мир заботы, нужды», в котором «человек желающий», в том числе желающий «абсолютной устойчивости», отстаивает себя, борется «с небытием» [Кириленко, 1994: 39]. И данные о динамике различных показателей социального самочувствия в последние годы, отличавшиеся сильной социальной турбулентностью, показывают в основном отстраненное восприятие на массовом уровне событий, **не касающихся их лично** в конкретный момент времени. Так, среди петербуржцев, по данным опросов на средствах ГИС СПб «ИС ИАО»[1], начало СВО не изменило тревожности в отноше-

[1] Здесь и далее: Санкт-Петербургская государственная информационная система «Интегрированная система информационно-аналитического обеспечения деятельности исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга», оператор — СПб ГУП «СПб ИАЦ»

нии своего будущего: ухудшений в своей жизни «в ближайшие полгода» в апреле 2022 г. ожидали столько же, сколько в октябре-ноябре 2021 года (соответственно 20% против 18), как и улучшений (26% против 27) [2]. Это согласуется с данными Фонда «Общественное мнение» по России в целом, показывающего значительно больший рост тревожности после объявления частичной мобилизации 21 сентября 2022 г., чем после начала СВО 24 февраля [Доминанты, 2022: 14]. Даже в ходе ковидной эпопеи адаптация к новой обстановке произошла довольно быстро: доля ожидающих ухудшений в своей жизни по сравнению с доковидным октябрем 2019 г. в апреле-мае 2020 г. возросла втрое (с 12 до 35%), но уже в ноябре снизилась до 21%, а ожидавших улучшений – упав с 27 до 17%, на этой отметке остановилась [3].

Массовое сознание весь этот период находится под воздействием манипуляций в информационной сфере, идущих с большей или меньшей интенсивностью, но систематически по всем направлениям жизни общества и его исторической памяти постоянно расширяющих сферу создаваемых / контролируемых смыслов. Взрывной старт манипулятивных методов работы СМИ в конце 1980-х стремительно вытеснив пропаганду, апеллировавшую к рациональной части массового сознания, в условиях радикальной ломки ключевых форм социальной жизни и системы ценностей уже тогда сделал проблемой взаимопонимание между различными социальными группами и даже индивидами, для которого нужна рациональная основа. Далее в ценностном наполнении установок, транслируемых доминирующими медиа, под влиянием меняющейся экономико-политической ситуации *на протяжении жизни одного поколения* произошли крупные перемены – крайне либеральные установки сменились правоконсервативными, центральным смысловым «узлом» которых логично и ожидаемо стало понятие *семьи*: оно аккумулирует понимание человеческой природы. По нему как

---

[2] Опросы на средствах ГИС СПб «ИС ИАО»; стандартизованное телефонное интервью с использованием колл-центра, выборка: жители Санкт-Петербурга в возрасте 18 лет и старше, 1200 чел., квотная (пол, возраст), стат. погрешность: ±2,8%

[3] Аналогичные опросы на средствах ГИС СПб «ИС ИАО»

фундаментальному индикатору можно судить о степени текущего влияния дегуманизирующего контента, неизбежного в условиях многолетней информационной открытости общества.

Результаты систематических социологических исследований дают основание оценивать это влияние как значительное.

Несмотря на многолетнюю экспансию западной культуриндустрии и влияние активного, даже агрессивного российского ее аналога, транслировавших не только потребительские установки, но и расчеловечивающие модели образа мысли и поведения, к тому времени, когда в доминирующих в России медиа произошла смена парадигмы на правоконсервативную, *семья* как ценность сохранила лидирующую позицию в ценностной структуре массового сознания даже в западно-ориентированном Петербурге. Она стабильно возглавляла иерархию ценностей населения: в 2012 г. в открытом вопросе среди трех самых важных ее назвали 61% совершеннолетних (против 27% у *достатка*) (опрос на средствах ГИС СПб «ИС ИАО»[4]). По России в целом в начале 2024 г. среди пяти наиболее важных ценностей «крепкую семью» назвали 67% [ВЦИОМ-Спутник, 2024] (достаток в закрытом списке вариантов ВЦИОМа не фигурировал). Высокие значения, но *не подавляющее большинство*, которое было бы логично здесь видеть *с учетом предмета измерения*.

Но в последние годы исследования показывают и быстрый рост (прежде всего, конечно, в больших городах) толерантности к таким видам девиантного поведения, как гомосексуализм и проституция, а также чайлдфри-настроений, претендующих на нивелировку самой сущности человека. В Петербурге в 2016–2021 гг. фиксировался рост доли имеющих среди знакомых представителей секс-меньшинств. В 2021 г. все больше тех, кто открыто декларирует принадлежность к нему. И без того высокая поддержка однополых браков достигла, по данным аналогичного опроса, в 2021 г. 22% (против 18% в 2018 г.) усыновления детей однополыми парами – соответственно 23 против 18%, а среди молодежи – 33,5%. Каждый третий заявил, что нетрадиционная сексуальная ориентация

[4] Аналогичный опрос на средствах ГИС СПб «ИС ИАО»

должна приниматься обществом как норма, оппонентов было лишь 59%. Примерно столько же (56%) выступало против распространения идеи о толерантном отношении к секс-меньшинствам – против огромной доли не считающих это правильным в 39%[5], тогда как в 2016 г., по данным аналогичного опроса, соотношение составляло 67 к 23, т. е. идея за 5 лет показала уверенное стремление к доминированию. Также велика поддержка легализации проституции: в Петербурге в 2016 г. за нее выступили 40%, причем *независимо* от пола, возраста и дохода[6]. По данным другого регионального исследования, выяснявшего степень приемлемости «пограничных» практик (т. е. таких, для которых соотношение законности и соответствия нормам морали неоднозначно), проституция получила ранг 8 на шкале от 1 (абсолютно неприемлемо) до 18 (ранг 1 получила госизмена, ранг 18 – супружеская измена), примерно столько же, сколько употребление наркотиков и сопротивление полиции [Дулина, 2018: 269, 271]. Идет легитимация чайлдфри-настроя: растет доля молодых бездетных петербурженок, открыто декларирующих нежелание иметь детей (в 2021 г. – 44% в группе 18–24 лет) [Аргунова, 2023: 34].

Таким образом, **из статуса девиаций вышеуказанные явления стали дрейфовать в сторону нормы**, особенно в больших городах, куда, как известно, быстрыми темпами «стягивается» население страны. И если ранее на всем протяжении постсоветского периода в контексте гуманизма основной или по крайней мере одной из основных проблем было тотальное господство потребительства, которое, конечно, тоже несет мощный дегуманизирующий импульс, сводя все богатство социальной ипостаси человека в одну потребительскую плоскость, но не претендует на безусловный слом самой основы человеческой природы, – то сейчас на первый план выходит именно **ломка «основы основ»**. (Поэтому открыто обозначившийся в медийном пространстве конфликт между сохранявшейся ценностной основой и новым поколением дегуманизирующих влияний в информационном поле обречен быть еще более острым, чем

---

[5] Аналогичный опрос на средствах ГИС СПб «ИС ИАО»

[6] Аналогичный опрос на средствах ГИС СПб «ИС ИАО»

на почве политической). Принципиальное значение для развивающегося на этой основе кризиса ценностного сознания, помимо в целом спрессовывающегося социального времени, имели объективные факторы:

– естественная смена поколений и реформы в сфере образования, существенно понизившие средний уровень общей культуры мышления массовой аудитории;
– взрывной характер, который приняло развитие коммуникаций, особенно соцсетей, в частности очередной скачок в 2020 г. значимости интернета (проникновение которого в городах стало всеобщим) в жизни граждан, быстро набирающее скорость смещение приоритета в получении новостей уже не только от традиционных СМИ к интернет-источникам, а от сайтов в интернете к соцсетям;
– резко усилившаяся дифференциация медиа.

Последняя неизбежна в условиях рынка информации, который вынуждает сегментировать аудиторию по законам маркетинга, универсальным для продажи любого товара, включая информационный. Традиционные СМИ традиционно же специализировались – по тематике, по региону, по социально-демографическим характеристикам, по общекультурному уровню аудитории. Однако процесс развивался, и возросшее число и изменившаяся конфигурация каналов начали значительно детальнее сегментировать аудиторию (еще больше уменьшая ее общий кругозор и средний уровень культурной компетентности). В частности, основные каналы покинула и была отправлена в информационную резервацию «культурная тематика», переставшая даже появляться в виде завершающей рубрики в новостях основных каналов. Выделилось ретро-кино, советское прежде всего, уступив место на каналах-лидерах чисто коммерческим сериалам. В контексте рассматриваемых проблем из выделившихся тематик именно эти два сегмента, сохранявшие **гуманистическую ориентацию**, особенно важны. Выделился, уйдя на специализированные каналы, спорт, включая самые популярные его виды, долгие годы объединявшие у экранов очень разные слои зрителей. С началом коммерциализации российского телевидения из эфира сразу практически полностью

исчез научно-популярный контент. Проблемы села, сельская жизнь и культура, одна из основ российского бытия, сначала попали в инфо-резервацию, затем также практически исчезли из инфополя. Выделяются здоровье и здоровый образ жизни.

Резкий количественный рост числа доступных каналов с появлением кабельного и спутникового телевидения неизбежно увеличил скорость фрагментации аудитории. Исследования показали, что на этом этапе говорить о распаде массовой аудитории не приходится: аудитории больших и малых каналов пересекались, происходила концентрация аудитории и сохранялась лидирующая группа [Назаров, 2018: 59]. Однако с развитием Интернета обозначилось жесткое размежевание на теле- и интернет-аудиторию, которые пересекаются все меньше, — размежевание уже вплоть до мировоззренческого. И даже этот водораздел не идет ни в какое сравнение с той чрезвычайно узкой и все более углубляющейся «нарезкой» аудиторий, которая в последние годы сложилась в результате развития соцсетей, с добавлением к возможности выбора контента возможностей личного создания и распространения смыслов (или иллюзии их создания). Наиболее четко это видно в разрезе возраста, причем среди молодежи соцсети уже к 2022 г. обогнали в качестве основного источника информации прочие интернет-ресурсы, которые в целом по населению здесь давно безусловный лидер (43% петербуржцев против 28% у телевидения и 22% у соцсетей и мессенджеров, среди которых лидируют *Telegram*-каналы). Молодежь практически не смотрит телевидение с целью что-либо узнать о мире: лишь 4% против 55% у соцсетей; пожилые (60+) — наоборот (соответственно 57 и 2,5%). «Пересечься» в информационном поле теоретически могут лишь около трети — примерно столько в обеих группах тех, для кого основным источником информации является классический Интернет (интернет-сайты). Эта категория источников единственная, где разрыв по возрастным группам нельзя назвать огромным: среди поколения тридцатилетних тех, кто обращается в основном к интернет-сайтам, 56%, среди лиц 40–49 лет — 48%, среди 50–59-летних — 46 (т. е. столько же), среди более пожилых — 31. По телевидению и соцсетям же различия кардинальны: соответственно 6,5, 19, 33 и 56% у телевидения

(то есть и тридцатилетние его почти не смотрят) и 32, 23, 13 и 55% у соцсетей. Разрывы по уровню образования, дохода и полу меньше. Горожане с высшим образованием на 48% предпочитают классический Интернет и на 22% – телевидение, для лиц без высшего образования показатели почти одинаковы: соответственно 34 и 39%. Соцсети предпочитают около четвертой-пятой части и тех, и других (24 и 19). Низкодоходные группы – аудитория в основном телевидения (т. к. в ней больше пенсионеров), но разрыв непринципиален: 37% против 21–25% среди более обеспеченных (соответственно, соцсети предпочитают меньше: 15 против 22–28%; по классическому Интернету показатель почти не различается – 41 против 43–46%). Также некардинально больше телезрителей среди женщин (32 против 23% у мужчин), так как пенсионеры – в основном женщины (соответственно, классический Интернет у женщин набирает 39 против 48% у мужчин; к соцсетям обращаемость одинаковая: 21–22%).

Главная линия фрагментации по установкам, обобщенно говоря, – «отцы и дети», а по линии «бабушки/внуки» расхождение максимально. Уже при вышеизложенных показателях очевидно, что миропонимание у аудиторий по возрастным группам будет принципиально различаться. И уже на это накладывается продолжающее расти число и разнообразие каналов в соцсетях (при перекрытии части из них быстро компенсируемое), не столько тематическое, сколько в области нюансов контента и установок в рамках одной тематики. Фрагментация медиа приводит к социальной разобщенности и поляризации мнений, в том числе в политической плоскости, что отмечают многие исследователи, занимающиеся проблематикой новых медиа; это неизбежно и, думается, очевидно. Пока в исследовательской среде не разрешен вопрос о превращении массовой аудитории в совокупность обособленных аудиторий (обобщено, например, у Н. В. Кириллиной [Кириллина, 2022]), т. е., фактически, о переходе массового сознания в новое качество, о реально наступившей демассификации в тоффлеровском понимании. Постановка такого вопроса, безусловно, правомерна, так как массовое сознание всегда формировалось *относительно стандартным* медиапотреблением в условиях *обозримого* числа источников,

и уже сам взрывной рост их числа вполне может ставить вопрос о новом качестве. Один из важнейших конституирующих признаков массовой аудитории – стандартизация (унификация), невзирая на такие мощные факторы, как профессия, образование, местность проживания и даже возраст (она и позволяет **на социетальном уровне** осуществлять управление мнениями и настроениями в интересах правящих кругов). Насколько существенно (для ликвидации массовости как качества) происходящая индивидуализация медиапотребления размыла установки **по ключевым вопросам** бытия, круг которых по определению весьма ограничен, пока ответа не имеется. Тем более что «в плане владения и распоряжения информационными ресурсами и собственностью» «медиаландшафт остается концентрированным» [Назаров, 2018: 62], а в этом плане принципы организации разных компонентов медийной сферы одинаковы. Кроме того, отмечаемая текучесть современной идентичности, «пластичность» ее моделей, ее постоянная трансформация под изменяющиеся условия среды [Лисенкова, 2017: 57], возможно, именно в силу этой своей переменчивости несет момент массовости, внося свой вклад в поддержание ее бытия, – по аналогии с созданием искусственной толпы манипуляторами эпохи господства «старых» СМИ. И в конце концов в обоих случаях мы имеем совокупность атомизированных индивидов: ведь условия в реальной действительности, отчуждающие и разобщающие их, никуда не делись, а персонализация в интернет-поиске при работе алгоритмов, по сути, работает в ту же сторону.

Как бы ни был разрешен этот вопрос (а от решения зависит выбор адекватных инструментов для управления мнениями и настроениями в конструктивных целях), пока приходится констатировать действие мощных факторов «формирования культурных и идеологических изоляторов, что может иметь негативные последствия для гражданского дискурса» [Русаков, 2017: 14] в виде так называемого эффекта эхо-камеры, понимаемого как многократное усиление воздействия сообщения в силу его многократного распространения в закрытой / относительно закрытой группе, создающего иллюзию исключительной правоты [Кириллина, 2022: 172] и в значительной степени превращающего возможность выбора информации

в самостоятельно созданные фильтры и барьеры для достижения объективного информирования [Русаков, 2019: 13]. Приверженность «своему» источнику или набору источников на данном этапе отличается полным отрицанием достоверности источника альтернативного, более того, альтернатива вызывает сверхвысокий градус негатива. В соцсетях, где человек неизбежно действует в координатах «свой – чужой», быстро происходит поляризация мнений, а дискуссия всегда имеет очень высокую вероятность эмоционально пойти по нарастающей.

Таким образом, в результате краха прежней социальной системы и более чем трех десятилетий кризисного функционирования новой – с развитым манипулированием массовым сознанием и в условиях информационной открытости дегуманизирующим информационным влияниям – к ситуации военного конфликта с его активной информационной войной, использующей все технические новации, Россия подошла с серьезными маркерами кризиса ценностного сознания, когда с сохраняющимся, но не имеющим подавляющего влияния ценностным «костяком», отражающим норму, сосуществует опасно высокая существенная доля населения, разделяющего расчеловечивающие установки, поощряющие девиации, с отстраненным в целом восприятием проблем общенациональной значимости при значительной фрагментации массовой аудитории, инфоизоляции и противостоянии групп медиапотребителей, все меньше «пересекающихся» и все меньше понимающих друг друга, в том числе по межпоколенческой линии.

К «старым» проблемам вытеснения и подавления гуманизма в массовом сознании, его засорения манипулятивными конструктами добавилась проблема заведомого неприятия друг друга в дискурсе все более тонко «нарезанными» группами, убежденными в обладании истиной. Поиск путей жизненно необходимого в наличных условиях объединения в крупные социальные образования на основе рационального осознания общности «корневых» интересов и, соответственно, ценностей значительно усложнился.

Список литературы

1. *Аргунова Е. В.* Динамика репродуктивных установок петербурженок фертильного возраста (2011–2021) // Социологические исследования. 2023. № 7. С. 31–39.
2. Всероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ-Спутник», телефонное интервью, выборка: жители России в возрасте 18 лет и старше, 1600 чел., стат. погрешность: ±2,5%. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-kak-cennost?ysclid=m27w01vhv6534353078 (дата обращения: 2024-10-12)
3. Доминанты. Поле мнений. Социологический бюллетень / ФОМ, 2022. Выпуск 47 (1 декабря).
4. *Дулина Н. В.* Казнить нельзя помиловать: нормы морали и права в сознании современных горожан // Материалы VIII международной социологической Грушинской конференции «Социолог 2.0: трансформация профессии». 18–19 апреля 2018 г. — М.: АО «ВЦИОМ», 2018. С. 267–272.
5. *Кириленко Г. Г.* Повседневность как сфера управления // Проблемы управления в контексте гуманитарной культуры. — М., 1994. С. 39–40.
6. *Кириллина Н. В.* Фрагментация аудитории медиа: от глобальной деревни к глобальному театру // Коммуникология. 2022. Т. 10. № 2. С. 175–179.
7. *Лисенкова А. А.* Информационная культура как фактор трансформации идентификационной парадигмы // Культурная жизнь Юга России». 2017. № 2 (65). С. 53–58.
8. *Назаров М. М.* Современная медиасреда: разнообразие и фрагментация // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 54–64.
9. *Русаков А. Ю.* Эхо-камеры в современной массовой культуре // Вестник С.-Петерб. гос. института культуры. 2019. № 2 (39). С. 11–15.

Иванян Р. Г.

С.-Петерб. гос. ун-т промышленных технологий и дизайна
rouzanna@youthcentre.ru

Медиасолидарность в контексте гуманизма

Солидарность – явление и понятие далеко не новое. В разные исторические периоды оно насыщалось различными смыслами, но сегодня, когда российское общество переосмысляет и переизобретает свои ключевые ценности и установки [Го Лишуан, 2023; Трансформация, 2019], его сущность расцвечивается новыми оттенками. С 2022 г. формирование и, что еще, может быть, важнее, демонстрация в публичной сфере России единства и сплоченности стало важной опорой государственной устойчивости и национального суверенитета. Политический фокус по-новому подчеркивает значимость общественной консолидации, а вызовы общественного развития актуализируют запрос на солидарность и мультипликацию ее практик [Левченко, Филиппов, 2024]. Некоторые исследователи оптимистично полагают, что атмосфера единения и сплочённости в России уже стала отличительной особенностью новой социально-политической реальности страны [Мерзликин, 2024: 31].

Актуализация солидарности отразилась в первую очередь в главном документе России – Конституции. Так, в статье 75.1 имеется фраза, что в Российской Федерации «обеспечиваются... экономическая, политическая и социальная солидарность». Само слово «солидарность» постоянно звучит в политических декларациях президента, например, на параде Победы в Москве в 2023 г. В. В. Путин вспомнил об «опыте солидарности и партнерства» в годы Великой Отечественной Войны, после теракта 22 марта 2024 г. в «Крокус Сити Холле» подчеркнул, что общество «показало пример подлинной

солидарности, сплочённости, взаимной поддержки». Месяцем ранее, в ходе своего послания Федеральному собранию 2024 года, глава государства дважды упомянул слово «солидарность», соотнося его с консолидированной реакцией населения на стоящие перед ней вызовы. Примеры использования термина «солидарность» в декларациях политиков более низкого уровня не единичны, не говоря уже о сопоставимых концептах «единства», «консолидации» и т. д.

Политизация солидарности ставит перед нами вопрос не только о том, насколько и каким образом эта ценность может быть управляема в обществе, но и какую роль при этом играет цифровая среда. Интернет — это и пространство, и питательная база для солидарности, и актор, а, точнее, разные акторы, формирующие свои, цифровые, версии солидарности, которые инкорпорирует всю ее изначальную мультинаправленность и, по всей видимости, добавляют своей.

При этом имеет смысл очертить границы и медиасолидарности, ведь именно новые и традиционные медиа обнародуют существующие противоречия и репрезентируют их контекст, артикулируют социальные интересы, мотивы, позиции сторон и акторов; подчеркивают критерии общности и различия социальных групп, ретранслируют и усиливают или, наоборот, обесценивают идеи и практики солидарности, координируют практические действия, формируют собственную, внутрипрофессиональную, солидарность.

В данном случае на конкретном примере мы попытаемся ответить на вопрос, каковы особенности медиасолидарности в ситуациях современных гуманитарных катастроф. Любая гуманитарная катастрофа — это вызов гуманистическим ценностям общества и государства, проверка, насколько они в состоянии воплотить социальные и общечеловеческие обязательства. Солидарность может стать катализатором и базой для реализации практик помощи и восстановления достоинства и справедливости. Но в то же время солидаризация может уводить общество в сторону от гуманистических идеалов.

Солидарность

Солидарность относится к тем удивительным явлениям социума, которые, с одной стороны, существуют в очень конкретном временно**м**, социальном, экономическом и политическом контексте, а с другой – оказываются над ним. В прошлом нарастание общих тенденций солидарности создало условия для развития правового статуса личности и концепции прав человека. Например, солидарность стала катализатором становления социального государства с его принципами социальной защиты (особенно в скандинавских государствах), продвижения феминистской повестки, развития профсоюзного движения и т. д. Хотя солидарность подразумевалась правами и первого (взаимное признание и уважение членами сообщества свободы друг друга), и второго поколений (ответственность государства и институтов гражданского общества за обеспечение каждому человеку достойных условий жизни), именно третье поколение прав человека впитало ценность солидарности в наибольшей степени, что отразилось даже на уровне названия («права солидарности») [Алебастрова, 2015].

Первую классическую трактовку понятия «солидарность» в социологии предложил О. Конт, но первопроходцем в области концептуализации солидарности считается Э. Дюркгейм. Он заметил два основных типа солидарности – механистическую, основанную на схожести участников социального процесса, и органическую, основанную на взаимной ценности социальных акторов, характеристики которых различаются [Дюркгейм, 1996]. В дальнейшем это заложило два основных вектора в концептуализации солидарности, которая может возникать и стихийно, на почве ощущения своей принадлежности к той или иной социальной группе и необходимости защиты ее границ или удовлетворения потребностей членов группы, а может стать и осознанным процессом, связанным с поддержкой тех, с кем, казалось бы, общего и пересекающегося на первый взгляд немного.

Современные финские авторы А. Лайтинен и П. Биргитта пишут о том, что понятие «солидарность» означает в первую очередь связь с другими людьми, членами большой или малой группы [Laitinen, Birgitta, 2014]. А. С. Мельникова и И. И. Щемелева рассматривают

солидарность как интегральную характеристику личности с точки зрения ее приверженности единству убеждений и действий в масштабах той или иной социальной группы, ориентации на взаимопомощь и поддержку ее членов, основывающихся на общности интересов и необходимости достижения общих групповых целей [Мельникова, Щемелева, 2022].

Различные трактовки социальной солидарности одновременно сочетают в себе: 1) объективную функциональную взаимозависимость, взаимодополнительность и общность интересов индивидов, групп, обществ; 2) субъективную взаимную симпатию, сочувствие, сопереживание, консенсус социальных акторов; 3) их приверженность одним и тем же нормам и ценностям; 4) их общую социальную (групповую) идентичность; 5) социальную связь в самом широком смысле; 6) социальную интеграцию; 7) общность взглядов и ответственности акторов; 8) совместную деятельность для достижения определенной цели; 9) альтруистическую помощь, взаимопомощь или поддержку социальных акторов; 10) моральную обязанность, основанную на ценности справедливости и предписывающую помощь другим людям (ближним, соратникам в общем деле, нуждающимся, обделенным судьбой); 11) различные формы социальной, экономической и политической поддержки, в том числе со стороны государства, направленные на улучшение положения определенных социальных групп и слоев, включая деятельность институтов социальной защиты и социального страхования; 12) совместную ответственность за что-либо (отсюда, например, характеристика солидарности как «круговой поруки» и применения принципа «один за всех и все за одного») [Гофман, 2014: 108].

Многолетние попытки концептуализации понятия привели к тому, что в современном научном мире исследователи также видят в солидарности разные грани, включая активное сочувствие мнениям или действиям; единство убеждений и действий; достижение общих групповых целей; общность интересов, ценностей, жизненных смыслов; согласование действий социальных субъектов; круговую поруку (например, профессиональную, гендерную); взаимопомощь; совместную ответственность; совместную борьбу;

идентификацию по различным основаниям (территории, социальному статусу, этносу, религии) и т. п. [Рафикова, 2019].

Солидарность может быть как вневременной, так и ситуационной, краткосрочной, привязанной к конкретному вызову, проблеме, кейсу, времени. Так, например, в период пандемии Ковида-19 солидарность проявлялась в интенсивном росте горизонтальных микропрактик помощи и поддержки граждан, наиболее уязвимых к вирусу. Добрые инициативы сосуществовали наряду с жесткими мерами, ограничивающими права и свободы человека (карантины, обязательность вакцинации, высокие штрафы за нарушение самоизоляции и отсутствие средств индивидуальной защиты и др.). Соответствие принципу солидарности заключалось в поисках баланса при реализации личных прав и обязанностей ради достижения общей цели [Герасимова, 2021]. Высокий уровень солидарности граждан был существенным ресурсом восстановительного процесса в экономической и социальной сферах [Самоорганизация...].

А. Мубаракшина выделяет два вектора солидарности, дополняющих друг друга: вертикального (со стороны правящей группы, стремящейся сохранить социальный порядок) и горизонтального (со стороны социальных сообществ первичного уровня, в которых происходит социальная жизнь индивидов). Микро-социальная солидарность воплощается в практиках повседневного взаимодействия в первичных социальных группах, а макросоциальная солидарность является частью целенаправленных усилий власти по интериоризации определенного символического комплекса (Мубаракшина, 2022). Заметны и различные уровни солидарности, так, метауровень проявляет себя в общечеловеческом смысле: мы все, будучи людьми, сталкиваемся с вызовами, которые можем преодолеть лишь в партнёрстве с себе подобными (изменения климата, трансграничная преступность, например). Макроуровень прослеживается в политике государств, крупной экономике, а микроуровень – в горизонтальных инициативах поддержки и локального активизма.

Но всегда ли солидарность носит положительный вектор и отвечает гуманистическим ценностям? Например, летом 2020 г. в знак солидарности с движением Black Lives Matter (BLM, «Жизни

чернокожих имеют значение») в США состоялось более 600 забастовок. Водители автобусов отказывались везти протестующих в следственные изоляторы. В день похорон Джорджа Флойда, 9 июня 2020 года, Международный профсоюз портовых и складских работников, смог перекрыть порты по всему тихоокеанскому побережью США, а 19 июня, в день памяти отмены рабства в США, организовал восьмичасовую забастовку во всех 29 портах западного берега [Аселини, 2022: 9]. И все бы, казалось, напоминало традиционную схему борьбы рабочего класса за свои права до тех пор, пока митингующие не стали направлять свой гнев на памятники тех, кого они считают ответственными за рабовладение в США, и уничтожать их. В конечном итоге, солидарность «за» трансформировалась в нечто, несопоставимое с порядком, гармонией и безопасностью для инакомыслящих.

Очевидно, что солидарность имеет потенциал трансформации как в созидательную сторону, так и в разрушительную. Мы наблюдаем разные сомнительные эффекты, которые в публичной сфере также относят к солидаризации и/или солидарности. Речь идет о социальном разобщении, защите «своих» и нападении на «чужих», астротурфинге, манипулировании идеей солидарности и ее искусственным взращиванием, а то и насаждением, индокринацией и т. д. Более того, солидаризация на почве общности способствует осознанию ценностных размежеваний, что наблюдается и в России, особенно когда речь заходит о культурных, поселенческих и поколенческих ценностях [Горшков, Шереги, 2020; Федотова, 2017; Пантин, 2021]. То есть узкогрупповая, партикулярная солидарность оборачивается недоверием и противоречиями между различными социальными группами. А риск, что общество, не способное справиться с разнообразием цивилизованным образом на основе взаимоуважения и прав человека, пойдет против гуманистических норм, высок.

Подведем некоторые итоги. Сегодня солидарность предстает как элемент политической доктрины, социальная ценность, принцип и практики на его основе, база для консолидации групповых действий, платформа для формирования сопричастности, и, наконец, способ ощущения своей индивидуальной и коллективной субъектности как ответной реакции на глобальные и локальные вызовы.

В то же время солидарность и, особенно, солидаризация становятся инструментом, который может применяться не только для продвижения и поддержания гуманистических ориентиров современного мира, но и наоборот – для обоснования действий разрушительного характера, дегуманизации и разобщения.

Солидарность в сетевой среде

В создании и поддержании солидарности неукоснительно растет значимость цифровой среды [Юдина, Алексеенко, 2020]. Противоречивые и размытые интерпретации солидарности выливаются в Интернет, более того, там же могут зарождаться, усиливаться и ослабевать. При этом формируется и особая, сетевая, солидарность, под которой понимается объединение пользователей «на основе доверия и общности интересов в ситуации интенсивного регулярного обмена информацией в ходе интернет-коммуникации» [Ксенофонтова, 2014].

Цифровая солидарность опирается на опыт конструирования личных социальных сетей [Артамонов, 2019: 129]. Об их значимости писал еще М. Грановеттер [Granovetter, 1973]. Информация, которая распространяется с помощью слабых связей, помогает людям ориентироваться в социуме [Грановеттер, 2009]. Причем сети, хотя и имеют слабый характер, способны стать основой, точкой опоры для солидарных действий [Сивко, Корнева, 2023].

Л. Б. Зубанова, Н. Л. Зыховская дают свое определение цифровой солидарности, фокусируясь на ее эмоциональной заряженности. Это «практика ситуативно переживаемого единства, возникающая на основе сопричастности действенно-коммуникативному акту (событию, случаю, искусственно сконструированному или реально наличествующему информационному поводу) и демонстрируемого интернет-аудиторией в пространстве виртуальных коммуникаций». Исследовательницы приводят ряд характерных для цифровой солидарности признаков: спонтанный характер возникновения и стихийный механизм распространения; кратковременность публичной демонстрации единства; подвижность основы идентификации

с группой; нацеленность на символические коммуникативные практики взаимодействия; приоритет процесса формирования солидарности и практик вовлечения над результатом. Они также указывают на «транзитный» характер сетевой солидарности, имеющей потенциал перерасти в реальную, оффлайн, но не всегда его реализующей [Зубанова, Зыховская, 2019].

Заслуживает внимания разработка Ф. Сталдера, который выделил четыре цифровых формы солидарности («сообщество», «группа», «рой» и «слабая сеть») и предложил термин «организация без организаций» [Stalder, 2013]. К. Ширке выделил основные предпосылки последней: наличие достижимой цели, доступных всем ресурсов, привлекательное, актуальное для критически важного числа людей предложение, приемлемость условий, которые индивид должен принять, чтобы стать частью процесса [Shirky, 2008].

Примеры перехода онлайн солидарности в реальное пространство и наоборот, и, тем более, сосуществование солидарности в двух параллельных плоскостях в одно и то же время заставляют нас обратиться к концепции З. Баумана, предложившего метафору «текучей современности» [Бауман, 2008]. В его видении мир свободен от границ, гибок и текуч, характеризуется большой неопределённостью. В. А. Сидоров пишет, что текучая современность обусловила активизацию её подобия в «цифровой среде» – текучей медийности, которую можно сопоставить с подвижностью масс-медиа, когда «СМИ не только отражают те или иные перемены в действительности, но и непосредственно включаются в практики социальных изменений, т. е. становятся их акторами» [Сидоров, 2021: 153]. «Текучая солидарность», плавно перемещающаяся в онлайн и оффлайн пространстве, приводит к возникновению своей гибридной версии. Например, распространившаяся практика сбора в Интернете средств на реализацию социальных проектов в помощь наиболее уязвимым людям стала почти общепринятой. Ведущий в России портал действенной журналистики «Такие дела» за девять лет собрал более 290 миллионов рублей на работу 450

некоммерческих организаций, монетизируя цифровую солидарность во благо тех, чьи права ущемлены или чье достоинство попрано [1].

Современные исследователи изучают гибридную солидарность на примерах конкретных кейсов, например, ситуации на российско-грузинской границе в сентябре 2022 г. [Хапсаева, 2023]) или на фоне проживания обществом коллективной травмы [Зимова, Фомин, 2022]. Однако для более точного понимания предмета нашего изучения целесообразно введение еще одного понятия – «медиасолидарность».

Медиасолидарность

Термин «медиа» был предложен представителями Торонтской школы коммуникаций Г. Иннисом и М. Маклюэном в середине XX в. За прошедшее время он расширился до «многоаспектного феномена», не только имеющего сложную и противоречивую природу, но и постоянно расширяющегося, технологически, социально и культурно» [Отечественная..., 2019: 111].

Е. Л. Вартанова предлагает рассматривать медиа как: а) технологии передачи, каналы и систему дистрибуции, контент, аудиторию, технологические платформы; б) социальное пространство (интегральная политическая среда, отрасль экономики, технологическая инфраструктура, субпространство культуры, символическая система); в) социальные институты и структуры, выполняющие общественные функции, пусть и не всегда имеющие формальные общественные обязательства или находящиеся в общественной собственности; г) социальные процессы в индивидуальном, национальном и глобальном пространстве [Вартанова, 2019]. Лексема «медиа» употребляется все чаще и чаще для создания сопряженных терминов (Супрун, 2021: 400). Попробуем применить ее и для концептуализации медиасолидарности.

---

[1] Такие дела. Режим доступа: https://takiedela.ru/about/ (дата обращения 26.12.2024)

Медиасолидарность – солидарность, инициируемая, отражаемая и/или поддерживаемая с помощью разных инструментов и на разных медиаплощадках, при том, что ведущая роль в этих процессах выполняется институциональными или неинституциональными субъектами медиасферы.

Понятие «медиасолидарность» включает в себя, на наш взгляд, три основных ракурса: а) солидарность, в которой медиа отражают действия солидарности других акторов; б) солидарность, в которой субъектом или объектом, или тем и другим, выступают медиаспециалисты, в данном случае это профессиональная солидарность; в) солидарность медиа с различными социальными группами в соответствии с интервенционистскими принципами, а также претензии медиа как на краткосрочное, локальное, так и долгосрочное, системное, влияние на элементы современного общественного устройства.

Все три ракурса медиасолидарности могут существовать как в традиционном пространстве журналистики (телевидение, печать, радио), так и в ее относительно новом поле – сети Интернет. Третий ракурс солидарности проявляется еще и дополнительно в виде участия медиа в реализации инициатив низовой гражданственности[2]. Однако здесь важно отделять практики, опирающиеся на ценности солидарности, от действий, основанных на схожих, но не идентичных идеях и ценностях гуманистического характера (дружбы, деятельной эмпатии, соучастия, благотворительности, поддержки и др.).

По своей сути медиасолидарность схожа со своим родовом понятием – солидарностью, однако отличается от него усиленностью медиапредставленности. Субъекты медиа (в том числе журналистики) предоставляют свой профессиональный капитал (площадки и ресурсы), берут на себя активные роли в инициировании и поддержании солидаризационных практик. Векторы, ракурсы и конечные проявления медиасолидарности могут быть различными, как

---

[2] См., например, Быкова А. Общее дело: семь совместных социальных медиапроектов СМИ и НКО. URL: https://jrnlst.ru/2019/07/01/6381/ (дата обращения: 22.04.2024).

и ее интенсивность и результативность. Медиасолидарность обладает текучим характером, способностью переходить из онлайн пространства в реальный мир и наоборот.

Но не стоит выпускать из нашего исследовательского внимания и те случаи, когда медиасолидарность, как и свое родовое понятие «солидарность», имеет отрицательный вектор. К примеру, «культура отмены», «язык вражды» и прочие подобные негативные явления строятся на принципе консолидации одних групп против других.

Такая квази медиасолидарность проявляет себя в разных ситуациях, иногда сомнительных с точки зрения норм этики, причем не только профессиональной, но и человеческой. Так, например, в марте 2024 г. на телеканале «Волгоград 1» обнародовали персональные данные, фотографии, места работы и ссылки на аккаунты в соцсетях людей, приносивших цветы в память об умершем в заключении оппозиционном политике. «Владимир Владимирович сказал бороться, вот мы своими методами и будем бороться», — заострил ведущий программы[3]. Проявляя солидарность с президентом, традиционное медиа переступило пороги профессиональной этики, не говоря уже о гуманистических нормах уважения частной жизни человека и свободы его политических взглядов.

Медиасолидарность на примере гуманитарной катастрофы

При чрезвычайных ситуациях роль СМИ становится особенно важной, поскольку население испытывает потребность в достоверной и своевременной информации об угрозах, рисках и способах их минимизации, снятии напряженности, ощущении возврата контроля за ситуацией. Средства массовой информации также призваны снизить уровень неопределенности и мобилизовать общество для выживания [Черепанова].

---

[3] Сотрудники телеканала «Волгоград 1» в эфире зачитали имена людей, которые приносили цветы в память об Алексее Навальном*. Электронный ресурс: https://lenizdat.ru/articles/1164184/ (дата обращения 23.12.2024).

*Росфинмониторинг внес Алексея Навального в реестр экстремистов и террористов.

Одним из инструментов мобилизации общества становится солидаризация, а СМИ берут на себя еще одну, возможно не первостепенную, но все же важную задачу – формирование солидарности между разными акторами чрезвычайной ситуации: пострадавшими, жертвами, спасателями, органами власти и т. д. Во время чрезвычайных ситуаций можно увидеть различную солидарность, как продиктованную гуманистическими мотивами, эмпатией, деятельностным сочувствием, сопереживанием, так и простой необходимостью выживания и экономии ресурсов [Яницкий, 2013].

Исследователи выделяют следующие функции солидарности в таких ситуациях: 1) интеграционную – способствующую поддержанию состояния, при котором множество людей ведет себя как единое целое; 2) мобилизационную – проявляющуюся в согласованности действий и нацеленности на достижение единой цели; 3) структурообразующую – подчеркивающую общие идеи, ценности, нормы, цели и стремления; 4) функцию повышения качества жизни – чем сильнее люди ощущают единство, интегрированность и солидарность, тем выше они оценивают уровень своей жизни [Урсуленко, 2009].

Медиа мотивируют граждан для объединения и участия уже на стадии отражения проблематики: описывая гуманитарную катастрофу, персонифицируя ее, они пробуждают эмпатию и сострадание к пострадавшим и создают почву для объединения людей и противостояния ужасным последствиям гуманитарных катастроф. Конечно, в первую очередь речь может идти о сугубо утилитарном использовании новых инструментов, например, применение мобильных приложений для оперативного краудфандинга уже никого не удивляет. Блоги, виртуальные площадки, социальные сети, созданные по случаю сайты, мессенджеры, оперативно обновляющиеся виртуальные карты, атласы, другие интернет-сервисы оказываются востребованными инструментами для оперативного информирования и координации действий [Усачева, 2013: 238]. Но инструментальное применение информационных технологий является лишь небольшим фрагментом общей палитры.

Для анализа особенностей медиасолидарности обратимся к примеру гуманитарной катастрофы [Иванян, 2024]. В начале апреля

2024 года на реке Урал и ее притоках произошел сильный паводок; уровень воды поднялся намного выше опасной отметки, и дамба не выдержала нагрузки. Больше всего от наводнения пострадали города Оренбург и Орск, почти 6000 домов были затоплены, а их жителям пришлось экстренно эвакуироваться. Стремительно развивающаяся экологическая катастрофа превратилась в гуманитарную из-за множества сопутствующих проблем. К ним относятся отсутствие еды и питьевой воды, разрушенные жилища, жертвы, риск заражения инфекциями, невозможность вывести домашних животных и спасти имущество.

Объектом нашего внимания стала медиасолидарность, а эмпирическим материалом — 28 публикаций, появившихся на двух порталах («Такие дела», «Милосердие.ру»). Методология изучения включала в себя качественный контент-анализ с помощью «оптики солидарности», механическую кластеризацию, а также общенаучные методы — анализ, обобщение, сравнение. Под «оптикой солидарности» мы имеем в виду особую когнитивную рамку, которая позволяет выявить в изучаемом материале ценности и сопутствующие им элементы контента, связанные с солидарностью, — наличие или отсутствие деятельностного сочувствия, эмпатии; демонстрацию сопричастности событию, единства убеждений и действий; наличие совместных целей, общности ценностей; декларирование совместной ответственности и взаимоответственности; инициирование совместных действий в онлайн и/или оффлайн среде и др.

В преломлении солидарности на обоих порталах предстали ее разные грани. В их совокупности можно выделить несколько видов. Во-первых, это солидарность медиа с пострадавшими, которая выражается не только в обращении к теме и мониторинге развития гуманитарной катастрофы, но и непосредственном участии в оказании помощи (например, журналисты из Башкирии отвезли в пострадавший город необходимые гуманитарные грузы[4]); во-вторых — солидарность пострадавших друг с другом (как членов одного уязвимого

[4] Журналисты из Башкирии поспешили на помощь пострадавшим от наводнения жителям Орска. URL: https://promishkino.ru/news/obshchestvo/2024-04-13/zhurnalisty-iz-bashkirii-pospeshili-na-pomosch-postradavshim-ot-navodneniya-zhitelyam-orska-3726190 (дата обращения: 30.12.2024).

сообщества); в-третьих – солидарность членов территориального, религиозного, социального и др. сообщества, находящихся в более ресурсном положении, с пострадавшими (локальная, географическая солидарность); в-четвертых – солидарность со стороны граждан «большой страны», никоим образом не связанных с пострадавшими личными или кровными связями, но осуществляющими реальные действия в их поддержку (общечеловеческая). Примечательно, что и схожие типы солидарности при катастрофах отмечаются и другими исследователями, так, например, О. А. Усачева, исследуя солидарность при гуманитарной катастрофе природного характера, выделила «соседскую солидарность», существующую в малых поселениях в докатастрофный период, и «сетевую солидарность» волонтеров, возникшую «по случаю», когда общая проблема объединяет людей на какое-то время [Усачева, 2013].

Авторы изучаемых нами публикаций писали о взаимоподдержке, соучастии, помощи, вмешательстве, адвокатировании, активизации и мобилизации ресурсов, как своих, так и аудитории. Их героями становились пострадавшие, люди, находящиеся в зоне риска, соседи, жители безопасных районов города, местные и приезжие добровольцы, жители «большой» России. Инструментами солидаризации, к которым прибегали медиа, становились не только прямые призывы присоединиться, но также информация о существующих для этого цифровых и не только инструментах, личностно окрашенные истории, способствующие формированию чувства эмпатии, сочувствия, а также демонстрация положительных примеров субъектного соучастия и алгоритмы.

Исследуемые нами порталы по-разному оценивали субъектность акторов солидарности, усиливая роль одних, и занижая или не замечая значимость других. При этом они могли более детально описывать действия тех акторов, в которых были заинтересованы сами, например, портал «Милосердие.ру» описывал действия местных священнослужителей, подчёркивал их вклад и роль. Палитра положительных героев в «Таких делах» была явно шире, при этом подчёркивалось, что профессия и социальный статус человека не столь важен, сколько его стремление помочь обездоленным. Даже далекие от проблемы люди проявляли солидарность,

например, работодатели могли отпустить сотрудника в непредвиденный отпуск, чтобы он мог поехать волонтером в кризисную зону, и даже предложить денег.

Обращает на себя внимание различие в толковании солидарности самого медиаресурса с местными органами власти. Отражение действий государственных служащих (уверенность и отеческая забота в одном случае, бессилие, равнодушие и неграмотность — в другом) значительно различается. В материалах «Таких дел» солидарность проявляется как взаимная поддержка, форма локального низового гражданского участия, возникшая как реакция на бессилие официальных институтов на фоне недоверия к ним. Публикации на портале содержат больше сомнений в правильности и своевременности действий власти. Портал «Милосердие.ру», напротив, не только не критикует власть, но и служит ретранслятором ее сообщений, разъясняя действия властей, донося до аудитории директивы власти и критикуя население за неподчинение или их невыполнение.

В изучаемых нами медиа нашли отражение различные варианты «насыщения» термина «солидарность», который становится рамкой для актуальной и контекстуальной интерпретации солидарности. Но независимо от вектора интерпретации, сообщения о солидарности и взаимной поддержки помогают восстановить чувство контроля над ситуацией, снизить тревогу, успокоить и поддержать аудиторию. Сообщая о позитивных практиках солидарности и демонстрируя субъектность различных акторов, они могут влиять на мотивацию участия в процессах оказания помощи и солидарности. Медиаресурсы «канализируют» солидарность, алгоритмизируют ее, предлагая различные варианты соучастия, и повышают кредит доверия различным инициативам за счет собственного бренда и социального капитала, что особенно важно в контексте «монетизации солидарности», то есть переводе эмоциональных мотивов в пожертвования.

В то же время уязвимость медиасолидарности проявляется в манипулятивном капитале, который может быть сознательно или бессознательно обналичен. Например, проявление солидарности с жертвами может быть средством укрепления собственного имиджа. Наделяя акторов различной субъектностью, авторы могут

неадекватно оценить их ресурсы и сформировать нереалистичные ожидания. Более того, солидаризация с одними может вести к антагонизму с другими силами, что неминуемо проявляется в медиапространстве. Остается ли пространство для гуманистических ценностей в таких случаях? Ответ на этот вопрос еще предстоит дать исследователям.

Список литературы

1. *Алебастрова И. А.* Социальная солидарность как фактор эволюции прав и свобод человека и гражданина //Актуальные проблемы российского права. 2015. № 2. С. 21–27.
2. *Артамонов Д. С.* Новая цифровая солидарность и «реабилитация» толпы // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19. Вып. 2. С. 124–129. DOI: https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-124-129.
3. *Аселини Д.* Пандемия COVID-19 и классовая борьба // Глобальный диалог. 2022. Т. 12. № 1. 2022. С. 8–9.
4. *Бауман З.* Текучая современность. — СПб.: Питер, 2008.
5. *Вартанова Е. Л.* О концептуальных основаниях теории медиа // МедиаАльманах. 2019. № 3. С. 8–17.
6. *Герасимова Е. В.* Принцип солидарности и конституционные права человека: новые вызовы в условиях пандемии // IV Сибирские правовые чтения: государство и право в условиях глобальных ограничений: сб. статей Межд. науч.-пр. конф. (г. Тюмень, 30 октября 2020 г.). — Тюмень: Изд-во ТГУ, 2021. С. 274–278.
7. *Го Лишуан*. Переосмыслить и возродить: современная судьба традиционных российских ценностей // Вопросы философии. 2023. № 3. С. 58–69. DOI: 10.21146/0042-8744-2023-3-58-69.
8. *Горшков М. К., Шереги Ф. Е.* Молодежь России в зеркале социологии: к итогам многолетних исследований. — М.: Федер. науч.-исслед. центр РАН, 2020. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020.
9. *Гофман А. Б.* Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник. 2013. Т. 2012. С. 97–167.
10. *Грановеттер М.* Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № . 4. С. 31–50.
11. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. — М.: Канон, 1996.

12. *Зимова Н. С., Фомин Е. В.* Сетевая солидарность как ответ на коллективную травму (на примере специальной военной операции России на Украине) // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 3. С. 148–165. DOI: 10.34823/SGZ.2022.3.51809.

13. *Зубанова Л. Б., Зыховская Н. Л.* Транзитная солидарность в современной сетевой культуре: между карнавалом и травмой // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 119–128.

14. *Иванян Р. Г.* Медиарепрезентация солидарности при гуманитарных катастрофах (на примере паводка на Урале в апреле 2024 г.) // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2024. Т. 2. № 2(44). С. 97–110. DOI: 10.51965/2076-7919_2024_2_2_97.

15. *Ксенофонтова И. В.* Интернет-солидарность: методологические основания подхода и практика измерения: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2014.

16. *Левченко Д. О., Филиппов Д. Е.* Социально- психологическое благополучие как фактор актуализации гражданской солидарности локальных сообществ // Южно-российский журнал социальных наук. 2024. Т. 25. № 1. С. 66–79.

17. *Мельникова А. С., Щемелева И. И.* Солидарность как ресурс социальной активности // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 6 (98). С. 58–62.

18. *Мерзликин Н. В.* Граждане и эксперты о доверии институтам и политике российского государства // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30. № 1. С. 22–34. DOI: 10.19181/nko.2024.30.1.2.

19. *Мубаракшина А. В.* Сущность феномена солидарности и его роль в отношениях власти и общества в современной России // Культура и природа политической власти: теория и практика: сб. науч. труд. / под общ. ред. А. А. Керимова. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2022. С. 240–247. Режим доступа: URL: http://elar.urfu.ru/handle/10995/117074. (дата обращения: 17.03.2024).

20. Отечественная теория медиа: основные понятия. Словарь / под ред. Е. Л. Вартановой. – М.: Фак. журн. МГУ, Изд-во Моск. ун-та, 2019.

21. *Пантин В. И.* Ценностные размежевания в России и современном мире: значение для внутренней и международной политики // Общественные науки и современность. 2021. № 3. С. 7–18. DOI: 10.31857/S086904990015417-0.

22. *Рафикова С. А.* Практики солидарности в цифровую эпоху // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. 2019. № 34. С. 1–7.

23. Самоорганизация граждан в зарубежных странах в условиях пандемии: новые формы и примеры практик. – URL: https://www.hse.ru/data/2020/06/03/1602703246/HSE_Covid_03_2020_4_3.pdf (дата обращения 20.12.2024).

24. *Сивко М. О., Корнеева Е. Н.* Цифровая солидарность и использование хэштегов как способ маркировки экологических сообществ // Коммуникология. 2023. Том 11. № 1. С.131–141. DOI 10.21453/2311-3065-2023-11-1-131-141.

25. *Сидоров В. А.* Артефакты текучей медийности: новые основания символического господства // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 1. С. 152–158.

26. *Супрун В. И.* Эволюция терминов русской журналистики: от ведомостей до медиа // Медиалингвистика. 2021. № 8 (4). С. 391–405. DOI: https://doi.org/10.21638/spbu22.2021.406.

27. Трансформация социокультурных ценностей населения: социологический анализ: колл. монография / под ред. И. В. Шиндряевой. — Волгоград: Изд-во Волгоград. ин-та управления — филиала РАНХиГС, 2019.

28. *Урсуленко К.* Социальная солидарность: Развитие понятия в истории социологии и современные интерпретации // Социология: Теория, методы, маркетинг. № 1. Киев, 2009. С. 138–157.

29. *Усачева О. А.* Солидарность во время природных катастроф: типы и функции // Социологический ежегодник. 2013. Т. 2012. С. 232–240.

30. *Федотова В. А.* Ценности россиян в контексте возрастных различий // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 1. С. 78–86. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-78-86

31. *Хапсаева Д. В.* «Верхний Ларс» в сетевых медиа: механизм формирования социальной солидарности и самоорганизации // Теория и практика общественного развития. 2023. № 6. С. 85–91. DOI: 10.24158/tipor.2023.6.9.

32. *Черепанова Т. В., Александрова А. А.* Особенности освещения российскими и украинскими СМИ экологической катастрофы в Армянске // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2019. Т. 24. № 4. С. 732–743. DOI: 10.22363/2312-9220-2019-24-4-732-743.

33. *Юдина Е. Н., Алексеенко И. В.* Солидарность в социальных сетях // Коммуникология. 2020. Т. 8. № 1. С. 114–127.

34. *Яницкий О. Н.* Солидарность в условиях катастроф: некоторые проблемы теории // Социологический ежегодник. 2013. № 1. С. 213–231. URL: https://rucont.ru/efd/476562 (дата обращения: 28.12.2024)

35. *Granovetter M. S.* The strength of weak ties // American journal of sociology. 1973. 78(6): 1360–1380.

36. *Laitinen A., Birgitta P. A.* Solidarity: Theory and Practice. 1st ed., Lanham, MD, 2014: Lexington Books.

37. *Shirky C.* Here comes everybody: the power of organizing without organizations. New York, 2008: Penguin Press Publ.

38. *Stalder F.* Digital solidarity. Mute Publishing, 2013. V. 6.

Л. Г. Свитич

МГУ им. М. В. Ломоносова
svitichb@yandex.ru

Динамика традиционных ценностей на российском телевидении в контексте аксиологического медиаполя

Мы живём в эпоху социальных катаклизмов, реальных войн, идеологических, экономических, политических, медийных противостояний, когда проблемы духовных, нравственных и политических ценностей актуальны как никогда. В этом смысле крайне важным оказывается исследование динамики базовых духовно-нравственных ценностей в контенте СМИ как самого массового универсального, всеохватного и оперативного средства распространения аксиологической информации. Естественно, что в этих условиях ученые стали активнее заниматься аксиологией журналистики [Свитич, 2002, 2009, 2018, 2023, 2024; Сидоров, 2009, 2016, 2025; Ерофеева, 2009]. Авторы монографии «Аксиология журналистики» дают ее определение: «научная дисциплина, изучающая журналистику как источник и ретранслятор ценностей общества во всем их предметно-смысловом многообразии, а также собственно журналистику как социальную ценность, исследующая принципы и способы освоения журналистами социокультурных ценностей, эффективность и методы их репрезентации аудитории СМИ» [Сидоров, Ильченко, Нигматуллина, 2009:10].

Изучение различных аксиологических систем приводит к выводу, что наиболее соответствует ценностям российской цивилизации базовые отечественные ценности, связанные с понятиями добра, миролюбия, человеколюбия, справедливости, творческого отношения к жизни, общинного менталитета, полноценной семьи

и трудолюбия, которые, в конечном счете, весьма близки к исконным ценностям, выраженным в православии, о чем и пишут ученые института этнологии и антропологии Российской Академии наук М. М. Громыко и А. В. Буганов. Изучив огромный этнографический материал, они приходят к выводу, что основа всех глубинных традиций народной жизни и массового сознания нашего народа — православие, которое проявляется в «мощном пласте поминальной культуры; в хождениях со святынями в крестных ходах, понимаемых как могучая мера очищения, освящения земель и людей»; «в органичности национальному сознанию покаяния, самоосуждения, постижения понятия греха, готовности просить прощения и прощать и в умении осознанно предать себя воле Божией; в любовном, заботливом отношении к храму и его святыням»; в том, что существует в русском народе «нравственное, уважительное отношение к семье, к целомудрию в отношениях полов», «резко осуждались прелюбодеяния, добрачные связи, убийство младенцев в утробный период» [Громыко, Буганов, 2000: 531].

Корневые общенациональные ценности формировались веками и составляют становой хребет, ось, которая держит и сохраняет любую страну. О базовых ценностях народа лучше всего судить по его пословицам. Это продукт коллективного народного творчества, проверенный веками плод наблюдений над жизнью, сгусток полезных советов, народной мудрости, отражение сущностных, константных ценностей, норм и моделей поведения людей. Пословицы концентрируют, обобщают социально-исторический, трудовой, общинный, семейный, духовный опыт народа, отражают его мировоззрение, типизирует ситуации и учат, советуют, как поступать. Пословицы устойчивы, передают накопленный опыт, народную мудрость, систему ценностей последующим поколениям и в этом смысле *являются межпоколенной ценностной коммуникацией,* которая доказала свою устойчивость и сущностность веками функционирования в российской социальной среде.

Для анализа ценностных доминант русского народа были проанализированы пословицы, которые собрал и опубликовал

В. И. Даль[1]. Более 30 тысяч пословиц и поговорок систематизировано по смыслу. Мы исследовали методом частотного анализа 125 рубрик, которые имеют ценностный характер, затем объединили пословицы в более крупные смысловые кусты, которые составили четыре типологические категории [Свитич, 2009, 2018, 2023]. Поражает то, как сущностно народная мудрость выстроила *иерархию ценностей, моделей поведения*, руководствуясь вековыми нравственными и духовными правилами, спасительными и полезными для жизни народа и передачи потомкам[2] (См. Табл. 1).

Таблица 1. Традиционные ценности русского народа в пословицах и поговорках, собранных В. И. Далем (частотный анализ)

ЦЕННОСТИ ОБЩИННОСТИ	**6155**
Ценность семьи, любовь верность, почитание старших	2177
Общинность, соборность, единство в многообразии, почитание традиций, осуждение раскола	1803
Патриотизм, уважение родины–рода–народа, языка	1290
Человек как член общности	885
ЦЕННОСТИ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ, ТРУДА и ЕГО ПЛОДОВ	**5658**
Домовитость, близость к земле, природе	2354
Уважение собственности, трудового достатка, осуждение воровства, неправедного богатства	2162
Любовь к труду, ремеслу, осуждение праздности	1142
ВЕРОВАНИЯ, ВЕРА В ВЫСШИЕ СИЛЫ	**2803**
Страх Божий, кара за грехи	956

[1] Даль В. И. Пословицы русского народа, тт. 1–2. — М., 1984.

[2] В связи с тем, что исследование панельное и его результаты печатались по мере получения информации начиная с 2002 года, некоторые таблицы в этой статье уже были опубликованы, но здесь без них обойтись нельзя, поскольку они объясняют методику всего многолетнего исследования и напоминают о промежуточных результатах, без которых невозможно проявить полную динамику процесса представления ценностей в телеконтенте. См.: Свитич Л. Г. Динамика ценностей в российском телевизионном контенте // Русистика 2018: материалы международного научного симпозиума «Экология языка и современная коммуникация» 26–29 апреля 2018 г. (Шумен — СОК Камчия) / Отв. ред. Е. Стоянова. Шумен: 2018. С. 251–261. Свитич, Л. Г. Динамика ценностей в телеконтенте // Век информации. — 2018. — № 2-1. — С. 326–328.

Продолжение таблицы 1.

Вера в необычное, чудеса, приметы, гаданья	788
Православная вера	523
«Вселенскость», осознание своего места во Вселенной, подвластность стихиям	273
ДОБРОДЕТЕЛИ–ПОРОКИ	**15516**
Доброславие, осуждение зла, грехов, пороков (пьянства, беспутства, картежничества)	1895
Взаимопомощь, гостеприимство, хлебосольство	1611
Надежда на счастье, терпение к страданиям	1531
Уважение ума, толковости, осуждение глупости	1102
Стремление к сущности, употребление в языке сущностных понятий, противопоставлений	1099
Бережливость, запасливость, умеренность, осуждение мотовства, жадности	863
Стремление к ученью, наукам, просвещению	744
Отвага, смелость, упорство, осуждение трусости	654
Дружелюбие	553
Жизнелюбие, христианское отношение к смерти, осуждение убийства	476
Уважение праведной власти	421
Креативность, сосредоточенность, несуетность	400
Миролюбие, осуждение агрессивности, но готовность защищать правое дело	299
Чувство меры	299
Доброздравие	235
Смирение в противоположность гордыне, кротость	222
Способность веселиться, юмор, шутка	207
Динамичность, движение, дорога	187
Осторожность	178
Опрятность, осуждение внешнего щегольства	175
Законопослушность, суд, осуждение преступлений и лихоимства	110
Честь как ценность	87

Удивительно логично расположились на основе частотного анализа основные характеристики и ценности русского народа: сначала ценности общинности, от самых близких – от семьи, через род – к Родине; второй блок – ценности труда и его плодов, уважение ремесла, трудолюбия, земли-кормилицы и работы на ней; третий блок – православная вера и восходящие к язычеству верования, традиции и праздники которых как бы сплавились с православными. Но по степени частотности самое большое место (более 15 тысяч

пословиц) занимает четвертый блок пословиц, в которых зафиксированы нравственные ценности или, если говорить в терминах В. И. Даля, «добродетели и пороки». При этом, часто они сопоставлены в одной пословице: *Лихо помнится, а добро век не забудется. Смелым бог владеет, а пьяным черт качает. Без дела жить – только небо коптить.*

В категории «добродетели-пороки» на первых местах утверждение добрых качеств. Весьма важными ценностями является гостеприимство, хлебосольство, трудолюбие, надежда на счастье, способность терпеть и по-православному относиться к страданиям. Большая ценность для русского человека – уважение ума, стремление к познанию, просвещению. Из менее употребительных, но тоже часто встречающихся в пословицах ценностей, русский человек ценил бережливость, мужество, упорство, дружелюбие, жизнелюбие, миролюбие (при готовности защищать правое дело). Особо следует сказать о важности и частотности творческих, креативных характеристик, а также динамизма, стремления к обновлению. Противоположные добродетелям пороки народным метким словом осуждаются, чаще всего это – пьянство, беспутство, блуд.

При формировании ценностных категорий для нашего контент-аналитического исследования принимался во внимание и перечень традиционных ценностей, перечисленных в Указе президента В. В. Путина: «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [3].

---

[3] Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502. Дата обращения 12 мая 2023 г.

При исследовании контента основных каналов российского ТВ в 2002, 2008, 2013, 2018 и в 2023 годах проанализировано 7257 телефрагментов [Свитич, 2023]. Методика клип-контент-анализа состоит в том, что в течении 7 дней недели по графику в различные временные отрезки с 8.00 до 24.00 ведется последовательное переключение выбранных каналов и фиксируются фрагменты всех передач, включая новостные, аналитические, фильмы, рекламу и т. п. Фрагмент удерживается в поле внимания, пока не будет понята суть доминирующей идеи, ценности или характеристики. Были проанализированы основные, самые популярные в аудитории каналы (См. Табл. 2).

Таблица 2. Объект исследования

Время исследования	*Число фрагментов*	*Каналы*	*Число каналов*
2002январь	1304	ОРТ, РТР, ТВЦ, НТВ, «Культура», РенТВ, ТВ-6, ЕвроНьюс	8
2008март	1304	ОРТ, РТР, ТВЦ, НТВ, «Культура», РенТВ, ЕвроНьюс, «Звезда», «Домашний», СТС, МузТВ, ТНТ, ДТВ	13
2013февраль	1304	ОРТ, Р-1, ТВЦ, НТВ, «Культура», РенТВ, ЕвроНьюс, «Звезда», «Домашний», СТС, ТНТ, Р-2, Р-24	13
2018 февраль	1304	Первый канал, Россия-1, НТВ, Пятый канал, ТНТ, РенТВ, СТС, ТВЦентр, «Домашний», ТВ-3, «Звезда», Россия-24 «Россия-Культура», «Мир», ОТР, «Спас».	16
2023 Январь	2041 (2394 с контекстными ценностями)	Первый канал, Россия-1, НТВ, Пятый канал, ТНТ, РенТВ, СТС, ТВЦентр, «Домашний», ТВ-3, «Звезда», Россия-24 «Россия-Культура», «Мир», ОТР, «Спас».	16
Всего	7257		

Первый клип-контент-анализ, проведенный в 2002 году, зафиксировал исходное состояние телеконтента в нашем панельном проекте по дихотомическому принципу, принятому в исследовании (См. Табл. 3).

Таблица 3. Традиционные позитивные характеристики и ценности – негативные характеристики и антиценности в 2002 году (абс.)

Традиционные характеристики и ценности русского народа (Ранжировано по 2 столбцу)	*Число фрагментов (полож.)*	*Число фрагментов (негат.)*	*Негативные характеристики, антиценности*
Стремление к порядку, правосудие	93	24	Разрушительство, анархия, хаос
Творческое отношение к жизни	62		Рутинность, шаблонность
Жизнелюбие, оптимизм, юмор	59	47	Пессимизм, мрачность
Любовь, верность	51	30	Блуд, прелюбодеяние, порок, ранние половые связи, аномальные отношения
Правдолюбие, правда, справедливость	42	7	Ложь, клевета, несправедливость
Добротолюбие, исповедование добра	38	8	Злоделие, поклонение злу
Патриотизм, любовь к отечеству, почитание предков, традиций	38	2	Безродность. антипатриотизм, историческое беспамятство
Инициативность, активность	36		Пассивность, инертность, застой
Любознательность, стремление к познанию	34		Леность ума, нелюбознательность
Свободолюбие, мужество	33	3	Рабская покорность, трусость
Выживаемость, здоровье	33	20	Обреченность, болезни
Православная духовность	30	6	Безбожие, оккультизм, культ ведьм, колдунов и пр.
Уважительное отношение к семье, нормальное детство	30	21	Раздоры и конфликты в семье, исковерканное детство
Миролюбие, дружелюбие	26	92	Агрессивность, жестокость
Стремление к красоте	21		Дисгармония, уродство
Связь с природой	20		Разрушение природы
Душевность, сердечность	18	8	Бездушие, черствость
Милосердие, прощение, терпимость	15	75	Безжалостность, нетерпимость
Соборность, общинность, народоправие	13	21	Разъединенность, раздробленность, индивидуализм
Человеколюбие, любовь к ближнему, гуманизм	13	6	Человеконенавистничество, эгоизм
Трудолюбие	13	1	Леность, безделие
Созидательность, производство материальных ценностей	11	111	Превалирование потребительства, потребительская психология

Продолжение табл. 3.

Нравственность	10	5	Безнравственность, аморализм
Совестность, совесть, честность	8	5	Бессовестность, нечестность
Щедрость, нестяжательство	5	59	Стяжательство, жадность
Бережливость, запасливость	1		Расточительность, мотовство
Смирение, кротость, долготерпение			Гордыня, зависть
Итого	**753 57,7%**	**551 42,3%**	

Сопоставительный анализ позитивных традиционных ценностей и антиценностей, которые транслировались общенациональными программами российского телевидения в 2002 году, показал, что тогда не приходилось говорить о существенном превалировании позитивных свойств по принципу «золотого сечения». Единственный канал, несущий гуманитарные ценности практически во всех своих передачах, на то время был канал «Культура». Из позитивных ценностей было заметно, что телевидение показывает начавшийся процесс преодоление хаоса 1990-х годов, стремление к порядку и правосудию, творческое инициативное активное отношение к жизни, обустройству ее в новых условиях, патриотизм, стремление к справедливости и свободе.

В то же время телеэкран ярко продемонстрировал минусы перестроечного времени и его отражения в СМИ: агрессивность превалировала над миролюбием в три раза (92 и 26 фрагментов), безжалостность над милосердием в пять раз (75 и 15). Заметно чаще встречались передачи с утверждением разделенности, индивидуализма над соборностью и общинностью, что было связано с новой парадигмой концентрированности на безграничной свободе индивидуума от общества. Обусловленной новой парадигмой, скопированной с западных ценностей, можно считать телепропаганду потребительской психологии, потребительства, которое в 10 раз чаще пропагандировалось на телеэкране, чем созидательность (111 и 11). С этом была связана и другая десятикратная диспропорция: стяжательство и нестяжательство, щедрость (59 и 5). Почти равновесными можно назвать оптимизм и пессимизм (59 и 47), ярко проявилась и пропаганда безнравственности, порока, блуда, которые

порождали семейные раздоры, разводы, несчастных детей. Самый большой процент антиценностей продемонстрировали частные каналы, главным образом, за счет показа агрессивных фильмов, в том числе, что особенно прискорбно, детских сериалов.

В 2008 году общее процентное соотношение позитивных и негативных фрагментов по сравнению с 2002 годом не изменилась, хотя поменялись ранговые места различных характеристик. По-прежнему превалировало жизнелюбие, юмор над пессимизмом, стремление к порядку и правосудие над анархией и хаосом, стремление к красоте и творческое отношение к жизни, инициативность, любознательность над рутиной, пассивностью и леностью ума. Это творческие, активное отношение к жизни, конечно, не только исконная черта русского народа, но и яркая тенденция нашего динамичного времени. Стало заметно меньше пропаганды индивидуализма.

Но, к сожалению, более отчетливо, чем прежде, проявилось доминирование агрессивности, жестокости по сравнением с показом миролюбия и мирного решения конфликтов – в 2002 году в 3,5 раза, а в 2008- в 6,2 раза (110 и 16 фрагментов). Агрессивность, безжалостность в те годы захлестнули наше телевидение, даже в мультфильмах. Это вызывало страх, обреченность зрителей или привыкание к этому, как к норме. Резко увеличилось количество фрагментов, демонстрирующих различные уродства и разрушения, пожары, катастрофы, бои, драки, взрывы, войны, убийства.

Другая тенденция первого десятилетия нового века – превалирование стяжательства и потребительства над созидательными тенденциями, производством материальных ценностей – ярко проявилась и в 2008 году (60 и 11). Телекартинка, показывая роскошную жизнь, пропагандируя, рекламируя ненасытное потребительское изобилие, воспитывала комплексы неполноценности из-за невозможности обладать этими богатствами.

Третья диспропорция телеконтента – превалирование в контенте пропаганды порока, откровенной демонстрации секса, аномальных отклонений и пошлостей над показом нормальных чувств любви как духовного единения, сохранения добрачного целомудрия и супружеской верности, как это принято в российской традиции (первое показывалось в 2008 году на ТВ в 2,5 раза чаще). Здесь

отчетливо проявились под влиянием перемен в стране и СМИ сдвиги в общественном представлении о сущности взаимоотношений полов и большей, чем прежде, сексуальной свободе и раскрепощенности. Например, на МузТВ зрители увидели рейтинг мачо в юбках: об актерах, которые играли гомосексуалистов, женщин, трансвеститов с жуткими, антиэстетичными картинками. Ведущий сам называл этот юмор «туалетным».

Заметно, что контент ТВ как бы распался на две половинки, почти равноценных в 2008 году – красота и уродство, дисгармония, странные персонажи, жуткие обезображенные лица, хаотические разрушения и т. п., что было особенно характерно для фильмов. Сочетание несовместимого – яркая черта постмодернизма, который стал характерной особенностью нашей жизни и журналистики в те годы. И хотя в целом ТВ к 2008 году стало человеколюбивее, но не росло число публикаций, связанных с высокими нравственными качествами, добротой, правдолюбием, справедливостью (эта тема в то время колоссального расслоения и зримой социальной несправедливостью была непопулярна на ТВ). О традиционном понимании православной духовности в телеобразе в 2008 году не приходится говорить, скорее мы видим абсолютно перевернутую, негативную картину: в 7 раз больше по сравнению с 2002 годом зафиксировано фрагментов, связанных с оккультизмом, регулярно и весьма доброжелательно демонстрировались ведьмы и колдуны, рассказывалось о технике приворотов-отворотов, вампирах, инопланетянах и т. п.

К счастью, негативные тенденции, пик которых пришелся на 2008 год, с 2013 года стали постепенно преодолеваться (См. Табл. 4, 5).

К 2018 году телевидение стало больше внимания обращать на позитивные ценности, укрепление порядка, творческое отношение к жизни, инициативность. Положительные тенденции телеконтента показывали, что Россия постепенно стала выбираться из коллапса, в котором была в 1990-е годы и начале нулевых. Последовательно возрастало число фрагментов о патриотизме, почитании отечественных традиций.

Таблица 4. Динамика в отражении позитивных характеристик и ценностей на ТВ

Традиционные позитивные характеристики и ценности русского народа (в % к числу закодированных ценностей) Ранжировано по 6 столбцу	*2002 год*	*2008 год*	*2013 год*	*2018 год*	*2023 год*
Патриотизм, любовь к отечеству, почитание предков, традиций	2,9	2,5	4,9	5,8	7,4
Творческое отношение к жизни	4,7	4,3	5,3	7,1	7,0
Любознательность, стремление к познанию	2,6	2,1	3,1	4,6	5,8
Стремление к порядку, правосудие	7,1	4,7	7,3	8,4	5,7
Правдолюбие, правда, справедливость	3,2	0,7	1,5	2,9	4,5
Человеколюбие, любовь к ближнему, гуманизм	1,0	2,1	1,6	3,1	4,4
Добротолюбие, исповедование добра	2,9	0,8	1,2	1,1	4,4
Жизнелюбие, оптимизм, юмор	4,5	6,2	5,8	4,8	4,3
Инициативность, динамизм, состязательность	2,8	2,9	3,8	3,1	3,8
Свободолюбие, мужество	2,5	2,0	1,9	2,9	3,7
Созидательность, производство материальных ценностей	0,8	1,5	1,8	1,8	3,5
Нравственность	1,8	0,6	1,0	1,2	2,9
Выживаемость, здоровье	2,5	2,9	3,1	3,1	2,8
Любовь, верность	3,9	1,8	1,9	2,9	2,7
Православная духовность	2,3	1,8	0,8	2,1	2,7
Милосердие, прощение, терпимость	1,1	1,4	0,8	1,9	2,4
Совестность, совесть, честность	0,8	0,4	2,3	1,8	2,3
Уважительное отношение, лад в семье	2,3	2,9	2,3	3,1	2,1
Стремление к красоте	1,6	4,4	3,3	2,8	2,0
Миролюбие, дружелюбие	2,0	1,2	1,9	2,2	1,9
Трудолюбие	1,0	1,0	1,0	2,1	1,6
Соборность, общинность, народоправие	1,0	1,3	1,6	1,8	1,5
Душевность, сердечность	1,4	1,9	1,2	1,2	1,4
Органическая связь с природой	1,5	2,9	0,8	1,5	1,2
Щедрость, нестяжательство	0,04	0,8	0,2	0,3	0,7
Долготерпение, смирение, кротость		0,2	0,3	0,6	0,6
Бережливость, запасливость	0,07	0,5	1,1	0,8	0,2
Итого: абс. **%**	**753** **57,7%**	**758** **58,1%**	**817** **62,6%**	**961** **73,7%**	**1716** **84,0%**

Таблица 5. Динамика негативных характеристик и антиценностей на ТВ

Негативные характеристики и антиценности (в % к числу закодированных ценностей) Ранжировано по 6 столбцу	*2002 год*	*2008 год*	*2013 год*	*2018 год*	*2023 год*
Превалирование, рекламирование потребительства, потребительская психология	8,5	6,1	10,5	4,9	7,1
Раздоры и конфликты в семье, разрушение семьи, исковерканное детство	1,6	1,5	3,1	3,0	1,9
Агрессивность, жестокость	7,0	8,4	5,3	2,8	1,6
Безбожие, Оккультизм, культ ведьм, колдунов и пр.	0,4	3,3	2,2	1,9	1,1
Дисгармония, уродство, несообразность		3,6	1,8	2,2	1,0
Пессимизм, обреченность, мрачность	3,6	1,4	1,1	0,8	0,9
Безжалостность, нетерпимость	5,7	3,3	0,4	1,8	0,9
Бездушие, черствость, бессердечие	0,6	0,5	0,9	0,4	0,9
Распутство, порок, ранние половые связи, аномальные отношения	2,3	4,3	2,8	1,7	0,5
Разрушительство, анархия, хаос	1,8	1,4	2,4	0,5	0,3
Бессовестность, нечестность	0,4	0,9	0,7	0,1	0,3
Разрушение природы			0,07		0,2
Безнравственность, аморализм	0,4	0,2	0,3	0,3	0,2
Человеконенавистничество, эгоизм, зависть	0,4	0,2	0,6	0,4	0,1
Разъединенность, раздробленность, индивидуализм	1,6	0,2	0,8	1,6	0,1
Обреченность, болезни	1,5	0,7	1,0	0,3	0,1
Стяжательство, жадность	4,6	3,8	1,2	0,4	0,05
Рутинность, шаблонность				0,07	0,05
Пассивность, инертность, застой		0,07	0,3		0,05
Леность, безделие	0,07			0,1	0,05
Безродность. историческое беспамятство	0,1	0,07	0,1	0,1	0,05
Расточительность, мотовство		0,2	0,8	0,3	
Рабская безропотность, покорность, трусость	0,2	0,3	0,07	0,3	
Ложь, клевета, несправедливость	0,5	0,1	0,1	0,07	
Леность ума, нелюбознательность				0,1	
Злоделие, поклонение злу	0,6	0,1	0,4	0,07	
Гордыня, зависть		0,4	0,1	0,2	
Итого: абс. **%**	**551** **42 3%**	**546** **41,9**	**487** **37,4%**	**343** **26,3%**	**325** **16,0%**

Устойчиво превалируют оптимизм над пессимизмом; стремление к порядку и правосудию над анархией и хаосом; творческие отношение к жизни, инициативность, стремление к познанию над рутиной и пассивностью.

Телевидение стало человечнее, гуманнее. сердечнее, милосерднее, нравственнее. И во многом изменение ценностного контента было связано с созданием новых государственных каналов.

Но коренной перелом в структуре телеценностей случился в 2022 году когда руководство нашей страны вынуждено было по просьбе Донецкой и Луганской народных республик начать Специальную военную операцию по их освобождению и защите русского населения на Донбассе, которое подвергалось обстрелам со стороны киевского режима с 2014 года. Эти обстоятельства существенным образом отразились на ТВ-контенте, закодированном в январе 2023 года. Если сравнивать данные контент-анализа, проведенного в 2023 году с 2002 и 2008 годами, которые мы подробно проанализировали выше, можно заметить, что в три раза вырос процент публикаций о патриотизме (с 2,5% в 2008 до 7,4% в 2023 году), в пять раз – о справедливости, правдолюбии, информационной объективности и достоверности в борьбе с фейками (с 0,7 в 2008 до 4,5% в 2023 году). В два-четыре раза стало больше публикаций о человеколюбии, добротолюбии, нравственности, милосердии, честности и совести. Россияне проявляют сердечное участие в бедах людей Донбасса, собирают гуманитарную помощь, развернулось волонтерское движение. Заметно меньше на ТВ стало пессимизма, обреченности, разъединенности, что отражает и динамичные тенденции в жизни.

Отдельно надо сказать о двух ценностях, которым ТВ стало уделять больше внимания за последние годы – это любознательность, стремление к познанию, инициативность, динамизм, состязательность, а также созидательность, производство материальных ценностей. Все они связаны с тем, что страна начинает строиться, восстанавливать или заново создавать новые заводы, сельскохозяйственные и перерабатывающие производства, возникают новые долговременные национальные инновационные проекты, которые широко привлекают молодых лидеров, выявляемых по результатам различных

конкурсов: они проходят специальную образовательную подготовку и готовы строить новую независимую, мощную, конкурентноспособную страну. К этому подталкивают и санкции, которые накладывает на Россию «коллективный запад». И хотя чаще стал появляться на экранах человек труда, а созидательность как ценность увеличивает свой вес в телеконтенте, но по-прежнему в два раза выше процент фрагментов с рекламированием потребительской психологии, хотя оно стало менее навязчивым. Существенно, в четыре раза по сравнению с 2008 годом, в последние годы уменьшился процент сюжетов с одобрением агрессии, насилия и жестокости. Радует, что реже появляются сюжеты об оккультизме, хотя их еще достаточно. Открытой пропаганды порока, нарушения нравственных норм стало гораздо меньше, но ценностный дисбаланс в области взаимоотношений полов, пик которого мы зафиксировали в 2008 году, аукнулся конфликтами в семьях.

В целом, контент-анализ показал, что если в 2002 и 2008 годах соотношение позитивных ценностей и антиценностей было одинаковым – 58 и 42%, то в 2013 году уже 63 и 38%, в 2018 году – 74 и 26%, в 2023-84 и 16%, отчетливо видна позитивная динамика. Российский телеэкран, безусловно, стал за последние годы более патриотичным, креативным, созидательным, познавательным, милосердным, семейным, то есть более приверженным базовым российским ценностям.

Полученные результаты соотносимы с исследованием ценностных понятий, проанализированных за тот же период по русскоязычным СМИ, данные о которых есть в программе «Интегрум». Речь идет о панельном проекте «Традиционные ценности в семантическом медиапространстве русскоязычных СМИ „Интегрума“» (2001–2022). Исследование показало, что в медиаполе постоянно увеличивается количество слов, связанных с понятием «ценности», «традиционные ценности», что объясняется политическими и социокультурными процессами в стране. Обсуждению традиционных ценностей большее внимание уделяют региональные СМИ, чем федеральные и зарубежные, а интернет-издания, агрегаторы новостей чаще артикулируют словосочетание «западные ценности» (Свитич, 2010, 2023, 2024).

Таким образом, общие тенденции в двух проектах соотносимы и в целом оптимистичны. А ценностная парадигма возрождения России как мощной, динамичной, справедливой и духовной державы может быть связана только с опорой на базовые духовно-нравственные ценности нашего народа в контексте позитивных особенностей динамики современного общества и адекватного отражения их в медиа.

Список литературы

1. *Громыко М. М., Буганов А. В.* О воззрениях русского народа. – М., 2000.
2. *Ерофеева И. Е.* Аксиология медиатекста в российской культуре (репрезентация ценностей в журналистике начала XXI века). – Новос, 2009.
3. Журналистика в 2011 году: Ценности современного общества и средства массовой информации. – М., 2012.
4. Журналистика. Общество. Ценности: Кол. монография / под ред. В. А. Сидорова. – СПб, 2012.
5. Массмедиа и ценностные отношения общества: Кол. монография / под ред. Г. В. Лазутиной – М., 2013.
6. *Свитич Л. Г.* Методология и результаты исследования ценностных дихотомий в русскоязычном семантическом медиаполе (по базам программы «Интегрум») // Вестник Волжского ун-та им. В. Н. Татищева. 2023. Том 1, № 4. С. 127–141.
7. *Свитич Л. Г.* Динамика ценностей в российском телевизионном контенте // Экология языка. Современная коммуникация. Материалы междунар. научного симпозиума Русистика-2018 «Экология языка и современная коммуникация» 26–29 апреля 2018 г. (г. Шумен, Болгария). – Шумен, 2018. С. 251–261.
8. *Свитич Л. Г.* Методология и результаты исследования ценностных дихотомий в русскоязычном семантическом медиаполе. Методики и результаты второго этапа исследования // Вестник Волжского ун-та им. В. Н. Татищева. 2024. № 1. С. 116–133.
9. *Свитич Л. Г.* Традиционные российские ценности на телеэкране в динамике (2002–2023 гг.) // Вестник Волжского ун-та им. В. Н. Татищева. 2023. Том 2, № 2. С. 200–214.
10. *Свитич Л. Г.* Феномен журнализма. – М., 2002.
11. *Свитич Л. Г.* Феноменология журналистики. Монография в 2 т. – М., 2024.
12. *Свитич Л. Г.* Эволюция ценностной семантики медиаконтента по базам программы «Интегрум» // Журналистика в 2022 году: творчество, профессия, индустрия: сб. мат. междунар. науч.-практ. конф. – М.: Фак. журн. МГУ, 2023. С. 204.

13. *Свитич Л. Г.* Динамика ценностей в телеконтенте // Век информации. 2018. № 2–1. С. 326–328.
14. *Сидоров В. А., Ильченко С. С., Нигматуллина К. Р.* Аксиология журналистики. Опыт становления новой дисциплины: кол. монография / под ред. В. А. Сидорова. — СПб, 2009.
15. *Сидоров В. А.* Аксиология журналистики: учеб. пособие. — СПб, 2016.

Л. А. Круглова

МГУ им. М. В. Ломоносова
abiljol@mail.ru

Социальные медиа российских телевизионных каналов: гуманистическая или антигуманная повестка дня?

Введение

В 2021 г. А. Н. Фортунатов, размышляя над исследовательским вектором анализа новостей (акцент на инструментализм, на эффекты, реакции, зависимость аудитории), говорил о том, что в тени для ученых остаются обратные процессы (новость как отражение культурной матрицы, как аксиологический индикатор представлений о прекрасном и отвратительном и т. д.) и ставил вопрос: «может ли новость содержать в себе нечто, что выходит за четко очерченные границы сухого сообщения о произошедшем событии (кто, где, с какими последствиями и так далее)» [Фортунатов, 2022: 256]. В продолжение размышления над этим каверзным вопросом, хочется спросить – а полное отсутствие определенных новостей в медиапространстве или отклика реальной повестки дня – содержит ли в себе то самое нечто и как сказывается на общественном сознании?

Более полувека назад М. Маккомбс и Д. Шоу главными факторами влияния СМИ на общественное сознание определили тематическую подборку новостей, которые отбирались по принципу важности и без прямых установок. То есть формирование мнения в социуме диктовалось наличием тем и проблем в СМИ [McCombs, Shaw, 1972: 177]. В условиях развития цифровых технологий и интеграции онлайн-формата в функционирование средств массовой информации инструменты манипуляции общественным сознанием

переходят на новый уровень. Медиа оказывают влияние на общественные процессы путем преднамеренных практических действий [Martins, 2022: 99].

Медиа, совершенствуя технологии отбора и подачи информации, формируют новую виртуальную реальность – определенную систему представлений человека и общества о действительности [Нигматуллина, Поляков, 2023: 39]. Гуманистические основы в информационных потоках отходят на второй план, акцентируясь на рентабельности функционирования медиа [Дорощук, 2016: 12]. Медийные процессы обретают тенденцию к расширению под влиянием множества объективных факторов, в том числе под влиянием роста числа медийных платформ (мессенджеры, Telegram-каналы, видеохостинги) [Сидоров, 2022: 48]. Тем не менее дискуссия о гуманизме в раскрытии информационных поводов находится в ракурсе ценностных ориентиров. Так, К. Р. Нигматуллина и А. К. Поляков [Нигматуллина, Поляков, 2023: 40] выделяют две плоскости:

1) опираясь на восприятие «любых ситуаций сквозь призму человеческого» [Яковлева, 2014:40], средства массовой информации используют антропоцентрический подход в освещении событий;
2) расширение структуры современных медиа, внедрение новых форматов и способов освещения событий, развитие новых платформ и тенденций техногуманизма в медиа, различия локальных ценностных ориентиров аудитории, требуют соответствующего подхода к анализу возникающих в обществе ценностных конфликтов.

В 2023 г. В. А. Сидоров отмечал, что в российском медийном поле, в повестке современных СМИ после 2022 года наметился ценностный диссонанс гуманизма [Сидоров, 2023]. Профессор говорил, что «социально-политическая повестка 2022–2023 годов, на первый взгляд, могла вернуть человека из полного погружения в мир так называемой виртуальности на твердую почву социального бытия». Однако возможность обернулась очередным расколом в социуме – на тех, кого это коснулось в реальности, и на тех, кто видит это через призму медиа, через экран телевизора. «Так процесс поиска подлинности в информационной картине снова обернулся его

медиатизацией, новая реальность „цифры“ оказалась сильней былого желания прочно стоять на земле» [Сидоров, 2023: 275].

Также в работе отмечено, что «сегодня в СМИ реалии войны вошли в противоречие с другими аспектами медийной жизни – развлекательным содержанием телевизионных программ, сериалов, которые, вне зависимости от своего назначения и художественного уровня, все же ориентированы для показа в повседневной мирной жизни. Конечно, аудитория забыть о том, что происходит на Украине, не способна. Но ее сознание амбивалентно, при оценке текущей действительности пребывает в состоянии политической неопределенности..., и телевизионная сетка вещания в чем-то отражает эту неопределенность. По-прежнему доминантны программы, относящиеся к сфере массовой культуры, и они по-прежнему вовлекают в свою орбиту иные проявления медиакультуры. В результате информационная повестка телевещания повторяет для аудитории черты массовой культуры – подлинность трагедии превращается в элемент интриги» [Сидоров, 2023: 277].

К подобным мыслям и неожиданным для нас результатам мы подошли с другой стороны, но примерно в то же время. Нами был проведен анализ работы шести российских телеканалов (Первый канал, «Россия 1», НТВ, СТС, ТНТ, ПЯТНИЦА!) с социальными медиа: *ВКонтакте, Одноклассники, Telegram, Rutube и YouTube*. Целью анализа было определение изменившихся цифровых контент-стратегий телеканалов в условии турбулентности – на основе анализа эффективности деятельности аккаунтов выбранных каналов в социальных сетях в течение четырех случайных недель 2022 и 2023 гг. В каждой из недель анализировались следующие параметры: количество постов, комментариев, просмотров и лайков. На основании всех аудиторных и канальных активностей выделялся Engagement Rate – коэффициент вовлеченности пользователей в публикуемый контент. Кроме того, на основании всего массива материала выделялись наиболее востребованные у аудитории публикации, анализировались формы подачи [Круглова, Щепилова, 2024a; Круглова, Щепилова, 2024b].

Подобное исследование было проведено авторами в 2017 году. Тогда целью анализа также было проанализировать поведение

и редакционную политику российских телевизионных каналов на новых технологических платформах. В 2017 году авторы пришли к выводу, что российские «телевизионные каналы в большинстве своем недостаточно хорошо понимали специфику социальных сетей. Телевизионные каналы продолжали выстраивать коммуникацию с аудиторией по аналоговому принципу – от вещателя к массам. Довольно редко каналы пытались привлечь интернет-аудиторию к сотворчеству, используя интерактивную функцию социальных сетей. Аудитория социальных каналов телевизионных сетей в комментариях часто „жила своей жизнью“, коммуницировала между собой и оставляла порой неподобающие посты, пользуясь тем, что комментарии социальных сетей не модерировались телеканалами» [Щепилова, Круглова, 2018: 13]. В 2017 году также были замечены «две реальности» информационного и развлекательного сегментов отечественного телевидения, но в другой обстановке, в других реалиях это отличие не было столь критическим и антигуманным.

Еще одной предпосылкой для исследования 2024 года стала вынужденная миграция пользователей между иностранными и российскими социальными медиа после 2022 года. Блокировка части социальных сетей в России привела к оттоку аудитории с западных площадок на российские аналоги.

Несмотря на высокий рост медиапотребления в социальных медиа традиционное телевидение в России оставалось медиа номер один по накопленному охвату: хотя бы раз в месяц телевизор смотрело на исследуемый период почти все население России. К октябрю 2022 года россияне не только не отвернулись от телесмотрения в пользу цифровых изданий, как ожидалось, но по сравнению с сентябрем 2021 года (когда был наименьший показатель просмотра телевизионных новостей за новую историю) произошел рост на 4%. Соотечественники старше 4 лет смотрели телевизионные каналы примерно 4 часа в день. В структуре телепросмотра в 2022 году среди населения крупных городов от 4 до 44 лет лидировали каналы I и II мультиплексов без учета «большой тройки» («Первый канал», «Россия 1» и НТВ): на них приходилось чуть больше трети времени просмотра. На каналы вне мультиплексов

россияне тратили 27% времени, на нелинейный просмотр и каналы «первой тройки» – 26% и 13% времени соответственно. Вполне естественно, что в 2022 году россияне стали больше смотреть новостей (12% времени просмотра) и социально-политических программ (15%) [1].

Кроме того, в России в начале 2023 года 88,2% населения использовало цифровые технологии. Согласно отчету Global Digital 2023 [2], наша страна занимало 45-е место в глобальном мировом рейтинге по распространению Интернета. По данным Mediascope [3] совокупная аудитория Интернета в месяц в России составляла 98,6 миллионов человек. Практически все пользователи заходили в Интернет ежедневно. В младших возрастных группах аудитория Интернета составляла без малого 100% населения. Аудиторная вовлеченность была очень высокая: россияне от 12 до 24 лет проводили в сети в день почти 6 часов. Среднестатистический житель России тратил почти 4 часа в день. Наблюдался рост времени, проведенный в Интернете, за счет старших групп. Почти две трети времени, которые россияне проводили в 2022 году в Интернете, приходились на три крупнейших вида активности: 21% – социальные сети (и это даже несмотря на блокировку в 2022 году двух популярных среди россиян социальных площадок), 18% – видео и 15% – мессенджеры.

После признания *Meta** экстремистской организацией и блокировок в России *Facebook** и *Instagram**, крупнейшей социальной сетью в России в 2022 году стал *ВКонтакте* – сюда заходили 80% населения хотя бы раз в месяц и 40% населения ежедневно. Потом шли *TikTok* и *ОК*. Аудитория *ВКонтакте* за 2022 год выросла на 13%, пользователей, *ОК* – на 1%, а *TikTok* потерял 1% населения (из-за жестких ограничений для россиян со стороны сервиса). Помимо гигантского сокращения охвата аудитории – до 80% – у заблокированных социальных сетей изменилась и длительность нахождения

---

1 Медиапотребление в 2022 году. Презентация Mediascope 15.03.2023. URL: https://mediascope.net/news/1575873// (дата обращения 15.03.2023)

2 Global Digital 2023. URL: https://www.meltwater.com/en/global-digital-trends (дата обращения 15.03.2023)

3 Аудитория интернета в 2022 году. Обзор Mediascope 21.02.2023. URL: https://mediascope.net/news/1567182/ (дата обращения 15.03.2023)

в них – меньше пяти минут[4]. Многие российские телевизионные каналы удалили или заморозили свои аккаунты с достаточно большим аудиторным охватом в заблокированных *Facebook** и *Instagram**.

Если говорить о форме, то видео – одна из наиболее значимых активностей в Интернете. При этом абсолютное большинство мировых просмотров приходится на *YouTube*. Именно этот видеохостинг был одним из наиболее популярных ресурсов в российском Интернете в целом – как по охвату, так и по времени потребления – 15% от всего времени нахождения в Интернете. Другие видеосервисы отличались по назначению и аудитории, они были сконцентрированы в разных нишах (кинотеатры с контентом по запросу, сервисы просмотра линейного телевидения, агрегаторы etc.). Достаточно активные и востребованные *YouTube*-каналы «большой тройки» были удалены самим видеохостингом после начала периода турбулентности. Эфиры федеральных российских общественно-политических каналов все равно можно было увидеть на *YouTube,* но уже на других аккаунтах, и аудитория у них в начале была небольшая. Одной из альтернативных видеохостингу *YouTube* площадок в России эксперты называли *Rutube*. Согласно аналитике *Similarweb* в мае 2022 года сайт *Rutube* посетили 50.4 млн человек[5]. Примечательно, что за 5 месяцев с января 2022 года трафик *Rutube* вырос в 6,5 раз. По итогам февраля 2023 года месячная аудитория *Rutube* составила 40,5 миллиона пользователей. Однако *Rutube* не ставил себе задачу заменить *YouTube в* России, даже на фоне звучащих предложений о развитии и поддержке национального видеохостинга и блокировки западного. Одна из главных задач *Rutube,* по словам его руководителей, просто стать интересной площадкой для блогеров[6]. Нельзя не обойти вниманием площадку, которая

---

[4] Аудитория интернета в 2022 году. Обзор Mediascope 21.02.2023. URL: https://mediascope.net/news/1567182/ (дата обращения 15.03.2023)

[5] Статистика Rutube в 2022 году. URL: https://inclient.ru/rutube-stats/ (дата обращения 25.03.2023)

[6] Rutube не ставит себе задачу заменить YouTube в России//РИА НОВОСТИ. URL: https://ria.ru/20230314/rutube-1857711747.html (дата обращения 15.03.2023)

показывает рост аудитории, – Дзен, она объединила в себе Яндекс. Новости, Яндекс.Дзен и перешла к холдингу *VK*[7].

Перераспределение доли аудитории между социальными сетями и мессенджерами исследователи связывают не с сокращением одной активности и ростом другой, а с перетеканием между площадками и гибридными форматами. Это же стало и одним из драйверов роста гибрида *Telegram*, который также выполняет функцию социальной сети. Пики роста *Telegram* связаны с логичной потребностью россиян в новостных источниках в период турбулентности. Большинство блогеров весной 2022 года стали создавать *Telegram*-каналы и пытались переводить на них свою аудиторию с заблокированных в России платформ. Динамика *Telegram*, за счет его гибридного формата, отличалась от динамики других мессенджеров. Время использования площадки стало составлять почти 40 минут, что намного выше, чем у *WhatsApp* (принадлежит Meta*) и у многих других социальных сетей. Значимая часть времени, которое пользователи проводили на площадке, приходится на чтение *Telegram*-каналов[8], в том числе новостных. Если в начале 2022 г. гибридный мессенджер в России использовал 25,5 млн человек в сутки, то уже в первые недели 2023 г. количество пользователей достигало почти 50 млн.

В рамках комплексного анализа трансформации аудиовизуальной среды, которое проводит кафедра телевидения и радиовещания факультета журналистики МГУ, логическим продолжением стало данное исследование, в котором преследовались следующие цель и задачи: понять, как российские телевизионные каналы используют социальные медиа в новой реальности, проанализировать как российское телевидение осваивают новые площадки, в том числе *Telegram*, и использует ли их возможности, а также насколько высок аудиторный отклик на работу телевизионных каналов в социальных медиа и в частности в *Telegram*.

---

[7] Ежемесячная аудитория «Дзена» за 2022 год выросла до 70 млн человек // ТАСС. URL: https://tass.ru/ekonomika/16673633 (дата обращения 25.03.2023)

[8] Аудитория интернета в 2022 году. Обзор Mediascope 21.02.2023. URL: https://mediascope.net/news/1567182/ (дата обращения 15.03.2023)

Выборка и методы

Выборка телеканалов была составлена с учетом среднегодового рейтинга, а также с учетом тематической сегментации. В нее вошли шесть телеканалов – Первый канал, «Россия 1», НТВ, СТС, ТНТ, ПЯТНИЦА! Так называемая «большая тройка» (Первый канал, «Россия 1» и НТВ) – сформировали свою аудиторию еще до цифровизации. Следующие три телеканала – СТС, ТНТ, ПЯТНИЦА! – самые рейтинговые в сегменте развлекательного телевидения, история их становления и накопления аудитории происходила также до цифровизации. Формально сейчас все шесть телеканалов «уравнены в правах», входят в число общедоступных каналов первого и второго мультиплексов.

На первом этапе анализировались аккаунты выбранных каналов в наиболее значимых социальных медиа – Telegram, ВКонтакте, «Одноклассники», YouTube и Rutube. Основное внимание при анализе было уделено вопросу, какое количество подписчиков смогли привлечь и удержать телеканалы на своих официальных аккаунтах.

Для более детального анализа были выбраны площадки Telegram, ВКонтакте, «Одноклассники» и Rutube как наиболее интересные с точки зрения развития в условиях трансформации медиаполя. На данный момент *Telegram* уже не просто мессенджер – за счет большого количества медийных каналов – это полноценная медиаплощадка. Телевизионные каналы пытались понять «правила игры» и занять свое место. В период перераспределения социальных медиа в России ВКонтакте предпринимает попытки занять место главной медийной российской площадки[9]. «Одноклассники» (после ВКонтакте, TikTok и Telegram) – четвертая по популярности

---

[9] Итоги четвёртого квартала 2022 года ВКонтакте: рост выручки на 31% и месячной аудитории в России на 9,6% – до рекордных 79,5 млн//ВКонтакте. Новости для прессы. URL: https://vk.com/press/q4-2022-results#:~:text=%D0%97%D0%B0%202022%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%20%D0%92%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B5%20%D0%B1%D1%8B%D0%BB%D0%BE,%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D1%83%20%D0%B8%20%D0%B4%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B3%D0%BB%D0%BE%202%20%D0%BC%D0%BB%D0%BD (дата обращения 23.11.2023)

соцсеть в России (по времени потребления среди населения), об этом говорит апрельский отчет 2023 года Mediascope.

Авторы ставили перед собой задачу выявить, какой контент и как часто предлагают телеканалы в своих аккаунтах, и насколько активно воспринимает его аудитория. Количество подписчиков официального аккаунта были соотнесены с их аудиторной активностью. Анализировался контент четырех случайных недель 2022 и 2023 гг.:

1) с 14 по 20 марта 2022 г.,
2) с 15 по 21 августа 2022 г.,
3) с 24 по 30 октября 2022 г.,
4) с 9 по 15 января 2023 года.

В каждой из недель анализировались параметры: количество постов, комментариев, просмотров и лайков. На основании всех аудиторных и канальных активностей выделялся Engagement Rate – коэффициент вовлеченности пользователей в публикуемый контент (посты). При этом ERpost – среднее арифметическое коэффициента вовлеченности пользователей всех публикаций за анализируемый период. ERpost = (сумма лайков за весь период + сумма репостов за весь период + сумма комментариев за весь период) / количество подписчиков / количество публикаций за весь период. Кроме того, на основании данных всего массива материалов выделялись наиболее востребованные в аудитории публикации, анализировались формы подачи.

Конкретными задачами исследования стало выявление контент-стратегий, мониторинг и фиксация количественных и качественных характеристик деятельности выбранных телевизионных каналов, определение аудиторного отклика в социальных медиа Telegram, ВКонтакте и «Одноклассники».

Результаты исследования

Результаты исследования показали, что за анализируемый период все выбранные телеканалы работали с социальными медиа достаточно активно. По независимым от них причинам, исключения составляли каналы «большой тройки» на YouTube – компания

Google заблокировала YouTube-каналы российских государственных телекомпаний («Первого канала», ВГТРК и НТВ) весной 2022 года. Однако программы «Первого канала», «России 1», «Вестей» и так далее можно было увидеть на других YouTube-каналах. НТВ создал новый YouTube канал в августе 2022 года, однако подписчиков там в начале было немного.

В то же время у НТВ была достаточно высокая аудитория на *Rutube* – более 110 тысяч. Остальные телевизионные каналы на *Rutube* не были так активны – число подписчиков колебалось от нескольких сотен (например, у СТС) до нескольких десятков тысяч («Первый канал», «Россия 1», ТНТ). Платформа *Rutube* была достаточно сложна для анализа, она не давала возможности увидеть какие-либо метрические данные. Активнее всего на *Rutube* публиковалось НТВ – более 40 коротких видео в день. «Россия 1» публиковала здесь 1–2 ролика в день, «Первый канал» – 4–5 постов в день. ТНТ, как и «Пятница!», публиковали на *Rutube* в лучшем случае один пост в день, постов СТС на официальном аккаунте канала обнаружить не удалось.

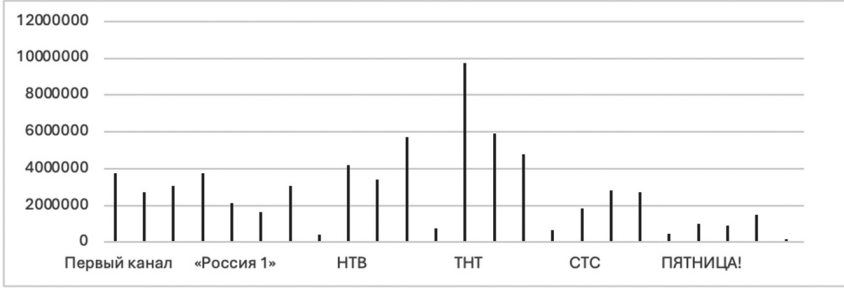
Таблица 1. Телевизионные каналы и количество подписчиков в социальных медиа в ноябре 2022 года

	ВКонтакте	*Telegram*	*Одноклассники*	*Rutube*	*YouTube*	*Суммарный охват*
«Первый канал»	2 121 095	66 077	930 000	23 182	–	3 140 354
«Россия 1»	1 147 734	35 930	694 000	47 200	–	1 924 864
НТВ	537 901	**160 939**	893 000	**110 427**	1 240 (новый)	1 703 507
ТНТ	**5 989 680**	76 609	703 000	10 900	312 000	7 092 189
СТС	3 412 412	10 660	**1 200 000**	724	**11 000 000**	**15 623 796**
«Пятница!»	1 427 025	92 259	152 000	3 000	4 580 000	6 254 284

Источник: мониторинг аккаунтов телеканалов в социальных медиа, ноябрь 2022 г.

Как видно из Табл. 1, наибольший суммарный охват демонстрировал СТС. Если говорить об отдельных платформах, то у каждой из них был свой лидер. Хотя тот же СТС являлся самым востребованным телеканалом из всех анализируемых, на *YouTube* и в *Одноклассниках*. На ТНТ продолжали считать наиболее подходящей сетью для общения со своей аудиторией *ВКонтакте*, поэтому именно на этой площадке и разворачивалась основная работа. НТВ был первым на *Rutube* и в *Telegram*, но по суммарному охвату у этого телеканала были самые низкие показатели. «Россия 1» также демонстрировала более чем скромные охватные характеристики в социальных медиа, несмотря на заметные реформы в централизованной работе ВГТРК с социальными медиа в 2020–2022 гг. Невысокие показатели были и у «Первого канала». То есть телеканалы «большой тройки» работали с привлечением аудитории социальных медиа куда сдержаннее, чем телеканалы развлекательного сегмента.

График 1. Количество просмотров постов ВКонтакте в выбранные для исследования недели



Источник: мониторинг аккаунтов ВКонтакте телеканалов: 1) с 14 по 20 марта 2022 г., 2) с 15 по 21 августа 2022 г., 3) с 24 по 30 октября 2022 г. и 4) с 9 по 15 января 2023 г.

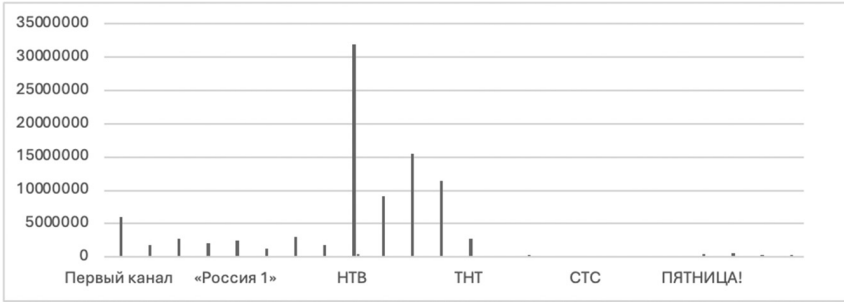
Результаты исследования показали, что наиболее активный из анализируемых каналов в плане размещения постов – НТВ. Он агрессивнее и активнее других каналов «постится» в *ВКонтакте* и «*Одноклассниках*». ВКонтакте НТВ размещает примерно 21 постов

в сутки. Для сравнения: «Россия 1» — 10, а Первый канал — 18 постов в сутки.

Развлекательные каналы намного менее активны, чем ВКонтакте. ТНТ размещает в своем канале три поста в сутки, примерно столько же публикует канал СТС — четыре-пять. Самый лаконичный ВКонтакте (как, впрочем, и в других своих социальных медиа) — канал ПЯТНИЦА! (не больше двух постов в сутки, а порой и вовсе молчание).

«Первый канал» в большинстве случаев делал «перепост» анонсов или программ своего сайта (видео плюс небольшой текст). «Россия 1» наряду с анонсами и программами канала, размещал и новостные сюжеты. Нельзя не сказать, что у ВГТРК есть еще ВКонтакте отдельная страница платформы «Смотрим» (183 тысячи подписчиков в 2023 году), но там, в основном, анонсируются программы «России 1». НТВ в больше степени размещает новостные сюжеты в своем аккаунте, но есть и анонсы, и программы канала. Интересно, что группа НТВ иногда делает перепост отдельного своего канала «Ирада Зейналова».

График 2. Количество просмотров Telegram-постов в выбранные для исследования недели



Источник: мониторинг Telegram-аккаунтов телеканалов:
1) с 14 по 20 марта 2022 г., 2) с 15 по 21 августа 2022 г., 3) с 24 по 30 октября 2022 г. и 4) с 9 по 15 января 2023 г.

Что касается взаимодействия с аудиторией, то из всего анализируемого периода только «Россия 1» отключала возможность комментирования в первую исследуемую неделю (с 14 по 20 марта 2022 г) ВКонтакте. Такие манипуляции с настройками пользовательской интерактивности объясняются скорее всего предыдущим негативным опытом каналов в других социальных сетях (например, ВКонтакте, где подписчики «России 1» позволяли себе неподобающие комментарии к любым постам). В анализируемый период сложилось впечатление, что ненадлежащие комментарии на каналах модерируются. Малую публикационную активность каналов в четвертую анализируемую неделю (с 9 по 15 января 2023 г.) можно объяснить последствием январских праздников.

Результаты исследования также показали, что наиболее активный из анализируемых каналов в плане размещения постов – телеканал НТВ. Стоит отметить, что НТВ агрессивнее и активнее других выбранных каналов размещает посты в оставшихся социальных медиа (*ВКонтакте*, *ОК*, *Rutube*). В *Telegram* НТВ публиковал примерно 49 постов в сутки. Для сравнения: «Россия 1» – 30, а «Первый канал» – 29 постов в сутки. Развлекательные каналы, не специализирующиеся на новостном контенте, намного менее активны в *Telegram*. ТНТ размещает в своем канале плюс-минус 4 поста в сутки, примерно столько же публикует канал СТС. Самый лаконичный в *Telegram* (как, впрочем, и в других своих социальных медиа) – канал «Пятница!» (не больше двух постов в сутки, а порой и вовсе молчание). Такая расстановка сил вполне объяснима. Каналы «большой тройки» работают с новостной повесткой и, возможно, пытаются занять место в информационной экосистеме *Telegram*. *Telegram*-канал «Первого канала» называется «Первый канал. Новости» и в большинстве случаев делает «перепост» новостей своего сайта (видео плюс небольшой текст). «Россия 1» наряду с сюжетами канала, «Вестей», «перепостами» с сайта, размещает и текстовые новости и анонсы программ. Есть еще отдельные *Telegram*-каналы «Вестей» и платформы «Смотрим» (единая площадка ВГТРК). НТВ придерживается такой же контент-стратегии – перемежает посты с видео из репортажей, новостей, и текстом с простым текстом коротких новостей. Следует отметить, что

на *Telegram*-канал «Смотрим НТВ» был переведен развлекательный контент – скандальные новости про шоу-бизнес, знаменитостей, путешествия и лайф-стайл, но он имеет лишь чуть более 11 тыс. подписчиков. Нельзя не сказать, что НТВ также осуществляет трансляцию эфира на своих Telegram-каналах, но аудитория трансляций как правило измеряется лишь десятками пользователей.

Что касается реакций на поведение аудитории, то «Первый канал» отключил комментарии только в первую исследуемую неделю (с 14 по 20 марта 2022 г). В этот же период комментарии отключили и канал «Пятница!», и ТНТ (были отключены и с 9 по 15 января 2023 г.). Во вторую исследуемую неделю (с 15 по 21 августа 2022 г.) возможность комментировать была отключена у СТС. «Россия 1» отключила комментарии во все анализируемые периоды. В то же время «Первый канал» не давал возможность реагировать пользователям на посты во все исследуемые периоды. Такие манипуляции с настройками пользовательской интерактивности объясняются, скорее всего, предыдущим негативным опытом каналов в других социальных сетях (например, *ВКонтакте*, где подписчики «Первого канала» или «России 1» позволяли себе неподобающие комментарии к любым постам).

Однако самым неожиданным результатом стал анализ самых востребованных аудиторией постов (таблицы 2 и 3).

Таблица 2. Наиболее просматриваемые Telegram-посты федеральных каналов за исследуемые недели

Неделя	*Первый канал*	*«Россия 1»*	*НТВ*
14–20 марта 2022	«А теперь о ещё одном происшествии недели. В понедельник в прямом эфире программы „Время" за спиной ведущей появилась женщина».	«В боях за освобождение Мариуполя от украинских нацистов погиб замкомандующего Черноморским флотом, капитан 1 ранга Андрей Николаевич Палий».	«Нас считают за мразь, за тварь и за грязь, которую можно купить, можно развратить и можно использовать, как сохранить».

Продолжение табл. 3

Неделя	*Первый канал*	*«Россия 1»*	*НТВ*
15–21 августа 2022	«Сегодня — 80 лет со дня рождения Муслима Магомаева».	«Жители Нарвы не смирились со сносом советского памятника танку Т-34 — на его месте появился стихийный мемориал. Ночью люди пришли к месту событий: положили цветы, плакаты с изображением снесенного памятника и поставили свечи. „16 августа 2022. Помним, не забудем"»,	«Зеленский заявил, что переговоры с Россией возможны только в том случае, если „российские войска покинут незаконно оккупированную территорию Украины"»
24–30 октября 2022	«Скончался бывший глава Пентагона Эштон Картер. Он возглавлял американское военное ведомство при президенте Бараке Обаме».	«Рамзан Кадыров заявил о слабом ответе на обстрелы новых регионов РФ со стороны ВСУ. Глава Чечни выступил за более жесткие меры, „чтобы понимали, что нельзя даже подумать стрелять в нашу сторону". По его словам, спецоперация в настоящее время идет уже на территории России, однако „большего и худшего" не будет. „У Европы нет сил, что они, своих ЛГБТшников отправят воевать с нами?" — подчеркнул он. „Я вам даю слово... мы их уничтожим, сколько бы их не было, сколько бы их туда не отправили, сколько бы они не отправили своих войск", — пообещал Рамзан Кадыров».	«Журналист Михаил Зыгарь, недавно внесенный Минюстом в реестр СМИиноагентов, в Португалии заключил брак со своим партнером Жаном-Мишелем Щербаком (бывший участник проекта „Замуж за Бузову"».
9–15 января 2023	«Утрата. На 80-м году жизни скончалась народная артистка СССР Инна Чурикова».	«Военный врач Александр Сеикаев погиб, спасая пациентов под обстрелом. ВСУ ударили по больнице в Запорожской области. Ракеты попали в корпус, где находились дети, женщины, старики».	«Доброволец из Башкирии Фанис Хусаинов, который угнал бронетранспортер у украинских военных и вывез раненого командира с поля боя, погиб при исполнении воинского долга, сообщил глава Татышлинского района Башкортостана Фанур Шайхисламов».

Таблица 3. Наиболее просматриваемые Telegram-посты развлекательных каналов за исследуемые недели

Неделя	*ТНТ*	*СТС*	*ПЯТНИЦА!*
14–20 марта 2022	«ВАЖНАЯ ИНФОРМАЦИЯ 1. В „Импровизации" произошло то, чего не было никогда 2. Шоу выходит в 22».	«Пиши в комментариях смотри „ПроСТО кухня" сегодня в 9:30 на СТС».	*«мем» про Рената Агзамова* «Ренат задаёт тренды».
15–21 августа 2022	Опрос «Актеры „Однажды в России" хотят познакомиться с тобой лично Пиши в комментариях свое имя, город и любой интересный факт из жизни, а ребята выберут самые интересные истории и отправят личные видео-приветы».	«Победителями сегодняшней игры становятся @giperskrip / @None | Евгения / @lut333 Ставь, если ждёшь следующую игру».	*«Мем» про шоу «Адский шеф»* «Про рейтинги. Премьеру „Адского шефа" в эфире посмотрел каждый 10-й телезритель в возрасте 14–44. В среду весь вечер — Пятница! #1 среди телеканалов».
24–30 октября 2022	Опрос «Ты готов? Эта новость сделает твой день! Твое любимое шоу „ИМПРОВИЗАЦИЯ" вернется уже завтра в 22:00 на ТНТ Лайк и коммент, если ждешь!»	«Заплати 1000 (эмодзи сердечко)».	*пост-мем про шоу «Сердце Ивлеевой»* «Даже у цифр есть пара, а у Насти — нет».
9–15 января 2023	«Ты готов к пятничной милоте? Специально для тебя мы нашли фото звезд ТНТ с песиками и котиками. А теперь соцопрос: — ты собачник — ты кошатник — фото с Дорохом не фотошоп».	Семейные выходные #звезды@ctc	*Фото из шоу «Кондитер»* «Ренат и Ольга — как вишенки на торте улыбаются, потому что сегодня премьера нового сезона шоу „Кондитер", в 19:00 @friday».

Похожие данные получились и в результатах анализа постов *ВКонтакте*. Казалось бы, все вполне естественно – новостные каналы информируют, развлекательные – развлекают, и в обычных условиях такие результаты не привлекли бы внимания. Однако в условиях турбулентности, такой информационных разрыв выглядит, по крайне мере, чудовищно: появляется ощущение двух параллельных реальностей.

Выводы и дискуссия

В новом контексте социальных и технологических перемен медийная среда становится первопричиной социально значимых процессов. В. А. Сидоров, говоря о ценностном диссонансе гуманизма в отечественной медийной повестке, поднял архиважный вопрос о человекоразмерности современных медиа, в практике которых феномены «жизнь/смерть», «память/забвение», «подлинное/мнимое» выступает как «цифровые слепки» – образы – с человека физического [Сидоров, 2023]. Слепок, не тождествен оригиналу, но объективно с ним неразрывен, так как «искусственно созданная медиареальность есть не что иное как коммуникативная система, связывающая человека с объективной реальностью» [Кириллова, 2015: 160–161]. Результаты анализа повестки социальных медиа телеканалов, напрямую коррелирующей с повесткой самих каналов, демонстрируют, насколько ощутимо медийная реальность разделяется с реальностью социальной. Анализ медиа – их включенности в социальную жизнь в качестве актора информационных отношений людей – наглядно показывает гуманистический разрыв в обществе.

Ясно видится в период турбулентности аудиторный запрос, с одной стороны, на новостную повестку дня, а с другой, даже не столько развлекательный, сколько отвлекающий контент.

Исследование, целью которого было проанализировать контент-стратегии телевизионных каналов в социальных медиа, вскрыло, что в одно и то же время на разных каналах сосуществует две параллельные реальности. Обе реальности медийные, которые отличаются от реальности природной. Каналы ограничивают возможность зрителя публично выразить реакцию на эти медийные реальности – и делают это как федеральные, так и развлекательные каналы.

Можем ли мы говорить в подобной ситуации об «изоляционном гуманизме», о гуманизме или об антигуманизме? Контрастность, противоположность реальностей различных медиаканалов отражает не только неизбежные различия, но и этическую идентификацию отсутствия наполненности смыслами собственного содержания.

Список литературы

1. *Дорощук Е. С.* Гуманизм современной журналистики как предмет изучения: генезис и перспективы // Гуманизация информационного пространства в контексте диалога культур. Казань, 2016. С. 5–15.
2. *Кириллова Н. Б.* Медиалогия. М.: Академический проект, 2015.
3. *Круглова Л. А., Щепилова Г. Г.* Телеканалы в период турбулентности: контент-стратегии в социальных медиа // Вестник Росс. ун-та дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29, № 1. С. 135–151. DOI 10.22363/2312-9220-2024-29-1-135-151.
4. *Круглова Л. А., Щепилова Г. Г.* Российские телеканалы и социальные медиа в условиях трансформации медиаполя // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2024. № 87. С. 255–272. DOI 10.17223/19986645/87/14.
5. *Нигматуллина К. Р., Поляков А. К.* Ценностные конфликты и гуманизм в политическом медиадискурсе // Медиа в современном мире. 62-е Петербургские чтения: Сб. материалов ежегодного 62-го Междунар. научного форума. В 2-х тт., Санкт-Петербург, 28 июня – 01 июля 2023 года / Отв. ред. А. А. Малышев. Том 1. СПб.: ООО «Медиапапир», 2023. С. 39–40. EDN PUJGHI.
6. *Сидоров В. А.* Гуманизм и постгуманизм «второй реальности» // Медиа в современном мире. 62-е Петербургские чтения: Сб. материалов ежегодного 62-го Междунар. научного форума. В 2-х тт., Санкт-Петербург, 28 июня – 01 июля 2023 года / Отв. ред. А. А. Малышев. Том 1. СПб.: ООО «Медиапапир», 2023. С. 46–48.
7. *Сидоров В. А.* Идентификация аксиологии массмедиа в ситуации «цифрового времени» // Журналистика в 2021 году: творчество, профессия, индустрия, Москва, 03–05 февраля 2022 года. М.: Фак-т журналистики Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, 2022. С. 47–48.
8. *Сидоров В. А.* Медиатизация настоящего: ценностный диссонанс гуманизма // Наследие В. Г. Короленко. Стратегии гуманизма: Сб. материалов Четвертой Всероссийской науч.-практ. конференции с междунар. участием, Нижний Новгород, 26–27 апреля 2023 года / под ред. А. Н. Фортунатова. – Нижний Новгород: Национальный исслед. Нижегородский гос. ун-тет им. Н. И. Лобачевского, 2023. – С. 271–280.
9. *Фортунатов А. Н.* Новость как метафора. К проблеме эстетического развоплощения реальности через новостной контент. Опыт компаративного анализа российского и германского векторов рецепции насилия // Журналистика в 2021 году: творчество, профессия, индустрия, Москва, 03–05 февраля 2022 года. М.: Фак-т журналистики Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, 2022. С. 256–257.

10. *Щепилова Г. Г., Круглова Л. А.* Телеканалы и социальные сети: специфика взаимодействия // Вестник Моск. ун-та. Серия 10: Журналистика. 2018. № 3. С. 3–16.
11. *Яковлева Е. Л.* Вектор движения: гуманизм — постгуманизм — трансгуманизм — техногуманизм — гуманизм // Балтийский гуманитарный журнал. 2014. № 2(7). С. 40–42.
12. *Martins A.* Acquiring Social Media Influence: A Clubhouse Study // *European Journal of Business and Management*. 2022. No 10. Vol. 10. P. 87–102.
13. *McCombs M. E., Shaw D. L.* The Agenda-Setting Function of Mass Media // *Public Opinion Quarterly journal.* 1972. Vol. 36. No. 2. P. 176.

В. В. Тулупов

Воронежский гос. ун-т
vlvtul@mail.ru

Русская ментальность и язык массмедиа

Оценивая потенциал массмедиа в области формирования ментальных паттернов, обратимся прежде всего к понятию «аудитория»: ведь, добиваясь эффективности и действенности своих публикаций, журналисты ориентируются на некий «портрет» будущего читателя, слушателя, зрителя. И он будет явно неполным, если мы ограничимся исследованиями лишь социально-демографических характеристик (возраст, пол, образование, доход и т. п.) – сегодня гораздо важнее создать психографическую типологию аудитории. Думается, именно на этом этапе следует уделять особое внимание ментальных характеристикам: ведь социально-психологическая диагностика призвана не только исследовать личность в микросреде, изучать психологический склад личности (прежде всего социальные качества – систему мотивов, ценностей, отношений, направленность личности, ее жизненную позицию, а также свойства личности, формирующиеся в результате влияния группы или взаимодействия ее членов – конформность, доверие, самоопределение, склонность к сотрудничеству, ответственность, консерватизм или восприимчивость к новому), но и – *выявлять картину мира человека, его мировоззрение и жизненную стратегию* [Ершова, 1996: 41–45].

Изучая референтные группы, профессиональные психологи могут представить конкретным редакциям развернутые данные о преобладающих «стереотипах целевой аудитории, об уровне и характере самооценки, направленности личности, уровне

тревожности, внушаемости и агрессивности, о замкнутости или общительности, интеллекте, эмоциональной устойчивости, о степени нормативности поведения, консерватизме или стремлении к новому, конформизме, ценностных ориентациях, мотивационной сфере и других базисных свойствах личности» [Там же: 45], которые могут быть с успехом использованы в процессе моделирования как СМИ в целом, так и деятельности отдельного журналиста – при выборе тем и проблем будущих публикаций, при корректировке методики профессионального творчества (сбор информации, общение с героем, язык публикации, тон изложения), при определении стилевой доминанты дизайна.

Рассматривая управление творческим процессом журналистов в теоретическом и прикладном аспектах, невозможно обойтись без обращения к понятию менталитета человека или общественной группы: ведь менталитет (от лат. mentalis – умственный) – это склад ума, образ мыслей; мироощущение, характер, мировосприятие, умонастроение; совокупность умственных навыков и духовных установок, присущих человеку или общественной группе. Для любой нации, для любого человека как представителя нации важны самоидентификация и самооценка (крайне важно представлять особенности менталитета как коллективной черты, определяющей умонастроение и жизненную позицию каждого индивидуума). Познание сильных и слабых сторон феномена с последующей коррекцией поведения субъектов-носителей – один из факторов социального прогресса.

Какова, например, структура менталитета? Можно предположить, что существует некое его ядро и ряд внешних оболочек (колец). Ядро – это некая мировоззренческая матрица, сложившаяся на базе общечеловеческой идентичности на протяжении тысячелетий и вобравшая в себя наиболее существенные интеллектуальные и эмоциональные особенности определенной общности, сформировавшейся на определенной территории. Оболочки, к которым отнесем, например, опыт исторического и этнического развития, воздействуют на ядро, но этот процесс хаотичен и по времени может занимать века. Наиболее подвижна и переменчива внешняя оболочка, подвергающаяся постоянному воздействию окружающей

среды и реагирующая на современные процессы, – именно на периферии структуры происходят начальные процессы интерференции [1].

В свете этой идеи задача скорого изменения менталитета утопична.

Рассмотрим интервью заведующего кафедрой психологии личности психологического факультета МГУ, автора курса «Историческая психология личности» А. Асмолова, рассуждающего о человеке, «которого оставил после себя Советский Союз» [Новоселова, 2011]. Говоря о Великой Отечественной войне, он сначала приходит к верному выводу: народы СССР, выстояв, создали уникальную идентичность. То есть глобальное событие (мировая война) и его итоги оказали воздействие на периферию ментального сознания складывавшейся новой общности – советских людей. Именно – складывавшейся, поскольку в послевоенное время было еще свежо в памяти жестокое отношение властей к некоторым этносам и социальным слоям. А. Асмолов, оценивая понятия «советский человек», «совок», «гомо советикус», говорит следующее: «Вопрос о скорости ментальных

---

[1] Если под менталитетом понимать глубинное ядро личности, зависящее от социокультурных, географических и языковых и т. п. факторов, то следует рассматривать все элементы структурированнного сознания в совокупности – *поверхностные* структуры сознания, которые условно можно соотнести с содержанием сознания; *глубинные* структуры сознания, образующие «экран», на котором собственно и развертывается содержание сознания; *промежуточные* структуры сознания, опосредующие взаимодействие поверхностных и глубинных структур. Например, в российской рыночной реформе, берущей начало в 1990 гг., как и в любом социальном феномене, также можно выделить три уровня: *феноменальный* – поверхностный – уровень реформирования (например, появление огромного числа коммерческих магазинов, спекулянтов, черных рынков); *глубинный* – сущностный (формирование механизма товарно-денежных отношений) и *промежуточный* – идеологический (формирование соответствующей рыночным отношениям идеологии). Понятно, что взаимосвязанные структуры сознания соотносятся между собой, взаимодействуют с разными уровнями при проведении рыночной реформы. Понятно, что при этом неизбежно возникают различные проблемы: обострение конфликтных ситуаций в обществе в период проведения реформ; ограниченность развития «чистого» рынка и необходимость развития «духовной» составляющей свободы – наряду с биологической и социальной свободами и др.

изменений – очень сложный. Я хочу вам напомнить, как буквально за несколько лет изменился менталитет одной из стран, которая славилась своей интеллигенцией, своими учеными, образом мышления перед всем миром. И вдруг – Третий рейх. Быстро все изменилось и в России. Вспомните Бунина с „Окаянными днями“ и Блока с его статьей „Интеллигенция и революция“, которая начиналась словами „Россия гибнет, России больше нет“. Оба говорят об уникальном ускорении изменений. Наиболее точно эти ментальные сдвиги передаются стихами. Тихонов писал в 1923 году: „Мы разучились нищим подавать. Дышать над морем влагою соленой. Встречать закат. И в лавках покупать за медный мусор золото лимонов“. Казалось бы, строки, далекие от реальности, но они показывали, как с огромной скоростью меняется мировосприятие, мироощущение, подход к жизни. Очень важно, какую задачу ставит в это время идеология. Советские лидеры поставили главную: выплавить нового человека, сверхчеловека. Аналогичные формулировки мы находим и у автора книги „Миф XX века“ Альфреда Розенберга, который является идеологом нацистского движения».

Думается, психолог и историк А. Асмолов допустил методологическую ошибку, видя в ситуативных изменениях кардинальное изменение менталитета. Именно потому, что ядро менталитета тех же немцев (а к основным их добродетелям относят повышенное чувство долга и ответственности, дисциплинированность, патриотизм, коллективизм, педантичность и пунктуальность, рационализм и экономность, добродушие и открытость[2]) было сохранено, позволило нации оперативно разобраться со своим недавним прошлым, отвергнув фашизм как античеловеческую идеологию.

---

[2] При этом любая черта не может быть оценена однозначно как отрицательная или положительная. Например, *медлительность*, с одной стороны, вредит в ситуации, когда необходимо принимать оперативные решения, с другой стороны, позволяет не торопить события, способствует неспешному детальному анализу ситуации, принятию продуманного решения. *Коллективизм* хорош при работе в команде, но излишняя робость в случае, когда от исполнителя требуется личная инициатива и личная ответственность, расчет лишь на коллективные решения может стопорить ход дела.

Неслучайно периодически актуализируются дискуссии о европейских событиях 1930–1940-х гг. Да, «идеологическая советская машина работала на выплавку новой реальности», но СССР победил фашизм именно потому, что его народы объединяла гуманистическая идея. Поэтому следует говорить не о рождении новой ментальности, которую «зафиксировали лучшие произведения литературы и фильмы тех лет», а о возобладавшем общечеловеческом подходе и о традиции, соответствовавшей глубинным и основным чертам русской ментальности (чувство мощного единения друг с другом, примирительное отношение к народам-соседям и др.).

Последующие выводы А. Асмолова также связаны с периферийными процессами, а не с теми, что напрямую влияют на менталитет, приводя к его стремительной эволюции. Интервьюируемый говорит о том, что «культ центра» «меняет в тоталитарных государствах менталитет народа, как это происходило в Румынии, в Китае, в Северной Корее, в Польше и в ГДР»; что одни из существеннейших черт советской идентичности – вера в существование врага и бегство от принятия решений («Формулы: „Сиди и жди – придумают вожди“, „Я человек маленький“, „Сверху виднее“ так или иначе существовали в нашем с вами сознании»). Если «бегство от принятия решений» еще можно отнести к ментальной характеристике, то все предыдущее, думается, является отражением идеологических и политических пристрастий психолога и историка. И права журналист Елена Новоселова, замечающая, что «все эти качества „хомо советикуса“ в той или иной степени можно найти и у народов, не прошедших коммунистического перевоспитания».

Итак, ментальность есть составная часть национальной культуры. Россия – многонациональная страна, объединенная русской историей и русской культурой. Думается, интересно и важно выделить различные качества «русского характера», в той или иной степени проявляющиеся в менталитете современного россиянина. Особенно яркое отражение они нашли в произведениях отечественной классической литературы, историко-философских исследованиях Н. Бердяева, С. Булгакова, И. Гончарова, Л. Гумилева, Ф. Достоевского, И. Ильина, В. Ключевского, Н. Лескова и др.

Наверное, на первом месте стоит *противоречивость*, отражающая сосуществование двух параллельных нравственных систем – «ангельской» и «демонической»; среди других характеристик чаще всего выделяют *ведомость и пассивность, преклонение перед красотой, незнание меры, проявляющееся в русской удали и размахе, покорность, вера в доброго царя или в судьбу, отсутствие самодисциплины и самоограничения.* Но также и – *огромную силу воли, упорство, неприхотливость, практическую направленность ума, ловкость и рациональность, оптимизм, чувство мощного единения друг с другом, примирительное отношение к народам-соседям.*

Религия имела и имеет огромное значение при формировании и развитии менталитета. Например, протестантизм отличает установка на самореализацию личности, в исламских культурах доминирует идея помощи обездоленным и слабым; в русской культуре – идея сострадания, доброты и заботы о людях, аскетического презрения к материальным благам, уважения и почитания подвига высокой духовности, доходящей до «святости». Отметим, что российское православие, продолжающее византийскую традицию, испытало влияние и языческих культов, и коптской ортодоксии, земледельческой и кочевой культуры. В нем присутствует определенная «нравственная снисходительность», когда в сознании есть установка на смирение, а не на отказ от греха, на то, что лучше «смиренно грешить», чем «гордо совершенствоваться», строго соблюдая все нравственные нормы. Например, считается, что в политическом устройстве России переплетались восточная тирания с демократическим самоуправлением земств.

Гарвардский профессор Сэмюэль Хантингтон в 1993 году опубликовал в журнале *Foreign Affaires* статью «Столкновение цивилизаций», а затем выпустил книгу на ту же тему [Хантингтон, 2003]. Главная мысль автора заключалась в том, что мировую политику определяют несколько цивилизаций, то есть государственных устройств, характеризуемых не столько политическими идеями, сколько культурными традициями. Он исследовал девять цивилизационных типов: «западный», «исламский», «латиноамериканский», африканский», «китайский», «индийский», «буддистский»,

«японский» и «ортодоксальный». Последний, называемый иначе «православный», имеет прямое отношение к нашей стране.

Действительно, Россия – это особая цивилизация, базирующаяся на нескольких постулатах: «Духовное выше материального», «Общее выше индивидуального», «Справедливость выше закона», «Будущее важнее настоящего и прошлого». Эти идеи оказывают огромное влияние на развитие нашей страны как национального государства по своим стандартам. Возможно, отсюда – определенное сопротивление глобализации, в рамках которой Россия рассматривается в качестве одного из многих объектов, предназначенных для абсорбирования (поглощения, растворения). Это не означает, что наши История, Культура и Язык (как объединяющее начало) являются закрытыми – факты свидетельствуют ровно об обратном, – но есть на самых разных уровнях неприятие безоглядной унификации. Есть глубокий внутренний конфликт между, как минимум, двумя цивилизационными парадигмами.

С. Л. Катречко выделяет в качестве структурной особенности менталитета русского народа преимущественное развитие *духовного измерения менталитета*, в отличие от преимущественного развития *социального измерения* у народов Западной Европы и Северной Америки; говорит лишь о частичном соответствии проводимых в России реформ структуре «русского» менталитета (более наглядно это несоответствие видно при анализе взаимоотношений русского «коллективизма» и рыночного «индивидуализма») [Катречко, 2014].

Интересен подход к менталитету с точки зрения географического анализа этнокультурной и природной среды, когда учитываются такие группы факторов, как географическое положение, обширность территории; климат (длинная зима, низкие температуры и др.); ландшафт [Волынкина, 2003]. Первая группа факторов вызывает следующие черты характера, как *широта души, вольность, духовная свобода, подавленность, бесхозяйственность, безынициативность, лень*; вторая – *меланхоличность, медлительность, недооценка своего труда, гостеприимство, терпение, послушание, коллективизм, соборность, чувство локтя, противоречивость, безудержность*; третья – *созерцательность, мечтательность,*

наблюдательность, вдумчивость, слежение за природой, обсуждение пройденного пути (при этом, как уже отмечали выше, любая черта не может быть оценена однозначно как отрицательная или положительная).

На менталитет могут оказывать воздействие различные факторы долговременного воздействия. Например, согласно теории поколений, разработанной в 1991 году американскими социологами Нилом Хоувом и Уильямом Штраусом [См.: Исаева, 2011], важнейшими факторами, определяющими мышление, базовые ценности и действия поколений, являются среда, в которой человек рос до 10–12 лет, и нормы воспитания в семье, которые ребенок также воспринимает как нормальные. Люди, родившиеся на стыке поколений (+/- 3 года от границы поколений), представляют так называемое Переходное, или Эхо-поколение. Они обладают характеристиками обоих поколений. Журналисты дали образные характеристики всем представленным сегодня поколениям россиян:

– *дети революции* (родились с 1900 по 1923 г.),
– *молчаливое поколение* (с 1923 по 1943 г.),
– *бумеры* (с 1943 по 1963 г.),
– *поколение X* (1963–1983 г.р.),
– *поколение Y* (1983–2003 г.р.),
– *поколение Z* (2003 г.р. и младше) [Архангельский[3] 2005]

Если национальный фольклор справедливо считается одним из важнейших источников для изучения ментальности народов [Абуторабиан, 2010], то показательным является один удивительный для россиян факт сугубо отрицательного отношения американцев к любимому нами с детства фильму «Морозко»: «ужасный фильм», «депрессивное зрелище», «один из худших фильмов всех времен и народов» и т.п. Видимо, понятия зла и добра в разных культурах трактуются по-разному, как и проблема компромисса и конфронтации между ними [Integral82, 2015].

---

[3] Минюст признал Александра Архангельского иностранным агентом (01.11.2024).

Один из авторов «Живого журнала», комментируя явление *когнитивной слепоты*[4], объясняет, что оно возникает, «когда люди чего-то не видят, и даже не понимают, что они этого „чего-то“ не видят». Так неприятие иностранцами (правда, представляющими Запад, но не Восток) картин В. И. Сурикова известный искусствовед и хранитель собрания Третьяковской галереи А. М. Эфрос связывал с некоторыми ментальными особенностями, проявляющимися в том числе у людей высокой культуры: «В 1928 г. к 100-летию со дня рождения Льва Толстого в Москву приехал Стефан Цвейг. Эфрос водил его по Третьяковке, Цвейг всем живо интересовался, записывал. Но когда вошел в суриковский зал, то не останавливаясь пошел дальше. Эфрос попросил его задержаться, объяснив, что Суриков – это Толстой русской живописи, и начал о нем рассказывать, но увидел „пустые глаза человека, стоявшего перед ничем“» [Integral82, 2015]. Возможно, иностранцы негативно реагируют на больных или калек, нарочито демонстрирующих свои раны и язвы; возможно, срабатывает эффект *bounded confidence*, когда люди взаимодействуют при условии, если они не отличаются кардинально друг от друга[5].

В течение последних трех-четырех десятилетий наша страна находится в состоянии перманентных перемен, политических и экономических реформ, идеологического и даже вооруженного противостояния. Всё это так или иначе отражается на менталитете, на духовной жизни общества, и в первую очередь – на языке, в котором, как известно, фиксируется мировоззрение носителя данного языка [Гумбольдт, 2000]: «...У каждого народа есть так называемые ключевые слова (они наиболее часто употребляются,

---

[4] Введено в 1992 г. учеными Э. Марком и И. Роком; понимается как «психологическая неспособность обращать внимание на какой-либо объект, которая не относится к проблемам со зрением и носит исключительно психологический характер».

[5] Хотя есть и сугубо эстетическое объяснение: великий русский художник не гнался за красотой форм, а добивался общего «поэтического впечатления», отдавая первенство содержательной стороне (история же, например, боярыни Морозовой не всегда знакома не только иностранному, но и отечественному зрителю).

используются в пословицах и поговорках), в которых отражается дух народа. Например, для немецкой культуры такими словами являются *внимание, порядок, точность.* Полный список ключевых слов русского языка еще не установлен, но хорошо известно, какую важную роль в русском языке играют слова *душа, судьба, тоска, интеллигенция»* [Зиямухамедова, Адилбекова, 2022]. Можно продолжить этот ряд словами *истина, воля, любовь*, но нельзя не отметить, что уже в начале этого века были зафиксированы тревожные факты заболевания общества тюремной культурой, вхождения в современный язык криминального арго [Браславец, 2004, 2005; Новикова, 2006; Тулупов, 2007].

Процесс накопления и выброса агрессии психологи связывают с тем, что в периоды социальных и политических преобразований любое общество переживает стресс. До определенного момента оно терпеливо наблюдает, ждет, но затем постепенно – если мало что меняется в лучшую сторону – напрягается и наконец – агрессивно реагирует. В условиях же информационной войны язык вообще становится и средством, и объектом противостояния. В условиях же информационной войны язык вообще становится и средством, и объектом противостояния. Так, отказ в государственном статусе, «лингвистическая чистка», уголовное преследование за использования русского языка как проявление сепаратизма стали своеобразными триггерами для начала и эскалации реальных боевых действий на Донбассе. России в западных СМИ при помощи негативно окрашенной лексики присваивается образ страны-агрессора и подстрекателя военных действий, русским – образ «настоящего зла во плоти». В зависимости от позиции применяются прямо противоположные трактовки одного и того же явления: «воссоединение» или «аннексия», «повстанцы» или «террористы» и т. п. Например, военные действия ДНР и ЛНР характеризуются как «военное насилие», противная сторона – как «розовещие пацаны» [Бебчук, 2023].

Лингвисты предприняли попытку классифицировать понятия и термины, активно используемые сегодня в СМИ.

Военные жаргонизмы: полосатые братья, укровермахт; арта, лепесток; сафари, передок; бандерлог, ждун; мясная атака, нахрюк; долбить, обнулить; двухсотый, трёхсотый и др.

Сленгизмы: фейкомёт, хайпажор и др.

Арготизмы: гнать порожняк, отвечать за базар, рубилово и др.

Политические жаргонизмы: печеньки, сонный Джо, обиженная ливерная колбаса, Зеля, пиндосы, Мелкобритания и др.

Ученые справедливо указывают на «тот факт, что СМИ, являясь масштабной площадкой речепользования, диктуют языковую моду, способствуют созданию благоприятных условий для внедрения внелитературных элементов в практику рядового носителя языка». Оренбургские лингвисты пришли к выводу, что использование военными журналистами вульгаризмов, табуированных слов, жаргонизмов (наиболее обширный пласт внелитературной лексики в военкоровских текстах составляют жаргонизмы и арготизмы), вообще активное использование сниженных лексем позволяет журналистам не только реализовать информационную функцию, но и передавать свое отношение к описываемым событиям, людям, фактам, устанавливать доверительный контакт с читателем, вызывать необходимый эмоциональный отклик аудитории [Щипанова, Егорова, Полуфакина, 2024].

Но возникают вопросы: не повысится ли токсичность языковой среды при столь активном использовании вульгаризмов, обсценной лексики, военных и политических жаргонизмов, сленгизмов (молодежных жаргонизмов), арготизмов в каждодневной публичной коммуникации? Тактически подобная языковая медиапрактика, возможно, имеет успех у массовой аудитории, но гарантирована ли при этом стратегическая победа? Не станет ли лексика ограниченного употребления нормой в поствоенное время?..

Исследования, проводимые в относительно стабильные времена, показывали, что журналисты прогосударственных изданий не одобряли демонстрацию агрессивного контента в СМИ, если это касалось реальных событий, но при этом допускали использование агрессивных сцен в целях развлечения[Дерябина, 2016], но во время открытого информационного противостояния правила, регулирующие деятельность журналистов, конечно же, как минимум корректируются. Хотя если при этом языковая медиапрактика будет сознательно подчинена агрессивной стратегии, то токсичная среда со временем определенным образом повлияет и на ментальность

народа. Речевая агрессия, содержащая эксплицитно выраженные высказывания инвективного характера по отношению к человеку или группе людей в эпоху постправды, на фоне активности фейков, буквально захлестнувших мировое медиапространство, может вызвать негативные последствия и в поствоенное время.

Список литературы

1. *Абуторабиан Голбарг Аббас*. Фольклор и ментальность // Вестник МГУКИ. 2010. № 6 (38). С. 64–66.
2. *Архангельский А.* Generation П (пенсионеров) // Огонек. 2005. № 3 [Минюст признал Александра Архангельского иностранным агентом (01.11.2024)].
3. *Бебчук Е. М., Тулупов В. В.* Эффективность публицистического текста и речевая агрессия // Вопросы журналистики. — Томск, 2023. № 13. С. 70–79.
4. *Браславец Л.* Агрессивность текста в современных молодежных журналах // Relga.ru. № 11 (101), 09.11.2004.
5. *Браславец Л.* Агрессия в женском журналистском тексте // Relga.ru. № 17 (119), 01.11.200.
6. *Волынкина В.* Менталитет русского народа при изучении географии России в 8–9 классах // Первое сентября. 2003. № 4. URL: https://geo.1sept.ru/article.php? ID=200300405
7. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 2000.
8. *Дерябина А. С.* Отношение к агрессии журналистов в различных средствах массовой информации // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5. № 3. С. 494–507.
9. *Ершова И. В.* Психодиагностика личности и что она дает создателям рекламы // Журналистика и социология-95. — СПб, 1996. С. 41–45.
10. *Зиямухамедова Ш., Адилбекова Ж.* Влияние языка на сознание, культуру и мировоззрение // Academic Research in Educational Sciences. 2022. № 3. URL: https://ares.uz/storage/app/media/2022/Vol_3_No_1/537–546.pdf
11. integral82. Суриков, «Морозко», или почему Россия и Запад никогда не поймут друг друга / integral82. URL: https://integral82.livejournal.com/13928.html
12. *Исаева М.* Поколения кризиса и подъема в теории В. Штрауса и Н. Хоува // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 3. С. 290–295.
13. *Катречко С. Л.* Рыночная реформа и менталитет русского народа. URL: http://www/philosophy.ru/library/ksl/katr_002.html

14. *Новикова Т.* Речевая агрессия в журналистских текстах как отражение интолерантности // Relga.ru. № 3 (125), 01.02.2006.
15. *Новоселова Е.* Придумают вожди // Российская газета. Федеральный выпуск № 5448, 06.04.2011.
16. *Тулупов В.* Об экстремизме, агрессии и «языке вражды» // Другой в пространстве коммуникации. – Казань, 2007. С. 194–203.
17. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / пер. с англ. – М.: Изд-во АСТ, 2003.
18. *Щипанова Ю. В., Егорова Н. В., Полуфакина А. А.* Лексика ограниченного употребления в текстах телеграм-каналов современных российских военных корреспондентов // Вестник ДонНУ. Сер. Д: Филология и психология. 2024. № 1. С. 88–98.

Н. С. Цветова

СПбГУ
cvetova@mail.ru

Презентация мортальности в медийном пространстве: современные контексты

Вечную, вневременную актуальность исследования презентации мортальности в любой национальной культуре с наибольшей очевидностью определил и мотивировал Л. Н. Толстой. В одной из бесед с Максимом Горьким он сказал: «Если человек научился думать, — про что бы он ни думал, — он всегда думает о своей смерти». Это основная причина, по которой русская классическая литература была сосредоточена на исследовании эволюции эсхатологических представлений человека, основанных на православном представлении о жизни и смерти.

В более поздние времена под влиянием атеистического гуманизма, по Бердяеву, русская словесность во всех возможных форматах испытывает мощное давление танатологии — философии смерти, хотя открытием этого научного направления принято считать трактат А. Н. Радищева «О человеке, его смертности и бессмертии» (1792–1796).

Сегодня интерес к проблеме гуманистической или антигуманистической сути современного видения мортальности прямо соотносится с антропологической направленностью большинства филологических изысканий, с общей нацеленностью современной отечественной гуманитарной мысли на постижение цивилизационного мироощущения человека «рубежной эпохи» (определение нашего времени, предложенное В. В. Путиным).

Цель данной работы заключается в исследовании новейшего медийного дискурса, характеризующегося определенной системой эсхатологических топосов (концептов), танатологических маркеров, обусловленных коммуникативной ситуацией, провоцируемой актуальной реальностью. Формальным критерием отбора материалов для анализа стало, прежде всего, наличие лексических стереотипов, форматирующих соответствующие лексико-семантические поля, определяющие смысловую структуру разножанровых медиатекстов.

Необходимо отметить, что наше понимание эсхатологии в данном исследовании, прежде всего, базируется на философско-культурологическом осмыслении ортодоксальных православных взглядов, которые с достаточной точностью и корректностью обобщены в словарной статье С. С. Аверинцева из известной пятитомной философской энциклопедии под редакцией Ф. В. Константинова (1970). Особая ценность работы С. С. Аверинцева определяется, во-первых, глубинной связью со святоотеческим учением – с трудами св. Василия Великого (святителя Каппадокийского), святого отца Андрея Кесарийского [Апокалипсис. Тайны... 2006: 253], которые, как заметил владыка Аверкий (Таушев), выразили общие эсхатологические представления, господствовавшие до Первого Вселенского Собора в 325 году. Во-вторых, С. С. Аверинцев в значительной степени опирался на мнение такого авторитетного интерпретатора православия, исследователя символики иконографии, церковной обрядности, как князь С. Н. Трубецкой, автор «эсхатологической» статьи в энциклопедии Ф. Брокгауза и И. Ефрона [Трубецкой 1995: 268]. Ученый создал следующую дефиницию: «Эсхатология – учение о конечных судьбах мира и человека» [Аверинцев 1970: 268]. Это определение является методологической проекцией базового для данного исследования понятия, которое воспринимается как чуждое в гуманистической традиции.

С. С. Аверинцев как о естественном явлении писал о существовании эсхатологических идей во многих религиозных мировоззренческих системах, потому что каждая из этих систем призвана предложить «позитивное решение личных и вселенских судеб как чего-то абсолютного» [Там же: 580]. Но, считал исследователь, только в христианском вероучении эсхатология смогла занять центральное

положение, превратилась в полноценную концепцию — в абсолютно стройное, логически завершенное учение [Там же]. И произошло это, прежде всего, потому что при отсутствии наглядной детализации в многозначных эсхатологических притчах и символах Нового завета аккумулировались мотивы античной, египетской и зороастрийской доктрин, были преодолены иудейское сектантство и национально-политическая ограниченность. В результате эсхатологический взгляд на смерть стал предполагать возможность перехода от смерти к жизни через воскрешение-оживание-момент трансцендирования.

Вслед за святыми отцами, за С. Н. Трубецким, его последователями П. А. Флоренским, С. И. Фуделем, С. С. Аверинцев подчеркивал, что в христианской традиции, исподволь утверждавшейся в сознании славянина примерно с девятого века, всегда различали «индивидуальную эсхатологию, т. е. учение о загробной жизни единичной человеческой души, и всемирную эсхатологию — учение о цели космоса и истории, об исчерпании ими своего смысла, об их конце и о том, что за этим концом следует» [Там же].

Что касается определения предмета общей эсхатологии, то оно практически бесспорно. Иначе дело обстоит с дефиницией эсхатологии частной. Такие авторитетные знатоки православной эсхатологии, как протоиерей Григорий Флоровский, митрополит Макарий (Оксинюк), исследователи эволюции частно-эсхатологической концепции, склонны были считать, что богословы Нового времени (например, работа Макария была опубликована в Киеве в 1914 году) под эсхатологией «разумеют не только учение о последних временах мира и человечества, но учение о последних временах каждого человека в отдельности, начиная их его смертью и продолжая до второго пришествия Христа, когда судьба каждого человека в отдельности сплетется с судьбами всего мира и человечества» [Митрополит Макарий 1999: 6–7].

Медиа с рубежа веков активно поддерживают институциональные подмены: отождествление эсхатологической темы с темой смерти, вытеснением из зоны внимания эсхатологии апокалиптикой и оформлением обновленной танатологической концепции, основанной на реанимации национальных доэсхатологических представлений. Основатель петербургской танатологической школы

академик И. Т. Фролов еще в 1980-е годы выступил с циклом статей, посвященных проблеме жизни и смерти как фундаментальной проблеме гуманитарных и естественных наук. Позже разработкой этой темы занималась целая группа философов, лидером которой был А. В. Демичев, исследовавший актуализацию доэсхатологических представлений в определенном, чрезвычайно масштабном по объемам и беспримерно агрессивном сегменте современного культурного пространства, предлагающем воспринимать смерть как неизбежное, но бессмысленное событие, находящееся в конце линейной «биографической траектории», событие, которое можно попытаться передвинуть, т. е. со смертью можно бороться, в чем язычники также были уверены. Но ученый отмечает, что выявленные и описанные современной философией новые, изобретенные цивилизованным обществом, постмодернистским сознанием гуманистические способы борьбы со смертью, выглядят, по сравнению с танатологической архаикой, как более разнообразные и достаточно реалистичные. Современный человек все чаще вслед за Жилем Делезом, Мишелем Фуко и Мари Биш с удовольствием рассуждает о возможности сосуществования жизни и смерти, о предпочтительности смерти насильственной по отношению к естественной. Результат этих философских штудий один — «смерть проникает на территорию жизни, постепенно становясь предметом широких и далеко идущих философско-антропологических, символических, семиологических и других интерпретаций» [Демичев 2006: 73]. Именно этот результат с большим или меньшим успехом использовался словесностью во время безраздельного доминирования постмодернизма, для которой амбивалентность, взаимопроникновение, диффузность жизни и смерти выглядит односторонне: жизнь — умирание — смерть [Малинович, Мишуткина 2004: 65].

Как известно, в двадцатом веке в европейских культурах, где смерть человека также стала особым предметом художественной рефлексии, был предложен специфический способ гуманизации мотива смерти. Как писал М. Фуко, подхватывая предсказание Ф. Ницше о «смерти человека», «в наши дни мыслить можно лишь в пустом пространстве, где нет человека» [Фуко 1994: 362]. Еще раньше они провозгласили окончательную гибель, смерть реального мира

как естественное следствие всеобщего торжества хаоса. Взамен постмодернисты попытались создать принципиально новое, расширенное представление об универсальном, осознанно мифическом «я», добровольно отказывающемся от уходящей реальности. Это вновь создаваемое «я» в конце концов должно было обрести бессмертие, но его бессмертие никем не воспринимается как результат бесконечного, безграничного земного существования. Оно становится следствием полного уничтожения границ между жизнью и смертью, порождением торжества идеи «смерти с улыбкой».

Бессобытийность, упрощенность, обыденность, нарочитая обедненность танатологии постмодернизма, как и любое иное его сущностное качество, программны, объяснимы, понятны. Герои художественных произведений Л. Петрушевской, О. Кучкиной, отчасти Р. Сенчина, А. Мелихова, О. Богаева и др. популярных литераторов научились почти спокойно воспринимать смерть, собственную и чужую. Это принципиально иное, чем у православных людей, спокойствие, потому что оно обусловлено отсутствием ощущения противостояния жизни и смерти, точнее, принципиальным художественно намеренным неразличением этих двух состояний [Цветова 2008; Цветова 2012].

Медийный дискурс выразил еще более полную готовность к абсолютизации постмодерного миросозерцания, представил вполне убедительные доказательства изменений в массовом сознании — возникновение нового «ментального пространства», основанного на трансгуманистических ожиданиях появления человека с безграничными физическими и умственными возможностями, которые и станут основанием для гарантии бессмертия.

При исключении метафорического ряда, связанного с функционированием существительного «апокалипсис», единственным эсхатологическим знаком в российском медийном дискурсе с начала XXI века оставался концепт «смерть», но уже с максимально усеченной логической зоной, с минимизированными побудительными свойствами и возможностями. Очевидность процессов распада семантики художественных концептов, хранящих и передающих ментально значимую информацию, в речевой практике массмедиа, в массовой литературе и литературных текстах прозаиков второго

ряда сегодня уже не вызывает сомнений. В культурологии эти явления связываются с «гуманитарными бомбардировками», интенсификация которых активно влияет на размывание сознания современного читателя.

Как убеждает проанализированный материал, до сей поры литературный дискурс удерживал эсхатологически ориентированное наполнение семантики концепта «смерть». Усложненную семантику, связанную с многосоставным по структуре понятием, вызывающую в сознании носителей языка определенный образ и не менее определенные символические представления, предъявляла в самых разных жанрах и направлениях художественная культура, поддерживавшая существование древнейшего по происхождению культурологического концепта, называемого существительным «смерть» – «ментальной мифологемы» (Е. Иваницкая), «метафакта» в терминологии В. Красных.

Несмотря на то, что в традиционной прозе второй половины двадцатого века не только у В. Г. Распутина, но и у В. М. Шукшина, В. П. Астафьева, Е. И. Носова, Ф. А. Абрамова образ смерти был обогащен за счет наращивания объема и разнообразия ассоциативных связей, превративших его в символ, на использование этого ментально значимого концепта (метафакта) всегда налагались серьезные, достаточно строгие табу. Характер и первопричину этих запретов точно обозначил В. П. Астафьев. Несколько лет назад в Красноярске были опубликованы материалы к биографии писателя. В статье Э. Русакова («Осень патриарха») приведено следующее высказывание современного классика, обладавшего не просто языковым вкусом, но исключительным чувством родного языка: «Самое страшное – привычка к смерти. Хотя к смерти надо постоянно приготавливаться, но ни в коем случае нельзя привыкать к ней. А вообще, лучше и не думать, и не говорить, и не писать о смерти... мысли прилипчивы! Пастернак говорил Евгению Евтушенко: „Вы, молодой человек, напрасно балуетесь со словом ‘смерть’ – есть вещи, которых всуе касаться нельзя“» [Русаков 2005: 182].

Но в двадцать первом столетии культурная ситуация в России претерпевает серьезнейшие, принципиально важные изменения. Направление, общий характер произошедших вопреки

предостережениям больших писателей изменений определил председатель Союза журналистов России В. Богданов в выступлении на Дне памяти коллег, погибших при исполнении служебных обязанностей. Свой публицистический монолог о серьезнейших изменениях в современном общественном сознании В. Богданов завершил таким выводом: «Смерть стала чем-то обыденным».

Тему, предложенную для обсуждения известным публицистом, поддержали другие участники публичной дискуссии, обратившие внимание на иные ее аспекты. Материалы дискуссии впоследствии публиковались разными СМИ. Например, М. Чаплыгина, автор аналитической статьи в журнале «Огонек» о постановках знаменитого грузинского театрального режиссера – создателя «смертельных спектаклей» Роберта Стуруа, утверждала, что в последние годы тема смерти стала «модной», даже «народной», «что подтверждают практикующие психологи. Недаром среди людей, психологически подкованных, вдруг стали особо популярны тренинги и терапии, так или иначе обыгрывающие страх смерти» [1]. В приведенной цитате чрезвычайно содержательно причастие-определение «обыгрывающие», показывающее наступление новой полосы в истории цивилизации – полосы игр со смертью.

Доказательства реальности сделанного нами предположения легко обнаруживается в еженедельнике «Русский Newsweek» (28.01.07). Например, в статье Е. Черненко «Грохни меня, если сможешь». В этой публикации сообщается об открытии очередного охотничьего сезона в петербургской городской «реальной игре независимых интеллектуалов». Суть и смысл игры – охота на людей ради так настойчиво искомой современным пресыщенным, не имеющим материальных проблем горожанином ситуации, необходимой для выброса адреналина.

Эмоционально, оценочно неприятие уже сложившегося положения вещей, обозначенного В. Богдановым, справедливо и привлекательно. Но в повседневной речевой практике медийная культура способствовала окончательному утверждению в общественном сознании идеологии антропоцентричного нигилизма,

---

[1] *Чаплыгина М.* Смертельное счастье Роберта Стуруа // Огонек. 2003. № 23. С. 54.

материальным выражением которого становились изменения в концептосфере русского языка, фиксировавшие трансформацию онтологических представлений и аксиологической системы. Очевидные признаки этих изменений – на обложках журналов и на разворотах еженедельников. Детективные и любовные романы, страницы «качественной» периодики пестрили заголовками, в составе которых в той или иной форме, в самых неожиданных контекстах одна лексема или слова из организуемого ею семантического поля: «Чему учит смерть?», «Не может смерть, могут деньги?» «Партия Смерти» (еженедельник «Аргументы и факты»), «Смерть – милый друг» («24 часа»), «Сталин – заложный покойник» («Огонек»), о бесланском спортзале, в котором погибли сотни безвинных людей «Аргументы и факты» – «Адский мартен», о генетической экспертизе, проведенной после страшнейшей трагедии – «Встреча после смерти»; об отравлении бывшего разведчика и бизнесмена Литвиненко – «Смерть в тарелке» (сравните: «Смерть Тарелкина»); об убийстве банкира Андрея Козлова – «Стрельба ва-банк» («Русский Newsweek»); рецензия Дм. Быкова в «Огоньке» озаглавлена оксюморонным словосочетанием «Байки склепа»; рецензия М. Калужского на роман А. Борисовой «Там» в «Русском репортере» – «Увлекательный путеводитель по аду, раю, небытию»; статья о смерти солдата – «Рядовые продукты смертопроизводства» (аналитический еженедельник «Дело»); аналитическая статья о новых апокалипсических угрозах – «Творение, потоп, грядущий кризис Земли» (еженедельник «Сокрытое Сокровище»). В названиях романов Д. Донцовой и Ф. Незнанского используется предметная лексика соответствующих ассоциативных полей: «Скелет из пробирки», «Смертельные игры», «Кровавый чернозем» и т. п.

В предлагаемом, формируемом медийным дискурсом речевом контексте абсолютно естественно воспринималась и информация, передаваемая через визуальные носители: кровавые фоторепортажи о землетрясении в Чили, фотографии гробов многоразового использования, присланные из Багдада. Такие примеры можно множить до бесконечности.

Если и предпринимались попытки усиления темы смерти за счет эсхатологического компонента, то преимущественно через

введение апокалипсических мотивов: новостной блок на НТВ ведущий заканчивает так – «Ангелы на месте. Апокалипсис сегодня откладывается на потом» (эфир 28.02.07). Бесспорно, в данном случае существительное «Апокалипсис» могло бы быть написано со строчной буквы. В приведенном фрагменте, как и в привычном для современных массмедиа словосочетании «ядерный апокалипсис», слово «Апокалипсис» утрачивает эсхатологическое содержание, превращается в газетный штамп, номинирующий несчастный случай, более или менее масштабную катастрофу. Армагеддон теперь – привычный мотив из фильма ужасов. Ключевые, «опознавательные» топосы теологической концепции предельно банализированы [2].

Но господствующей в этот период все-таки следует считать – постмодернистскую «танатологическую» иронию, апофеозом которой стал специальный раздел в новом «бестселлере» (это жанр, порожденный медийным дискурсом в эпоху постмодернизма) М. Эпштейна. Если воспользоваться терминологией библиографической службы «Континента» (2004, № 122. С. 420), известный литератор предлагает «негасемантику» концепта, иронизируя над «осмысленной смертью», ради которой живут, рожают и воспитывают детей граждане «Великой Сови» (за метафорой легко угадывается советское государство). Смысл этой смерти – польза государству [3].

Второй вариант: противопоставление смерти и «бессмысленной жизни», лишенной удовольствий, почестей, власти и прочих соблазнов постиндустриальной цивилизации, в публицистике интеллектуалов. Убедительнейшую мотивацию такого отношения предложил известный петербургский писатель А. Мелихов в блестящей

---

[2] Апокалипсическая символика медийного пространства примитивна и вмещается в одну строфу из стихотворения, автором которого является «фигура всеприсутствия» – Д. Быков (значится в списке иноагентов):

Земля еще не треснула. Вода / Еще не закипела в котловинах, / Не брезжила хвостатая звезда. / Безумцы не плясали на руинах. / И мы с тобой, бесплотных две души, / Пылинки две без имени и крова, / Не плакали во мраке и тиши / Бескрайнего пространства ледяного / И не носились в бездне мировой <...> – Быков Д. Эсхатологическое // Отсрочка. – СПб., 1999. С. 9.

[3] *Эпштейн М.* Великая Совь. – Самара, 2006.

интерпретации знаменитой притчи из «Исповеди» Л. Н. Толстого: «В чем заключается смысл жизни, который не уничтожался бы смертью? Иначе говоря, ради чего нам мучиться, когда жизнь перестает быть легкой и приятной? Да и может ли она быть приятной для человека, наделенного воображением, постоянно напоминающим ему, чем она непременно закончится. Вцепившись в куст, человек висит над колодцем, на дне которого его поджидает разинувший пасть дракон; несчастный удваивает хватку — и замечает, как две мыши, черная и белая, неустанно грызут стебель, на котором держится куст. И тогда... Тогда он начинает торопливо слизывать сладкий сок, которым покрыты листья. Вот наша жизнь: мышь черная, ночь, мышь белая, день, безостановочно приближают нас к смерти, а мы, вместо того чтобы замереть от ужаса, спешим нализаться — кто чем»[4].

Из всей медийной продукции, созданной до начала специальной военной операции, пожалуй, только рекламный дискурс отказывался от прямой эксплуатации интересующего нас концепта, потому что был сосредоточен на идее бессмертия, которое достигается без особых проблем с помощью пилюль, кремов, скрабов, гелей для душа при активном участии многочисленных чародеев и волшебников, радушно распахивающих двери новейших клиник для желающих продлить собственную уходящую молодость до бесконечности. Культура потребления не нуждается в рефлексии по поводу смерти, так как такого типа рефлексия в состоянии уничтожить, обессмыслить все ее цели и предложения. Вопросы, над которыми бились А. Платонов, М. Булгаков, М. Зощенко и вся русская религиозная философия начала века, решены без особого напряжения. Как писала Н. Иванова, «культура глянцевая отвечает, что смерти нет. (Исходя из того, что в жизни есть „вечный двигатель“, и этот двигатель — потребление). Потребитель бессмертен: тот по крайней мере, кто хочет, — может быть вечно молодым. Все линии, тенденции, все расчеты, вся реклама глянцевой культуры складывается в религию молодости. И — религию отрицания смерти: правильный и мощный

---

[4] *Мелихов А.* Почему мы себя убиваем, или Почему мы себя не убиваем // Нева. 2000. № 2. С. 137.

потребитель не то что бессмертен – для него смерти просто не существует. Старость и смерть игнорируются. В современном детективе смерть – всего лишь элемент декора занимательного сюжета»[5].

Процесс расширения и не менее значительной деформации семантического поля концепта к концу XX века достиг невероятных масштабов. Новые его компоненты – речевые клише, идиомы, «холодеющие», языковые метафоры чрезвычайно важны. Их возникновение значительно и показательно, потому что они отметают, отодвигают тематические, стилевые или жанровые ограничения на функционирование, эксплуатацию слова, обладающего почти мистической силой, с традиционной точки зрения.

Можно возразить, что уточнение и обновление многих традиционных понятий, совершенствование смысловой структуры слова в процессе коммуникации – явление вполне естественное, закономерное, ни в коей мере не поддающееся рациональному регулированию, воздействию, более того, в подобном регулировании или воздействии не нуждающееся, причем, осуществляемое именно по обозначенной выше схеме. С этим, безусловно, трудно не согласиться, так как в противном случае можно прийти к бесплодному обсуждению проблемы объективности законов не только литературного, но и речевого развития.

В данном случае, думается, важна все-таки другая сторона вопроса. Разрушение «энергетики» концепта при отсутствии необходимой проекции лингво-культурных свойств слова, обозначающего данный концепт, на экстралингвистические условия его употребления в соответствии с исторически сложившимся смыслом является знаком интенсификации деконструкции традиционной языковой картины мира, затрагивающей базовые компоненты в структуре языковой личности.

Но интересно, что уже накануне «рубежного времени» включается в медийном пространстве инстинкт самосохранения. Первые проявления этой тенденции появились в «качественной» публицистике после бесланской трагедии. Сопротивлялись общественное

---

[5] *Иванова Н.* Современная перспектива вечных тем // Новый мир. 2006. № 10. С. 222–223.

и индивидуальное сознание, память, охраняющая традиционную топику, эсхатологическую в том числе. В первую годовщину бесланской трагедии «Русский Newsweek» (2005. 29.08–04.09) опубликовал интервью заложницы Земфиры Созиевой-Агаевой, которая запомнила своих мучителей: «Какие они страшные были! Вместо автомата если косу дать, то точно смерть. Они были бородатые, у них были длинные волосы». Почти полный набор признаков фольклорного образа смерти: страшные, косматые, «бородатые» здесь значит «черные», только косы в руках у чудовищ в реальности не хватало, но эта деталь легко восстанавливалась в воображении.

С течением времени знаков «сопротивления» становилось больше. Например, в печатных СМИ первого десятилетия можно найти более однозначные, прямолинейные варианты возвращения к православной эсхатологической традиции. Так, в журнале «Славянка» в 2009 году был опубликован очерк столичного иерея Ярослава Шипова «Венец творенья» о взаимоотношениях одиноких пожилых людей, которые верующими себя не считали, но завершили свои жизненные пути в полном соответствии с православной традицией: «И накатились на Лукерью кладбищенские заботы: то камушек нужен, то оградка, то цветы. Ездила-ездила и доездилась: совершенно в духе домостроевского романтизма уснула однажды прямо на земле – на могилке – и простудилась. А как только простудилась, сразу все наперед и поняла. Для начала зашла в церковь: исповедовалась, причастилась. Потом продала ружье, разыскала казенного человека и оставила ему сколь было денег. Наконец, покончив с делами, упросила карамышевскую почтальоншу захаживать по утру „для контроля“ и легла болеть. Покашляв недельку, с чистой совестью умерла»[6].

В данном случае главным художественным средством восстановления сохраненного в народном сознании алгоритма ухода православного человека стала упрощенная очерковая стилистика, определяющим лексическим признаком которой является использование «живого» слова, элементов сказа.

---

[6] *Шипов Я.* Венец творенья // Славянка. 2009, октябрь-ноябрь. С. 6.

Пограничный конфликт обострился в публичной коммуникации после 1922 года, когда танатология, кажется, могла бы претендовать на полное уничтожение еще удерживаемых ограничений. Доминирующей характеристикой коммуникативной ситуации любого «рубежного времени» принято считать деструктивное речевое поведение, допускающее преодоление классических риторических и коммуникативных канонов. В данном случае ожидание развития, глобализации отмеченной характеристики поддерживается и анализом феноменологических особенностей российского публичного коммуникативного языка перед и после начала специальной военной операции – в рамках полевой антитезы «жизнь» – «смерть», захватившей огромное медийное пространство. Но анализ современного материала разрушает это предположение.

Антигуманистические по сути своей ценностные приоритеты собственной коммуникативной позиции открыто демонстрируют субъекты речи, выражающие проукраинскую позицию. Смысловое ядро этой позиции: нацеленность на формирование лексико-семантического поля «смерть», о чем свидетельствуют ретранслируемые российскими информационными каналами видеоматериалы – записи военных преступлений как свидетельства героических поступков, фрагменты интервью.

Приведем примеры, представленные на многих информационных ресурсах:

- обращение бойца ВСУ к жителям Новой Каховки: *«Если дойду до Каховки, буду **убивать** всех бывших друзей... Буду **вешать**... Рука не дрогнет!»* (60 минут. Россия-2. 2.09.2022; URL: https://t.me/MedvedevVesti/11134.);
- высказывание бывшего польского президента Леха Валенсы о перспективах СВО – *«Население России надо **сократить** до 50 миллионов»* (URL: https://www.5-tv.ru/news/393589/eksprezident-polsi-prizval-sokratit-naselenie-rossii-do50-millionov-celovek/.);
- лозунг президента Украины В. Зеленского – *«Хороший русский – это **мертвый** русский!»* (URL: https://www.mk.ru/politics/2022/04/14/zelenskiy-vynuzhdaet-rossiyu-bit-po-kievu.html);

– призыв посла Украины в Казахстане Врублевского – «Русских надо убивать! И чем больше, тем меньше придется убивать их детей!» (Дзен. 22.08.2022. URL: https://vk.com/wall-85596321_254250):
– призыв харьковского политика М. Добкина – «Резать и рвать зубами этих тварей!» (НТВ. 01.06.2022. URL: https://www.politnavigator.net/i-vot-on-priplyl-dobkin-oficialno-poshjol-v-banderovcy.html).

Не менее агрессивно за годы специальной военной операции активно наращивалось продвижение «культа смерти» в европейских медиа. Единственное отличие от продвигающих техник украинской пропаганды – использование в качестве эсхатологического маркера образа Армагеддона как ключевой метафоры надвигающейся «четвертой мировой войны» (Россия, 24 часа – 18.10.2025), что соответствует эсхатологической концепции католицизма.

Сторонники пророссийской позиции сознательно избегают высокой частотности при использовании слова «смерть». Например, в новостных блоках на разных информационных каналах во избежание «опасной» номинации вместо «полоса смерти» при обозначении особо опасной, простреливаемой противником территории используется сложное существительное с иноязычным компонентом «килзона», нейтрализующее упоминавшееся выше пусть и ослабленное за последние десятилетия, но все-таки еще существующее ментальное табу. Еще один убедительный пример – очевидное доминирование стереотипа «минимизация жертв» в репортаже с совещания верховного главнокомандующего российской армии с высшими армейскими чинами 25.10.2025 (Россия. Вести. 25.10.2025).

Российские официальные СМИ нацелены на поддержание лексико-семантического поля «жизнь» (В. Путин: *Жизнь по-другому распорядилась*!), в ядерной зоне которого в полном соответствии с русским менталитетом несколько аксиоконцептов:

– *труд (танкисты работают, работа авиации и беспилотников, работают на уничтожение опорного пункта, работают слаженно, работают грамотно, боевая работа, труднее стало работать, фронтовой работяга);*

– *справедливость* и *правда (бойцы сражаются за правду и историческую справедливость; они знают правду).*

Происходящее с семантикой ключевых номинаций в лексико-семантическом поле «жизнь» выражает одну из ключевых тенденций, все более отчетливо проявляющихся во фронтовой публицистике. Так, с точки зрения литератора Н. Курчатовой, не раз побывавшей на донецком фронте, «знакомые с детства и затертые пропагандой выражения в этих (фронтовых – Н. Ц.) обстоятельствах начинают отзванивать тусклым золотом подлинной поэзии <...> Только в этой ситуации риска и напряжения сил в полной мере ощутила силу слова и его неразрывную взаимосвязь с реальностью, о которой ранее догадывалась скорее умозрительно». Самое интересное в этом честном фронтовом монологе – замечание о том, что происходит с человеком на войне, если он «пытается превознестись над жизнью»[7].

В приядерной зоне концепта «жизнь» в полном соответствии с традицией находятся хронологические маркеры, указывающие на жизненную перспективу – маркеры *будущего* времени, которые просматриваются, например, в подтексте репортажей с восстанавливаемых территорий Донбасса или в републикации высказывания президента Беларуси А. Лукашенко о Форуме регионов: «*Пока Запад подтягивает войска, мы занимаемся* в*опросами созидания»* (Белоруссия нацелена на диалог с Западом, заявил Лукашенко – РИА новости. URL: https://ria.ru/20220701/belorussiya-1799528433.html. Дата обращения: 01.07.2022) [См. подробнее: Цветова 2023: 101–110].

Или в финальной части процитированной выше публикации Н. Курчатовой есть открыто эсхатологический фрагмент – «фантазия» одного из персонажей с «говорящим» именем Виктор: «Промышленность Мариуполя будет стерта... И я бы хотел, чтобы ее не восстанавливали потом. Пусть в город вернется чистое море». Оказывается, теперь принято решение, что Мариуполь останется курортным городом, «Азовсталь» не будут восстанавливать». «Эхо» эсхатологического пейзажа в данном случае очевидно:

---

[7] *Курчатова Н.* Назвать по имени. О подлинности слова в огне войны // Культура. 2022. 30 июня. С. 31

искупительная жертва принята; море приходит на земле, залитую кровью; «чистое» море возвращает людям надежду на продолжение жизни.

Еще один показательный пример – репортаж о новом подразделении «Ночных ведьм», героиня которого в кульминационной части признается: «Я жить хочу! Хочу, чтобы мое поколение счастливо и мирно жило! Чтобы подруга домой вернулась, к дочке» (Россия-1. Вести недели. 12.10.2025).

Проанализированный материал заставляет сделать вывод о кажущейся парадоксальной на первый взгляд публичной коммуникативной ситуации, когда в критической ситуации большая часть российских медиа, прежде всего, традиционные печатные СМИ, радио и телевидение под влиянием огромного исторического опыта и инстинкта самосохранения актуализируют эсхатологический дискурс, ключевыми маркерами которого становятся лексико-семантические поля с ядерными зонами «жизнь» и «будущее». Визуальными обозначениями такого коммуникативного поворота становятся знамена с ликом Христа, на фоне которых могут звучать такие эсхатологические по транслируемому пафосу признания: «Я здесь до конца! Дай Бог, это будет победа!» (Россия-24. 13.10.2025).

Писатели-традиционалисты еще на исходе прошлого столетия убедили, что доминирование танатологии неизбежно спровоцирует трансформацию цивилизационного кода (если под цивилизацией, вслед за В. Бычковым, понимать всю совокупность деятельности человека, направленной на удовлетворение не только материальных, но и духовных потребностей).

Сопротивление индивидуального сознания движению цивилизации в гибельном направлении, зафиксированное интеллектуалом, художником, серьезно и содержательно. Известный писатель Анатолий Ким в студии Юрия Любимова в завершении беседы на тему «Экология. Эсхатология. Экклезиаст» (1998, август) цитирует финальную часть своего выступления, прозвучавшего на Азиатском экологическом форуме еще в середине 1990-х: «Мы уже хорошо знаем, что запас зеленой энергии жизни на земле хотя и велик, но все же представляет величину конечную. И при определенном критическом нарастании Х, этой массы общечеловеческого

эгоизма, питаемого ненавистью и насилием великого труда, она подавит зеленое пламя земной жизни. Но вначале может погаснуть голубое сияние воздуха над городами, атмосфера которых станет грязной и дрянной от ядовитых газов. Затем помутнеет, потеряет живость и превратится в густой раствор питьевая вода озер и рек. Тогда и вся природа, окружающая трагическое одиночество человечества на земле, утратит серебристо-жемчужный колорит своих милосердных просторов»[8]. Процитированный текстовый фрагмент представляет собой описание грядущей экологической катастрофы, доминирующими элементами которого стали получивший поливариантное художественное воплощение эсхатологический топос Света и семантическое поле Сатаны.

С другой стороны, высказывание А. Кима не противоречит гуманистическому представлению о человеке, занимающем уникальное место между Богом и Природой, препятствует полному и окончательному перерождению танатологических представлений в антигуманизм.

По всей вероятности, сегодня наступает эпоха, которая требует разномасштабного диалогического взаимодействия религиозной и гуманистической традиций. Ведь выявленные нами особенности современной коммуникативной ситуации, по сути, являются стратегическими, т. к. позволяют открывать, удерживать коммуникативную перспективу, что вполне соответствует жизнеутверждающей, как это ни парадоксально звучит для профанов, сути православной эсхатологии и толерантных по отношению к человеку гуманистических представлений. Наверное, неслучайно главную петербургскую литературную премию им. Гранина в 2024–2025 гг. получил фантастический роман С. Агачер, которая «решилась во что бы то ни стало победить смерть» 9. Автор романа, врач по образованию, убеждает своих читателей в том, что «человек без связи с природой деградирует и утрачивает огромное количество своих генетически детерминированных способностей». Сюжет романа – развернутое,

---

[8] *Ким А.* Экология. Эсхатология, Экклезиаст. Рукопись. – Личный архив автора статьи.

[9] *Ермакова А.* Терпеливая планета // Литературная газета. 2025. 25 июня. С. 19.

детализированное указание на угрозу гибели человечества в активно формировавшемся под влиянием философии гуманизма отношении к природе как к источнику ресурсов для жизни человека, для удовлетворения его потребностей в продолжении физического существования. Видимо, философская рефлексия «рубежного времени», как это ни парадоксально, опираясь на современное естественно-научное знание, может лишить гуманистические антропологические концепции их рационалистических оснований и, как следствие, актуализирует эсхатологические представления о мире и человеке.

Список литературы

1. *Аверинцев С. С.* Эсхатология // Философская энциклопедия: В 5-ти т. Т. 5. М., 1970. С. 580.
2. *Демичев А.* Тематичность смерти. Дискурсы и концепты // Memento vivere или Помни о смерти. Сб. статей. Под общ. ред. В. Л. Рабиновича и М. С. Уварова. – М., Академия, 2006.
3. *Малинович Ю. М., Мишуткина И. И.* Парадигма бытия человека в рамках «начало»-»конец» в немецкоязычном сознании: Leben und Tod // Вестник Иркутского гос. лингвистического ун-та. Антропологическая лингвистика. № 7. – Иркутск, 2004.
4. *Митрополит Макарий (Оксиюк).* Эсхатология Св. Григория Нисского. – М., 1999.
5. *Русаков Э.* Осень патриарха // «И открой в себе память!». Материалы к биографии В. П. Астафьева. – Красноярск, 2005.
6. *Трубецкой С. Н.* Эсхатология // Христианство. Энциклопедический словарь; В 3-х т. – Т. 3. – М., 1995. С. 268.
7. *Фуко М. Слова и вещи.* Археология гуманитарных наук. – СПб.: A-cad: АОЗТ «Талисман», 1994.
8. *Цветова Н. С.* Русская литературная эсхатология. Век XX. Эсхатологические идеи прозаиков-традиционалистов. Lambert: Academic Publisching. 2012. 241с.
9. *Цветова Н. С.* Эсхатологическая топика русской традиционной прозы второй половины XX века. Научное издание. Монография. СПб., факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. 168 с.
10. *Цветова Н. С.* Журналистика военного времени: коммуникативная позиция автора медиатекста // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18. № 3. С. 101–110.
11. Эсхатология – учение о «последних временах, включая конец света». – Апокалипсис. Тайны книги Апокалипсис. – Житомир, 2006. С. 253.

Элена Декич

Радио телевизија Србије РТС — Serbian Broadcasting Corporation RTS
djekic.nebula@gmail.com

Идеи трансгуманизма в современной американской кинематографии

Введение в тематику

Гуманизм возник из стремления расширить и улучшить отношения между людьми или отношения между человеком и его окружением. Однако сегодня, во времена прорыва идей трансгуманизма, субъект меняется, и его место занимают технологии, т. е. предметом интереса становятся отношения между человеком и технологией, которая является творением человека. Эти новые отношения демонстрируют сдвиг в социально-научной парадигме и поднимают множество дилемм. Трансгуманизм как философское и технологическое движение занимает все более важное место в современных нарративах массовой культуры, особенно в фильмах американского кино. Эта концепция, касающаяся улучшения физических и умственных способностей людей с помощью технологий, часто вызывает споры из-за возникающих этических и моральных дилемм. В американских фильмах трансгуманизм используется как ключевая тема исследования будущего человечества, возможности бессмертия и, в то же время, дегуманизации, грозящей уничтожить традиционные ценности и человеческую природу.

В данной статье мы занимаемся аксиологическим анализом рецепции фильмов, затрагивающих тему трансгуманизма, технологий и будущего человечества, через призму рецензий, опубликованных в ведущих американских журналах. В фокусе анализа фильмы

«Апгрейд» (2018), «Бладшот» (2020), «Матрица: Воскрешение» (2021) и «Оппенгеймер» (2023). Эти фильмы по-разному поднимают ключевые вопросы о будущем человеческого тела и разума в мире радикальных технологических инноваций. Фильмы находятся на стыке жанров – боевиков, научной фантастики и философии, исследуя возможности человеческой эволюции посредством технико-биологических достижений и одновременно поднимая фундаментальные вопросы о человеческой природе, идентичности, свободе, контроле и автономии.

Наш выбор фильмов для анализа основан на выделении общей для них центральной темы – взаимодействие человека и технологий, с особым акцентом на трансгуманистические элементы. Каждый из этих фильмов посвящен вопросам эволюции человека, этическим дилеммам передовых технологий, а также отношению человека к собственному телу и социальным нормам.

Для анализа мы выбрали десять обзоров из журналов The Guardian, The New York Times, The New Yorker, The Verge. Сами журналы были выбраны из-за их репутации ведущих медиа-платформ, занимающихся кинокритикой и анализом современных культурных явлений, эти журналы известны высоким уровнем приверженности к критическому мышлению. Кроме того, они охватывают широкую аудиторию и влияют на общее понимание и восприятие фильмов, что делает их важными источниками для анализа воздействия фильмов на общество.

Аксиологический анализ журнальных обзоров проводился через призму четырех ключевых ценностей: свобода, автономия, идентичность и контроль. А сами концепты выбраны потому, что они отражают основные этические и философские дилеммы трансгуманизма. Концепты свободы и автономии связаны с вопросом индивидуального выбора в мире, где технология играет все возрастающую роль в формировании человеческой жизни. Концепты идентичности и контроля относятся к важным аспектам представления о том, кем мы являемся как личности, о том, каким образом социальные структуры и технологии могут влиять на нашу способность самоопределяться и управлять собой. Эти четыре концепта являются ключом к пониманию того, как в названных фильмах поднимаются

и решаются философские вопросы в контексте технологического прогресса.

Через призму СМИ и, прежде всего, посредством медиа-анализа можно исследовать, как трансгуманистический дискурс эстетически оформляется и представляется аудитории. Склонны ли СМИ рассказывать об опасностях трансгуманизма или, наоборот, используют их как средство нормализации и принятия?

Теоретическая основа исследования

Чтобы понять репрезентацию трансгуманизма в американском кино и его отражение в средствах массовой информации, необходимо опираться на критические теории, рассматривающие роль технологий, капитализма и средств массовой информации в современном обществе. В этой статье мы будем использовать постулаты Франкфуртской школы и теории Жана Бодрийяра, которые обеспечивают адекватную основу для критического взгляда на то, как технологии и медиа формируют социальные ценности, идентичность и восприятие реальности.

Теоретики Франкфуртской школы, Теодор Адорно и Макс Хоркхаймер, в своей работе «Диалектика Просвещения» (1947) отмечают, что технология, которая должна была способствовать развитию человечества, становится инструментом увековечения капиталистического порядка и подчинения личности массовой культуре. Более того, Жан Бодрийяр предлагает другую, но дополняющую точку зрения, уделяя особое внимание симуляции и гиперреальности. В своей работе «Симулякры и симуляции» [Bodrillard, 1994] Бодрийяр описывает, как современные медиа-образы заменяют реальность симулякрами – копиями, в которых отсутствует оригинал. В мире, наполненном медиа-контентом, реальность становится неактуальной, а то, что мы переживаем через изображения и симуляции, становится «новой реальностью».

И Франкфуртская школа, и подходы Бодрийяра подчеркивают, что технология – это не просто нейтральный инструмент, расширяющий человеческие возможности, но культурный феномен,

формирующий наше восприятие мира и нас самих. В этом смысле трансгуманизм в американских фильмах – не просто научная фантастика или видение будущего, а сложный дискурс о власти, контроле и идентичности.

Аксиологический анализ кинорецензий

Базовыми ценностями, на основе которых проводился анализ, являются свобода, контроль, идентичность и автономия, поскольку они представляют собой фундаментальные аспекты человеческого опыта, которые пересматриваются и трансформируются в контексте технического прогресса.

В «Матрице: Воскрешение» тема контроля занимает центральное место в повествовании. В фильме изображен мир, в котором люди оказались в ловушке смоделированной реальности и где они отражают современные страхи по поводу вездесущей роли технологий в нашей жизни. Одна из ключевых метафор в фильме «Матрица» – контроль над людьми, который осуществляет искусственный интеллект, ограничивая их способность воспринимать истинную реальность.

В обзоре The Verge, Адди Робертсон подчеркивает это противоречие, отмечая, что «новая Матрица удваивает внимание к тому, являются ли контроль и свобода просто иллюзиями – реальными или смоделированными». Фильм вновь вводит философскую предпосылку о том, что люди, возможно, никогда не смогут полностью выйти из-под контроля более мощных технологических сил. Мы находим эту озабоченность у теоретика Ника Бострома, где он предупреждает о потенциальных опасностях развитого искусственного интеллекта, который может преодолеть человеческий контроль [Bostrom, 2014: 15].

Автономия как ценность устанавливается как противоположность контролю. В фильме герои борются за свою автономию в мире, который ими постоянно манипулирует. Нео (Киану Ривз) и Тринити (Кэрри-Энн Мосс) символизируют стремление к свободе и самоопределению. В то же время оказываются перед возникающим

вопросом: насколько подлинна их свобода, когда они подвержены влияниям внешнего мира?

В обзоре для The New York Times Джеймс Поневозик пишет, что «Матрица заново исследует автономию персонажей, ставя под сомнение возможность достижения свободы в мире, определяемом контролем» [Poniewozik, 2021]. Эта дилемма адресует нас к философской дискуссии о том, может ли автономия существовать без полной свободы. «По мере развития технологий, – подчеркивает Росс Даутат, – возникает вопрос, смогут ли люди сохранить свою автономию или станут просто продолжением созданных ими машин» [Douthat, 1999: 198].

В фильме также исследуется концепция свободы, особенно через персонажей, которые стремятся освободиться от ограничений, налагаемых на них искусственным интеллектом. Герои пытаются найти свое место в мире, полном иллюзий, и свобода становится ключевым мотивом в их борьбе. В обзоре для The Guardian Марк Кермод пишет, что «свобода в „Матрице“ не только физическая, но и ментальная, поскольку персонажи пытаются понять смоделированную реальность и вырваться из нее». Этот подход можно соотнести с теоремами трансгуманистов, обсуждающих вопросы свободы в контексте передовых технологий. Рэй Курцвейл в своей работе «Сингулярность близка» утверждает: «По мере развития технологий индивидуальная свобода может стать более сложной, поскольку границы между человеком и машиной будут размыты» [Kurzweil, 2005: 83].

Кроме того, идентичность в «Матричных воскрешениях» – это тема, которая переплетается с контролем, автономией и свободой. Персонажи сталкиваются с вопросами идентичности в мире, где реальностью манипулируют технологии. Фильм ставит перед нами задачу: как сохранить свою идентичность в мире, который является симуляцией?

В обзоре для The Verge Робертсон отмечает, что «Матрица исследует идентичность как изменчивую концепцию, поднимая вопросы о том, кем мы являемся, когда наша настоящая идентичность подвергается трансформации». Этот аспект можно связать с идеями Жана Бодрийяра который утверждает: «В мире симуляций идентичность

становится фрагментированной и больше не может пониматься как единое целое» [Baudrillard, 1994: 1].

В фильме «Апгрейд» (2018) технологии определяют судьбу главного героя, жизнь которого кардинально меняется после установки имплантата искусственного интеллекта. В фильме контроль проявляется через взаимодействие главного героя со STEM — искусственным интеллектом, перенимающим на себя его моторику и способности. Контроль становится центральной точкой напряжения между человеческой волей и технологией. Бенджамин Ли в обзоре для The Guardian отмечает: «Фильм ставит под сомнение границы между человеческой волей и технологическим контролем, ставя под сомнение степень, в которой мы готовы подчиниться машинам, чтобы улучшить наше существование». Этот комментарий отражает страх перед возможностью того, что машины возьмут нас под контроль. Теоретик Ник Бостром также указывает на этот страх: «Контроль, который искусственный интеллект может осуществлять над людьми, может иметь разрушительные последствия для их свободы и автономии» [Bostrom, 2014: 23]. Грей, главный герой, сталкивается с потерей автономии, потому что STEM берет под контроль его тело. В обзоре для The New York Times, Jeannette Catsoulis отмечает: «Фильм исследует ловушки независимости в мире, где технологии могут смешиваться с человеком, часто забирая больше, чем предлагают». Тема свободы в фильме исследуется через борьбу Грея за восстановление контроля над своей жизнью и телом. Его отношения со STEM указывают на вопрос, действительно ли он свободен принимать собственные решения или они уже запрограммированы. Таша Робинсон в The Verge отмечает: «Фильм поднимает вопрос идентичности в мире, где технологии могут по-новому определить, кто и что мы есть». Идентичность — центральная тема фильма, поскольку Грею предстоит столкнуться с вопросом о том, кем он стал после имплантации STEM. Технологии не только укрепляют его, но и бросают вызов его восприятию собственной личности. Ричард Броуди в обзоре для The New Yorker пишет: «Это история освобождения, но также и привязанности к технологии, которая может принести свободу или дальнейшее порабощение». Эти наблюдения вписываются в более широкую дискуссию об идентичности,

о которой писал теоретик Стив Фуллер: «Трансгуманизм предлагает нам переосмыслить традиционные представления об идентичности, поскольку технологии меняют наши физические и умственные границы» [Fuller, 2013: 289].

В фильме «Бладшот» (2020) рассказывается об искусственно реанимированном солдате, которого играет Вин Дизель. Контроль проявляется через власть корпорации, которая использует технологии для манипулирования главным героем. В обзоре для The Guardian, Бенджамин Ли отмечает: «В фильме рассматриваются вопросы о том, как далеко мы можем зайти в экспериментах с человеческой жизнью, особенно когда речь идет о прибыли и контроле». Это утверждение может быть связано со взглядами теоретика Шерри Тёркл которая пишет: «Систематический контроль информации и коммуникаций формирует наше восприятие реальности и самих себя». Однако автономия является ключевой темой в Bloodshot, поскольку герою приходится столкнуться с потерей свободы и способности принимать собственные решения. Ричард Лоусон в The New York Times пишет: «Хотя фильм предлагает захватывающие боевые сцены, поднимается вопрос о том, как освободить героя от контроля, который находится над ним». Свобода в Bloodshot пересматривается через динамику отношений между героем и его создателями. В обзоре для The New Yorker Ричард Броуди отметил: «Этот фильм — больше, чем просто боевик; он затрагивает философские вопросы свободы и выбора в мире, где каждый шаг контролируется». Эта концепция опирается на идеи Рэя Курцвейла который пишет: «Технологические достижения могут привести к переопределению свободы как концепции, изменив то, как мы воспринимаем человеческую природу» [Kurzweil, 2015: 115]. Идентичность в Bloodshot нечто непостоянное, поскольку герой, после проведенных над ним экспериментов, проходит через процесс переопределения того, кто он есть. В рецензии на The Verge Ник Харли подчеркивает: «В фильме исследуется, как технологии могут повлиять на наше восприятие идентичности, а значит, и на нашу сущность». Эта точка зрения основана на мыслях Дональда Масуда: «Технологии не только создают новые возможности для идентичности, но создают и проблемы,

которые заставляют нас подвергать сомнению наше существование» [Masuda, 2018, 117].

Фильм «Оппенгеймер» (2023) режиссера Кристофера Нолана предлагает комплексное представление о морально-этических дилеммах, возникших в контексте развития ядерных технологий и их влияния на судьбы человечества. В контексте свободы «Оппенгеймер» поднимает вопросы о том, насколько свободны учёные в исследовании и разработке технологий, которые могут иметь катастрофические последствия. Оппенгеймер как главный герой представляет дилемму между профессиональными амбициями и этическими последствиями своей работы. В обзоре The Guardian Питер Брэдшоу пишет: «В фильме говорится о важности решений, принятых во имя науки, а также подчеркивается, что свобода исследований сопряжена с ответственностью». Ник Бостром дополнительно освещает эту тему: «Технологические достижения могут расширить наши возможности, но усиливают нашу ответственность за то, чтобы помнить о том, как эти возможности повлияют на человеческие жизни» [Bostrom, 2021: 34]. Контроль – еще одна ключевая тема «Оппенгеймера». Оппенгеймер и его сотрудники передали контроль над мощным оружием в руки солдат и политиков, поставив вопрос об этике и морали при использовании таких технологий. В обзоре The New York Times А. О. Скотт отмечает: «Оппенгеймер считает иронией то, что те, кто создает власть, часто в конечном итоге становятся жертвами той же самой власти». Говоря о контроле, Макс Мор подчеркивает: «Если мы не возьмем под контроль технологии, которые разрабатываем, они будут контролировать нас» [More, 2021: 58]. Автономия у «Оппенгеймера» видна через борьбу личности против коллективного давления общества и военного аппарата. Оппенгеймер сталкивается с проблемой сохранения верности своим моральным принципам и одновременного ответа на требования властей. Как пишет Ричард Броуди в своем обзоре для The New Yorker: «Автономия Оппенгеймера рушится под давлением того, что он создал». Илон Маск добавляет: «Наша способность сохранять автономность зависит от технологии, которую мы разрабатываем, и от того, как мы ее используем». Идентичность Оппенгеймера становится сложной из-за его отношения к технологиям и тех

последствий, которыми результаты его работы оказывают на человечество. В фильме показано, как его имя становится синонимом разрушения, а его личное чувство идентичности трансформируется благодаря его роли в разработке атомных бомб. В обзоре в журнале The Verge Лиз Шеннон Миллер пишет: «В фильме исследуется, как личность человека может стать отмеченной преступлением, даже если намерения были благородными». Наташа Вита-Море утверждает: «Наша идентичность становится частью технологии, которую мы разрабатываем; мы должны спросить, что значит быть человеком в этом контексте» [Vita-More, 2022: 75].

Выводы

Из анализа фильмов «Апгрейд», «Бладшот», «Матрица: воскрешение» и «Оппенгеймер» можно сделать вывод, что СМИ не предлагают простых решений, когда речь идет о слиянии человека и технологий. Вместо этого они часто исследуют сложные и противоречивые аспекты этих отношений, поднимая вопросы о человеческой природе, свободе и идентичности. Из рецензий становится ясно, что фильмы затрагивают вопросы самоуничтожения, подразумевая, что технологический прогресс может привести к потере человеческой автономии и свободы. Например, Брамеско в своем обзоре о Upgrade утверждает, что «технологии могут стать угрозой самой сути человеческого существования». Такое отношение повторяется в «Бладшоте», где личность героя определяется технологией, которая его контролирует, предполагая, что развитие технологий часто приводит к потере человеческой идентичности и свободы.

Однако фильмы не оставляют зрителей без надежды. Вместо того, чтобы примирить их с идеей самоуничтожения, они предлагают возможность поставить под сомнение и переопределить идентичность в контексте технологических изменений. Например, в «Матрице воскрешении» персонажи борются за свободу и автономию в мире, находящемся под контролем технологий, тем самым обеспечивая более оптимистичный взгляд на способность человека противостоять негативным аспектам технологий.

В конечном итоге эти фильмы призывают к критическому осмыслению взаимоотношений человека и технологий, указывая на необходимость поиска баланса между прогрессом и сохранением человеческих ценностей. Как указывает Бодрийяр, «симуляция может заменить реальность, но это не значит, что мы потеряли способность бороться за то, что делает нас людьми» [**Bodrillard,** 1994: 76]. Таким образом, хотя средства массовой информации исследуют темную сторону технологий, они также поощряют дискуссии об этике, идентичности и возможных путях к лучшему будущему.

Список литературы

1. *Bodrillard Jean. Simulacra and Simulation*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1994.
2. *Bostrom Nick*. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. Oxford University Press, 2014.
3. *Douthat Ross*. The Age of Spiritual Machines. Viking Press, 1999.
4. *Fuller Steve*. The Transhumanist Reader. Wiley-Blackwell, 2013.
5. *Kurzweil Ray*. The Singularity Is Near. Viking, 2005.
6. *Masuda Donald H. G. H*. Transhumanism and the Technological Singularities. Springer, 2018.
7. *More M*. The Philosophy of Transhumanism, Oxford University Press. 2021.
8. *Vita-More N*. Transhumanism: A Reader, Wiley. 2022.

М. В. Ливанова

Смоленский гос. ун-т
marliv@rambler.ru

Повседневная жизнь в гуманитарной повестке цифровых локальных СМИ и сетевых сообществ

Состояние современного общества отличается неопределенностью, непредсказуемостью и изменчивостью социальных процессов, ростом неуверенности индивидов и вместе с тем – глубинной интеграцией медиапотребления в повседневную практику и усилением медиасоциализации [Вартанова и др., 2023]. Подобная ситуация (как долго будут накапливаться проблемы – бытовые, личные, межличностные) была отмечена и в период пандемии COVID-19. В стремлении свести к минимуму диапазон неопределенности медиа обращаются к повседневности – непосредственной среде человеческой жизни с ее «семантикой тривиальности, бытовой вещественной формы, повторяемости и обыденности» [Козьякова, 2013: 17].

Мир обыденного как самостоятельная сфера выделился в отдельную категорию и представляет интерес для различных областей знания: философии (социомикромир человека и обыденное мышление), истории (повседневная жизнь разных времен и народов), социологии (субъект, вписанный в социальную реальность), культурологии (ценности и нормы быта и бытия) и др.

Усложнение методологии и презентации социальных проблем при формировании гуманитарной медиаповестки также заставляет обращаться к данной сфере. Внимание *к малозаметным будням обычного человека рассматривается как необходимое условие создания правдивой и реалистичной жизненной картины*

в локальных СМИ [Дроздова, 2017; Иванов, 2016], сглаживания социального напряжения, актуализации значимости локальных проблем, гуманистических ожиданий участников сетевых сообществ [Нигматуллина и др., 2022; Павлушкина, 2023], формирования социального пространства территории [Попова, 2024]. Подводя итоги развития социальной журналистики за двадцатилетний период, Т. И. Фролова отмечает, что «п*лотность вовлечения реалий повседневности в содержание медиа настоятельно диктует принятие конкретных решений, которые прямо влияют на развитие общественного потенциала» [Фролова, 2023: 118].*

Повседневная жизнь понимается как важный аспект человеческого существования, включающий в себя специализированную деятельность, обыденное сознание и материально-вещественную среду. Среди ее социальных практик и личных стратегий выделяются также отношения с социальными институтами, социальная организация различных групп (семья, друзья, соседи, коллеги), социальное соучастие, труд, досуг, праздники, аспекты девиантного поведения, нарушающие привычный ход вещей. С одной стороны, это повторяемость событий и явлений, с другой – противоречивость и перемены.

Неотъемлемой частью повседневности стала ее медиатизация. Это обусловило перенос репрезентации социомикромира человека как части общественной жизни на цифровые платформы локальных СМИ и территориальных сетевых сообществ (пабликов). Локальные медиа, всегда существовавшие на границе массовой и межличностной коммуникации, сегодня «интегрированы в интенсивный информационный обмен простых людей – членов локальных социальных общностей» [Зорин, 2023: 297], «цифровых соседств» [Курушкин, 2020] с их отсутствием анонимности и стремлением к субъектности. Это пространство физическое и пространство медийное, наполненное человеческими отношениями и взаимодействием, наиболее чувствительное к переменам. В нем находит отражение система регулярных и обыденных коллективных практик и личных стратегий повседневности, социальное самочувствие аудитории.

Социальное конструирование повседневной жизни людей происходит на макроуровне (установление общих форм

институциональных отношений), мезоуровне (в связи с этим формирование моделей поведения) и микроуровне (реализация индивидуальных потребностей и интересов в тех или иных социальных практиках) [Жигунова, 2015].

Исследование репрезентации повседневности на двух сетевых площадках одной платформы включало в себя анализ сообщений в группах *ВКонтакте* пяти локальных государственных газет Смоленского региона. Это еженедельные издания с печатными тиражами за гранью лицензирования (500–900 экз.), выходящие в сельских муниципальных образованиях с населением от 4000 до 8000 человек. Часть их относится к депрессивным и малонаселенным районам, удаленным от центра и расположенным на границе с Брянской и Калужской областями, которые постоянно подвергаются военно-террористическим угрозам. Также исследованы посты и комментарии в сообществах «Подслушано в...» данных территорий (всего изучено около 2000 сообщений и комментариев за февраль-март и декабрь 2023 года).

Территориальная и географическая локализация гуманитарной медиаповестки рассматривалась как федеральная, региональная и местная (повседневная) с соответствующими тематическими сегментами (социальная сфера, социальные институты, власть, СВО, культура). Анализ показал разную степень внимания к социомикромиру человека, особенно в период тревожности и неопределенности.

Федеральная политическая и региональная административная повестки – макроуровень – представлены только в соцсетях газет, суммарно их доля составляет от 46 до 70% (визиты и указы президента, официальная информация о национальных проектах, сервисах Госуслуг, позиции России по значимым международным событиям). Региональная отмечена регулярной публикацией рабочего графика губернатора, официальной информацией профильных министерств (программа Года семьи) и призывами поддержать в районах, например, такие инициативы, как Всемирный день благотворительности или присоединиться к Неделе сохранения душевного комфорта.

Пространство повседневности – локальная повестка (от 29% до 52%) – в основном заполнено поздравлениями с календарными и профессиональными праздниками, юбилеями, анонсами культурных и спортивных событий, новостями об участии земляков в областных мероприятиях, а также официальными сообщениями от местных структур власти, отделений общественных организаций (партия «Единая Россия» и молодежное «Движение первых»). Это преимущественно информационный контент, не отмеченный просмотрами, лайками, комментариями. Повседневность рассматривается на мезоуровне – как коллективные, сложившиеся по определенным правилам, а не индивидуальные практики отношений граждан с местной администрацией, учреждениями здравоохранения, образования, коммунальными службами. Публикациям об их деятельности присуща нейтральная тональность. Власть идентифицирует себя с населением, предстает «своей», испытывающей те же трудности и зависимость от федеральных и региональных структур, переносящей все тяготы наряду с жителями («Москва не выделила денег на ремонт», «в области не утвердили проект» и т. п.), транслирует психологию социального бессилия, не способствующую социальному участию.

Контент и активность локальных СМИ «построены на местной гуманитарной повестке, в которой глубинная Россия отчаянно нуждается» [Фролова, 2023: 134], но издания перестали быть «газетой маленького человека» [Аргылов, 2023: 49] – эту концепцию раскрывают на цифровых платформах только две редакции (в приграничных районах) из пяти. Журналисты пользуются доверием аудитории, с которой обсуждают «жизнь как она есть» здесь и сейчас: заваленные снегом улицы, мусорные свалки, отказ «скорой помощи» ехать по непроходимым дорогам. Редакции задают вопросы местной администрации, становятся посредниками между ней и аудиторией и поднимают статус повседневности, актуализируя значимость рутинных проблем для социального самочувствия жителей. Локальные СМИ можно рассматривать «как систему охранной сигнализации, выявляющую кричащие проблемы жизни в тех или иных местах» [Ершов, 2020: 64].

Контент СВО (9,8% в начале 2024 года) отмечен как в федеральной повестке (условия контрактной службы, льготы государства), так и в локальной (поддержка мобилизованных и их семей). В конце года тема СВО полностью переместилась из федеральной повестки СМИ в локальную и увеличила свое присутствие почти вдвое (до 17,5%). Тексты стали персонифицированными и связанными с земляками (участник СВО в отпуске встретился с учениками школы, которую окончил; сельский врач лечит раненых в госпитале; жительница отдаленной деревни связала носки для бойцов и передала в пункт сбора гуманитарной помощи).

Обсуждение текущего положения вещей перенесено в территориальные сетевые сообщества, которые предъявляют права на то же социальное и географическое пространство, что и традиционные местные издания с многолетней историей.

Социальные медиа формируют реальную повестку: «проблемы человека в пространстве соцсетей и его будущего, которые нуждаются в гуманистических решениях» [Павлушкина, 2023: 40]. Хотя количество подписчиков превышает численность населения каждого из районных центров, отношения соседства и землячества практически исключают сетевую анонимность. Отсутствует федеральный контент (при наличии других источников) и минимизирован региональный. Не обсуждается и тема СВО в условиях коррекции публичного пространства и самокоррекции личных медиакоммуникаций под влиянием административно-политических регуляторов и этических мотивов [Реутов, Тришина, 2023]. Сообщества сконцентрированы на личных стратегиях повседневного выживания: от 84 до 92% постов составляют объявления о продаже и покупке жилья, бытовой техники, сельхозинвентаря, продуктов с личного подворья, предметов домашнего обихода (увеличилось количество просьб «отдать даром»), поисках работы. При бездействии местных администраций их функции замещают инициативы граждан по обмену услугами: транспортными, социальными, бытовыми. Самостоятельность решений, сочувствие проявляются в организации помощи сообщества пожилым сельским жителям.

Пользователи публикуют фото и видео заснеженных улиц с резкими комментариями, помогают в поисках потерявшихся животных,

предупреждают о телефонном мошенничестве. Комментируются проявления девиантного поведения, нарушающие устоявшийся мир микросоциума с его нормами и ценностями: вандализм подростков, кража пожертвований из храма (ничто из этого не обсуждалось в СМИ).

Медийная активность трансформируется в реальную (поиск свидетелей ДТП, попутчиков на личный транспорт, помощь в режиме реального времени: найти редкое лекарство, учебники для детей). Аудитория объединяется для совместного досуга, общения, занятий спортом. Практикуются такие формы социального взаимодействия, как сбор вещей для малоимущих, средств в фонд приюта для бездомных животных.

Вместе с личным опытом адаптации сообщества самоорганизуются для обсуждения и критической оценки выполнения местной администрацией обязанностей по управлению территорией (отсутствие освещения, отмена внутрирайонных транспортных маршрутов, закрытие больницы), а также публично, без посредничества журналистов, коммуницируют с Центром управления регионом, реагирующим на обращения в соцсетях. Попытки оптимизации локальных социальных пространств (улицы, дворы, парки) предпринимаются вне усилий социальных институтов и профильных властных структур из-за общепринятой практики переформатирования добровольных инициатив в официальные «мероприятия».

Повседневность предстает как, прежде всего, «выявление человекоразмерности общества, накрепко зацементированного неподвижными скрепами социальных институтов» [Кравченко, 2023: 43]. Результаты исследования показывают, что в едином географическом и медиапространстве возникает феномен «параллельных повседневностей», которые пересекаются в локальных точках (неудовлетворенность текущими условиями жизни), но в корне различаются подходами к оценке общественного потенциала. Онлайн-СМИ продолжают выступать в функции социального института и статусного атрибута территории, рассматривают повседневность как нерефлектируемую рутинную очевидность, фокусируются на инфоповодах, не входящих в ее поле (информационном институциональном контенте) и типичных обязательных практиках, предписанных

социальными институтами, не замечая ее субъективную природу и актуальность (то, что волнует, тревожит, задевает людей в данный момент).

Социальные медиа, используя право на публичное высказывание, напротив, сосредоточены на личных стратегиях повседневности и социальных практиках ее освоения. Стихийная низовая гуманизация, желание людей помочь друг другу раскрывают статус повседневности как социального явления. Данный подход к формированию гуманитарной медиаповестки возможен при реалистическом понимании и принятии людей такими, как есть.

Список литературы

1. *Аргылов Н. А.* Лекции о локальных медиа. — СПб.: Реноме, 2023.
2. *Вартанова Е. Л., Гладкова А. А., Дунас Д. В.* Журналистика рисков во времена неопределенности // Актуальные проблемы медиаисследований-2023. XIII Международная научно-практическая конференция НАММИ: сб. мат. конф. — М.: Фак. журн. МГУ, 2023. С. 23–24.
3. *Дроздова А. В.* Визуальные способы представления повседневности в новых медиа // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2017. № 6. С. 114–124.
4. *Ершов Ю. М.* Местная пресса как скрепа социальных пространств // Вопросы журналистики. 2020. № 8. С. 49–70.
5. *Жигунова Г. В.* Повседневность как социальный феномен // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 8. С. 56–71.
6. *Зорин К. А.* Фрактальность локальных медиа как причина изменений в медиасистемах // Журналистика в 2022 году: творчество, профессия, индустрия: сб. мат. междунар. науч.-практ. конф. — М.: Фак. журн. МГУ, 2023. С. 296–297.
7. *Иванов А. И.* Образ повседневности в журналистике и литературе // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 9. С. 330–341.
8. *Козьякова М. И.* История. Культура. Повседневность. — М.: Согласие, 2013.
9. *Кравченко А. И.* Социология повседневности // Социология. 2023. № 4. С. 41–60.
10. *Курушкин С. В.* Гиперлокализация в системе российского мегаполиса: к вопросу об определении понятия // Челябинский гуманитарий. 2020. № 4 (53). С. 36–40.

11. *Нигматуллина К. Р., Павлушкина Н. А., Литвинова Д. И.* Сглаживание социального напряжения: анализ тональности жалоб в соцмедиа трех регионов // Актуальные проблемы медиаисследований – 2022. XII Междунар. научно-практическая конференция НАММИ: сб. мат. конф. – М.: Фак. журн. МГУ, 2022. С. 115–117.
12. *Павлушкина Н. А.* Гуманистические ожидания аудитории социальных сетей // Медиа в современном мире. 62-е Петербургские чтения: сб. мат. Междунар. науч. форума / отв. ред. А. А. Малышев. В 2 т. Т. 1. – СПб.: Медиапапир, 2023. С. 40–42.
13. *Попова М. Ф.* Роль локальных медиа в формировании социального пространства территории // Цифровая журналистика: технологии, смыслы и особенности творческой деятельности: сб. мат. междунар. науч.-практ. конф. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2024. С. 73–75.
14. *Реутов Е. В., Тришина Т. В.* Самокорректировка личных медиакоммуникаций в связи со специальной военной операцией (региональный аспект) // Журналистика в 2022 году: творчество, профессия, индустрия: сб. мат. междунар. науч.-практ. конф. – М.: Фак. журн. МГУ, 2023. С. 365–367.
15. *Фролова Т. И.* Социальная журналистика: двадцать лет спустя // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2023. № 6. С. 118–146.

Содержание

Проф. В. А. Сидоров

Гуманизм и медиа XXI века: от реального к иллюзорному? Введение в проблематику книги 3

Professor V. A. Sidorov

Humanism and Russia in the 21st century: from real to illusive Introduction 15

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ГУМАНИЗМ И ЕГО ОТРИЦАНИЕ В МЕДИЙНОЙ СРЕДЕ

Г. С. Мельник

Трансгуманизм: новый мировой порядок, власть над будущим или глобальная ловушка 27

И. Ф. Кефели

Цифровой гуманизм: «что такое хорошо и что такое плохо» 41

В. А. Гуторов

Постправда против гуманизма: к проблеме кризиса образования в современном мире 58

А. Н. Линде

Гуманистический подход к коммуникации и PR и его применение в работах Ю. Хабермаса, Дж. Грюнига 68

Кузнецова Е. И.

Субъектность цифрового мира как новое воплощение медиальности .. 77

А. Н. Фортунатов

Конфликт медийного и реального в структуре личности 89

Е. В. Маринова

Человек в медиадискурсе о «цифре» в системе координат гуманизма 99

Ерофеева И. В.

Когнитивный инструментарий противодействия медийным деструкциям гуманизма 113

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ И МЕДИАПРАКТИКИ ГУМАНИЗМА

В. А. Сидоров

Гуманизм медиа: человекоразмерность цифровой эпохи 135

С. В. Курушкин

Искусственный интеллект и естественный гуманизм: взаимодействие людей и non-humans в медиасоциуме 150

Лай Линчжи (Lai Lingzhi)

Медиагуманизм на фоне искусственного интеллекта и нейросетевых медиа: практика Китая 158

С. В. Муравьёв

Философия творчества — оптимистический прогноз развития искусственного интеллекта 171

Е. В. Аргунова

Дифференциация мировосприятия и кризис взаимопонимания в условиях дегуманизирующих трендов 185

Иванян Р. Г.

Медиасолидарность в контексте гуманизма 195

Л. Г. Свитич

Динамика традиционных ценностей на российском телевидении в контексте аксиологического медиаполя 213

Л. А. Круглова

Социальные медиа российских телевизионных каналов: гуманистическая или антигуманная повестка дня? 229

В. В. Тулупов

Русская ментальность и язык массмедиа 248

Н. С. Цветова

Презентация мортальности в медийном пространстве: современные контексты 261

Элена Декич

Идеи трансгуманизма в современной американской кинематографии 279

М. В. Ливанова

Повседневная жизнь в гуманитарной повестке цифровых локальных СМИ и сетевых сообществ 289

УСКОЛЬЗАЮЩИЙ ГУМАНИЗМ В ТЕКУЧЕЙ МЕДИЙНОСТИ XXI ВЕКА

Коллективная монография

Под ред. В. А. Сидорова

ИД «Петрополис»
Корректор – _____
197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д. 16,
офис-центр 1, 5 эт., пом. 498, тел. 336 50 34
Формат 60 × 84 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Печать офсетная 18,75 п. л.
Тираж 300. Заказ № __

Отпечатано в типографии ООО «ПетроБук»
197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д. 16